

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

А. П. ЛАЙДИНЕН

ТОРПАРСКАЯ
СИСТЕМА
АРЕНДЫ
ЗЕМЛИ
В ФИНЛЯНДИИ

XVII—первая половина XIX в.

Финляндское государственное библиотечное
учреждение
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИЯЛИ КарНЦ РАН)
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

В монографии исследуется торпарская аренда земли в Финляндии, основанная на отработках, раскрываются причины ее возникновения и прослеживается ее развитие до 60-х гг. XIX в., рассматривается правовое и материальное положение торпарей, роль торпарской системы аренды в освоении новых площадей и значение торпарства как источника рабочей силы в условиях проникновения буржуазных отношений в деревню.

Для историков, экономистов.

Ответственный редактор: Л. В. СУНИ

Рецензенты: А. С. ЖЕРБИН, Г. Д. КОРНИЛОВ

Введение

Процесс разложения феодальных и утверждения капиталистических отношений в деревне относится к числу наиболее актуальных проблем, изучаемых советскими историками. Изучение этого процесса позволяет раскрыть закономерности исторического развития и их специфику.

Аграрные отношения при переходе от феодализма к капитализму, проблемы развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве входят в круг тех вопросов истории Финляндии, которые до сих пор слабо исследованы в советской историографии. В рамках данной общей темы наименее изученными остаются вопросы аренды, которые затрагивали интересы значительной части населения страны в лице различных категорий держателей земли и землевладельцев.

До конца XIX в. в Финляндии возникло и параллельно развивалось несколько форм докапиталистической аренды земли крестьянами. Одной из наиболее распространенных среди них была торпарская, мелкая аренда преимущественно за отработки. Система торпарского землепользования занимала в истории аграрных отношений Финляндии важное место на протяжении более чем трех столетий.

К середине XIX в. подавляющая часть площадей, отданных землевладельцами Финляндии в аренду, находилась в пользовании у торпарей. Сами торпари составляли основную категорию той части безземельного населения страны, которая получала средства к существованию преимущественно с арендуемого участка. Отношения между торпарями и их хозяевами составляли в этот период центральную проблему аграрной политики правительственных кругов.

Непрерывный рост арендной платы, общее сокращение сроков арендных соглашений, ограничение прав торпарей в использовании леса побудили последних начать во второй половине XIX в. движение за улучшение своего положения. Возник так называемый торпарский вопрос, который занял главное место в социально-экономической жизни страны. На рубеже XIX—XX вв. торпарский вопрос играл весьма важную роль и в политической жизни княжества. Вопросы аренды земли доминировали в аграрной политике

как местного финляндского правительства, так и царских властей в отношении княжества.

В данной работе поставлена задача с позиций марксистско-ленинской теории показать причины возникновения торпарской системы аренды на частновладельческой земле в Финляндии, проследить ее развитие до 60-х гг. XIX в., рассмотреть правовое и материальное положение торпарей в исследуемый период. Автор попытался также определить роль мелкой (торпарской) аренды за отработки в качестве источника рабочей силы для освоения новых площадей под земледелие и развития товарного производства в условиях разложения феодализма и становления капиталистических отношений в сельском хозяйстве Финляндии. Хронологически исследование заканчивается 60-ми гг. XIX в., которые были временем вступления Финляндии в период буржуазных реформ. В 60-е гг. торпарская система аренды земли достигла в Финляндии своей кульминации.

В финляндской историографии проблемы поземельной аренды являлись предметом специального исследования в трудах нескольких авторов. Разные этапы в развитии торпарской системы, в истории так называемого торпарского вопроса освещены наиболее полно и подробно в работах Акселя Варена, Эдварда Гюллинга, Эйно Ютиккала и Вильё Расила.

Первым наиболее крупным исследованием по торпарскому вопросу в Финляндии был труд А. Варена, изданный еще в конце прошлого столетия и посвященный описанию положения торпарей в 80—90-е гг. XIX в.¹ Написана книга преимущественно на основе тех сведений и материалов, которые автор собрал в 1895 и 1896 гг. во время своих поездок по стране с целью изучения условий жизни торпарей. В своем труде Варен обратил внимание финляндского общества на необходимость улучшения правового и материального положения безземельных. Он предлагал превратить торпарей в наследственных держателей арендуемых ими участков, искренне веря, что это облегчит условия их жизни.

В 1909 г. вышла из печати монография левого социал-демократа Э. Гюллинга,² активного деятеля финского рабочего движения, позднее — одного из руководителей рабочей революции 1918 г. в Финляндии. В исследовании обстоятельно рассмотрены основные черты развития торпарской системы в период нахождения Финляндии в составе Швеции.

Хотя после опубликования работы Гюллинга в научный оборот был введен новый документальный и статистический материал по истории торпарства, который позволяет полнее осветить рассмотренные им вопросы, его труд представляет большую научную ценность и в настоящее время. Ценность эта определяется разнообразием и обширностью использованных в работе источников и в особенности тем, что это первое и пока единственное в финляндской историографии исследование, в котором торпарская система аренды земли получила классовую оценку под сильным влиянием марксизма.

В заслугу Гюллингу следует поставить не только то, что он в своей монографии проанализировал с весьма близких к марксизму позиций большой объем фактического материала по исследуемым им вопросам, но и то, что одновременно он собрал в архивах Финляндии и Швеции и опубликовал в приложениях к своей книге многочисленные статистические данные о торпарях и других категориях сельского населения Финляндии. Он изучил, например, отчеты правительственных ревизионных комиссий 1680-х гг., а также материалы более поздних обследований властями фрельзовых владений дворян и сетерейных имений в Финляндии. Эти документы раскрывают характер ведения хозяйства в дворянских усадьбах и позволяют определить место торпарей в обеспечении рабочей силой крупного сельскохозяйственного производства в XVII в.

Статистические таблицы о торпарях, опубликованные Гюллингом в виде приложений к его книге, составлены им на основе налоговых ведомостей, поземельных книг, подушных списков населения, протоколов поземельных ревизий, отчетов губернаторов риксдагу и многочисленных других архивных материалов и публикаций.

В работе современного финского исследователя В. Расила³ рассмотрена история торпарского вопроса до принятия закона 1909 г. об аренде земли. В своей монографии автор знакомит читателя также с историей возникновения и развития торпарской системы аренды в Финляндии, дает краткий обзор положения торпарей в XIX в.

Расила подробно излагает фактическую сторону рассматриваемых им вопросов, однако предпочитает избегать их социального анализа и классовой оценки. Его работа написана с позиций буржуазного объективизма. Он не видит или не желает видеть наличия непримиримых классовых противоречий между собственниками земли и безземельными и поэтому, например, главной причиной возникновения торпарского вопроса, обострения отношений между торпарями и землевладельцами во второй половине XIX в. считает не усиление эксплуатации арендаторов, а «изъяны», «несовершенство» арендных соглашений, «обнаружение все новых недостатков» в торпарских контрактах, которые, по словам Расила, «годились в условиях патриархального образа жизни», но «не отвечали новым требованиям быстро изменявшегося общества».⁴

Крупнейшим специалистом по истории аграрных отношений в Финляндии является Э. Ютиккала, либеральный буржуазный историк-объективист. В 1958 г. вышло из печати второе переработанное и дополненное издание его книги «История финляндского крестьянства», охватывающей период с древнейших времен до конца 1930-х гг.⁵ В этой работе, а также в других исследованиях⁶ Ютиккала подверг анализу большой фактический материал по различным вопросам истории крестьянства Финляндии и аграрной истории в целом, включая арендные отношения и торпарскую систему землепользования.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы нашли отражение в общих трудах по истории Финляндии⁷ и в ряде монографий⁸ и статей,⁹ посвященных различным проблемам социально-экономической истории страны.

Для работ финляндских авторов, как и в целом для исследований буржуазных ученых, характерно отсутствие формационного критерия для понятий, крен в сторону оперирования формально-юридическими категориями в ущерб социально-экономическим и классовым. Правильные эмпирические наблюдения редко сопровождаются социальными обобщениями.

В русской дореволюционной литературе по истории Финляндии аграрные отношения рассматриваемого периода нашли некоторое отражение практически лишь в работе М. Бородинкина.¹⁰

В советской историографии проблемы арендных отношений в Финляндии и, в частности, вопросы торпарской аренды земли затрагивались в разное время в работах таких историков, как Н. В. Красикова, Г. Д. Корнилов, Л. В. Суни.¹¹ Однако исследования перечисленных авторов или хронологически выходят за рамки настоящей монографии, или же в них дана краткая характеристика лишь отдельных сторон системы торпарской аренды.

Так, например, в одной из глав диссертации Н. В. Красиковой характеризуются особенности развития капитализма в сельском хозяйстве Финляндии в 60—80-е гг. XIX в. и в этой связи показано торпарство как разновидность отработочной системы.¹²

В статье Г. Д. Корнилова рассмотрены развитие поземельных отношений в Финляндии в первое десятилетие XX в., а также история и причины появления царского манифеста по торпарскому вопросу от 1(14) октября 1915 г.¹³

Монография Л. В. Суни посвящена проблемам внутреннего развития Финляндии и финляндской политики царизма в 50—70-х гг. XIX в. Главное внимание в ней уделено характеристике общественно-политических течений, финскому национальному движению. Однако работа включает также очерк экономического развития Финляндии во второй половине XIX в., в котором автор, рассматривая укрепление буржуазных отношений в сельском хозяйстве страны, касается и торпарской системы аренды земли. Перечислены основные причины возникновения и развития торпарской системы в Финляндии, приводятся данные о росте численности торпарей за период с 1760 по 1860 г., отмечены причины замедления прироста торпарских хозяйств с конца 60-х гг.¹⁴

Настоящая монография написана на основе архивных документов, публикаций, а также материалов, содержащихся в работах исследователей.

Из неопубликованных источников следует прежде всего отметить описания финляндских губерний, составленные местными властями по распоряжению вышестоящих органов. Описания эти относятся к первой половине XIX в. и хранятся в Центральном Государственном историческом архиве СССР.¹⁵ В них содержатся различные сведения из области социально-экономической жизни

Финляндского княжества и, в частности, данные о сельском хозяйстве, повинностях крестьян и привилегиях дворянства, о численности разных категорий крестьянства, социальном и профессиональном составе сельского населения в целом, об аграрной политике властей.

В 1904 г. в Гельсингфорсе был опубликован сборник документов, составленный из налоговых ведомостей и списков различных категорий крестьянских хозяйств Финляндии второй половины XVI в.¹⁶ Материалы выявил и собрал в конце XIX в. в Государственном архиве Швеции финляндский исследователь Вернер Тавастерна. Помимо сведений о самостоятельных крестьянах сборник содержит некоторые данные и о численности торпарей в период возникновения торпарства в Финляндии.

Аграрную политику шведского правительства, включая и отношение к торпарской системе аренды земли в XVIII в., можно проследить на основании документов, содержащихся в многотомном сборнике законов, резолюций, постановлений, королевских и правительственных указов, изданном в Стокгольме в 1742—1804 гг.¹⁷

Сведения социально-экономического характера и, в частности, данные о поземельных отношениях, о численности торпарей и других групп сельского населения, о социальных сдвигах в Финляндии во второй половине XVIII и в первой половине XIX в. сообщаются в отчетах губернаторов Финляндии риксдагу 1755—1756 гг., опубликованных А. Седербергом, и в статистических сборниках о сословном, профессиональном и социальном составе населения Финляндии, составленных Г. Фугстедтом, А. Райвио и О. Кильпи.¹⁸

Важным источником, позволяющим оценить характер аграрного законодательства, правовое положение торпарей в XVIII—XIX вв., являются Уложение законов (Свод законов) 1734 г. с приложениями дополнений и изменений более позднего времени¹⁹ и сборники финляндских узаконений,²⁰ в состав которых входят законы, постановления, манифесты, указы и другие официальные распоряжения.

¹ *Waren A. Torpparioloista Suomessa.* Helsinki, 1898.

² *Gylling E. Suomen torpparilaitoksen kehityksen pääpiirteet Ruotsinvallan aikana.* Helsinki, 1909.

³ *Rasila V. Suomen torpparikysymys vuoteen 1909.* Helsinki, 1961.

⁴ *Ibid.* S. 9—10, 58—59.

⁵ *Jutikkala E. Suomen talonpojan historia.* Helsinki, 1958.

⁶ *Jutikkala E.* 1) *Läntisen Suomen kartanolaitos Ruotsin vallan viimeisenä aikana.* Helsinki, 1932. Osa 1—2; 2) *Varallisuussuhteet Suomessa Ruotsin-ajan päättyessä* // *Hist. aikak.* 1949. N 3; 3) *Torpparikysymys* // *Oma maa : Tietokirjoja Suomen kodeille / Toim. E. Linkomies.* Porvoo; Helsinki, 1961. Osa 10.

⁷ *Cederberg A. R. Suomen historia vapaudenajalla.* Porvoo; Helsinki, 1942, 1947. Osa 1—2; *Alanen A. J.* 1) *Suomen historia vapaudenajalla.* Helsinki, 1963; 2) *Suomen historia kustavilaisella ajalla.* Helsinki, 1964; *Juva E. W., Juva M.* *Suomen kansan historia.* Helsinki, 1964. Osa 1; *Luukko A.* *Suomen historia, 1617—1721.* Helsinki, 1967; *Pohjolan-Pirhonen H.* 1) *Suomen historia, 1523—1617.*

Porvoo, 1960; 2) *Kansakunta etsii itseään, 1772—1808* : Kansakunnan historia. Porvoo, 1970. Osa 2; 3) *Kansakunta löytää itsensä, 1808—1855* : Kansakunnan historia. Porvoo; Helsinki, 1973. Osa 3; *Aalto T.* *Kansakunta kerää voimia, 1855—1890* : Kansakunnan historia. Porvoo, 1976. Osa 4.

⁸ *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden historialliseen kehitykseen ruotsalais-suomalaisessa lainsäädännössä. Helsinki, 1912; *Kallio T.* Palvelijapolitiikasta Suomessa 18. vuosisadalla. Helsinki, 1913; *Jokipii M.* Suomen kreivi- ja vapa-herrakunnat. Helsinki, 1956, 1960. Osa 1—2; *Haataja K.* Maaoikeus. Helsinki, 1936. Osa 1; *Haatanen P.* Suomen maalaisköyhälistö tutkimusten ja kaunokirjallisuuden valossa. Porvoo, 1968; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme : Maatalous ja maatalousväestö Suomessa perinnäisen maatalouden loppukaudella 1720-luvulta 1870-luvulle. Helsinki, 1974.

⁹ *Lindeqvist K. O.* Suomen talonpoikien oloista 1600-luvun keskivaiheilla // Hist. arkisto. 1909. V. 21, osa 1 (5); *Voionmaa V.* 1) Keskiajan kruununkartanot Suomessa // Hist. arkisto. 1911. V. 22, osa 2 (1); 2) Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa uskonpuhdistuksen aikakaudella ynnä katsaus keskiajan kartano-oloihin // Hist. arkisto. 1914. V. 24, osa 1 (1).

¹⁰ *Бородин М.* История Финляндии : Время императора Александра II. СПб., 1908.

¹¹ *Красикова Н. В.* Развитие капитализма в промышленности и сельском хозяйстве Финляндии в 60—80-е гг. XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1956; *Корнилов Г. Д.* Царизм и торпарский вопрос в Финляндии (1909—1915 гг.) // Скандинавский сборник. Таллин, 1977. Вып. 22; *Суни Л. В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии (50—70-е гг. XIX в.). Л., 1979.

¹² *Красикова Н. В.* Развитие капитализма. ... С. 194—233.

¹³ *Корнилов Г. Д.* Царизм и торпарский вопрос. ... С. 83—96.

¹⁴ *Суни Л. В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии. ... С. 47—58.

¹⁵ ЦГИА СССР. Ф. 1361 (Статс-секретариат княжества Финляндского, 1682—1841 гг.), оп. 2.

¹⁶ *Asiakirjoja, jotka valaisevat Suomen kameralisia oloja. Osa 5* : Suomen tilallis- ja veroluettelot kuudennentoista vuosisadan jälkimäiseltä puoliskolta. Helsinki, 1904.

¹⁷ *Utdrag utur alla Publique Handlingar, Placater, Förordningar, Resolutioner och Publicationer. . . Stockholm, 1742—1804. Del. 1—14.*

¹⁸ Suomen maaherrojen valtiopäiväkertomukset 1755—1756 / Toim. A. R. Cederberg. Helsinki, 1950; Suomen väestön sääty- ja ammattiryhmyys vuosina 1751—1805 / Toim. G. Fougstedt, A. Raivio. Helsinki, 1953; *Kilpi O. K.* Suomen ammatissa-toimiva väestö ja sen yhteiskunnalliset luokat vuosina 1815—75. Helsinki, 1913—1915. Osa 1—3.

¹⁹ Общее уложение Финляндии 1734 года и дополнительные к нему узаконения с приложениями и указателями : В 3-х т. / Сост. Н. Н. Корево. СПб., 1912. Уложение 1734 г. действовало в Финляндии и после ее присоединения к России.

²⁰ Собрание постановлений финляндских : Узаконения, обнародованные на русском языке, 1808—1859. СПб., 1902—1904. Т. 1—3; Сборник постановлений Великого княжества Финляндского за 1860—1911 гг. Гельсингфорс, 1860—1911.

Становление торпарской системы аренды земли в Финляндии

Причины возникновения торпарской аренды

К концу XIII в. Финляндия была завоевана шведскими феодалами и до 1809 г. являлась одной из провинций Шведского государства. Финское население несло в пользу завоевателей разнообразные натуральные повинности и платило подати. Платежи, взимавшиеся с жителей Финляндии, шли в королевскую казну Швеции, католической церкви и наместникам короля, управлявшим отдельными областями завоеванной страны. Шведское господство в Финляндии ускорило образование сословий дворян и духовенства, в том числе из коренного населения, и рост крупного (светского и духовного) землевладения.¹

Многовековое пребывание в составе Шведского королевства, а также схожесть природы обусловили тот факт, что историческому развитию Финляндии были свойственны те же региональные особенности, которые отличали собственно Швецию и другие Скандинавские страны от государств Западной Европы. Так, например, в Финляндии, как и в странах Скандинавии, сложилась территориальная община, в которой индивидуально-семейная собственность на пашню и луг сочеталась с коллективной собственностью большего или меньшего круга соседей на пастбища, леса и водоемы.²

Присущие Скандинавии периода феодализма особенности в положении крестьянства имели место и в Финляндии. Здесь и там держатели чужой земли не были прикреплены к землевладельцу ни лично, ни поземельно (исключение составляла лишь Дания). Феодализация произошла без утраты крестьянством личной свободы. Сидевшие на землях крупных частных владельцев крестьяне-арендаторы (ландбауеры)³ по объему своих гражданских прав мало уступали собственникам и держателям государственной земли. Вместе с тем лично свободные арендаторы Скандинавии и Финляндии не имели в отличие от западноевропейских крепостных крестьян прочных прав на обрабатываемую ими землю, оставались ее срочными съемщиками.

Феодальные отношения восторжествовали раньше и полнее всего в Дании (уже в XII в.), затем в Норвегии и Швеции (XIII в.). Финляндское общество стало феодальным в XIV в. Следует, однако, отметить, что по сравнению с Францией и Анг-

лий, со странами Центральной Европы феодальные порядки в Скандинавии были в указанные столетия еще незрелыми, незавершенными. Пережитки дофеодальной социальной структуры сохранялись здесь на протяжении всего средневековья. Специфическая природа феодальных отношений в Скандинавских странах и в Финляндии проявилась также в чрезвычайной замедленности формирования классово-сословного общества.⁴

Шведское и финляндское крестьянство периода феодализма делилось на три основные категории: коронные (держатели государственных участков), скаттовые (владельцы податной частной земли), ландбауеры (арендаторы частновладельческой земли крупных собственников).

Коронные крестьяне являлись арендаторами, или держателями, государственной земли, за пользование которой они платили в казну поземельный и другие налоги и выполняли различные государственные повинности (содержание дорог, мостов, церковных строений и т. д.).

Категорию скаттовых крестьян составляли владельцы частной податной (скаттовой) земли, которая считалась их наследственной собственностью. Однако верховным собственником и данной категории земли являлось государство, и поэтому скаттовые крестьяне, как и казенные, обязаны были платить налоги в казну и выполнять всевозможные повинности.

Ландбауеры жили на частной земле крупных собственников-фрельземанов и являлись арендаторами находившихся в их распоряжении хозяйств. Условия пользования арендованной землей ставили крестьянина в полную зависимость от землевладельца.

Все эти категории крестьян были лично свободными и вели самостоятельное хозяйство. В то же время они являлись феодально-эксплуатируемым классом и занимали по сути дела то же самое место в системе общественно-производственных отношений, какое в других странах Европы было отведено лично несвободным крестьянам. Даже скаттовые крестьяне, владевшие собственной землей, не были полностью свободными. Не находясь в личной зависимости от конкретного лица, они были подчинены привилегированному классу — сословию дворян и орудию этого класса — феодальному государству, существовавшему за их счет. Налоги взимались со всех категорий крестьян в максимально возможном для землевладельцев и властей размере.⁵

Господствующий класс в лице королей и дворян-помещиков стремился насаждать в Швеции и Финляндии центральноевропейские феодальные порядки. Право собственности крестьян на податную землю непрерывно ущемлялось в ходе земельной экспансии короля и дворянства. Со времен Густава Вазы правительство провозглашало верховную собственность короля на податную землю, причем последняя нередко отождествлялась на практике с коронной. Власти отбирали податной двор за недоимки, сносили право податного крестьянина распоряжаться своим двором, в частности, запрещали внутрикрестьянскую аренду. Наконец, под

видом передачи права на ренту фактически дарили податные земли дворянам. Численное соотношение крестьян разных групп, особенно скаттовых и коронных, с годами изменялось то в одну, то в другую сторону.⁶

Стремясь максимально увеличить число налогоплательщиков и размер налоговых поступлений, шведское правительство уже с XIV в. проводило в Финляндии активную политику заселения пустошей и создания на них новых крестьянских хозяйств. Редконаселенная Финляндия располагала большими площадями неосвоенных земель, среди которых подавляющую часть составляли глухие леса и болота. Под новые хозяйства власти отводили не только такие угодья, которые никому не принадлежали, но широко практиковали также отчуждения у крестьян-общинников неводеланных участков скаттовой, т. е. податной, земли.⁷

Селившиеся на пустошах новопоселенцы зачислялись в категорию скаттовых (податных) крестьян или держателей коронной земли. Однако в официальных документах XIV—XV вв. их часто называли также торпарями, а их хозяйства — торпами, в особенности в первые годы, когда новоселы были временно свободны от поземельного налога. Еще в XVI и даже в первой половине XVIII в. торпой официально именовались такие мелкие хозяйства новоселов на коронной земле, размер податей которых составлял не более 1/4 оброчной единицы.⁸

Торпарями в Шведском государстве называли наряду с мелкими держателями коронной земли также арендаторов-новоселов, селившихся на неосвоенной частновладельческой земле. Они начали появляться в Швеции в XIV, а в Финляндии — в XVI в.⁹

Необходимо подчеркнуть, что торпари, сидевшие на коронной земле и платившие аренду непосредственно в казну, никогда не составляли в Шведском государстве многочисленного слоя сельского населения, в то время как количество мелких арендаторов на частновладельческой земле непрерывно росло.

Торпари, которые арендовали землю у частных владельцев, имели ряд отличий от ландбауеров. Ландбауер — это арендатор самостоятельного в камеральном (экономическом) отношении хозяйства. Величина надела ландбауера фиксировалась в поземельной книге с указанием размера доходности. Торпарь же арендовал небольшой участок земли для создания такого мелкого хозяйства (торпы), которое являлось лишь частью другой, самостоятельной в камеральном отношении усадьбы. Следует отметить, что главной целью землевладельца при создании торпы было получение работника для своего хозяйства, и поэтому основную часть арендной платы торпаря составляли отработки. Кроме того, торпари — это прежде всего мелкие арендаторы-новоселы, селившиеся на пустошах. В категорию же ландбауеров попадали главным образом бывшие скаттовые или коронные крестьяне-старожилы, поля и луга которых по той или иной причине перешли в собственность дворян или других представителей высших сословий. Ландбауеры отличались от торпарей еще и тем, что

были прежде всего арендаторами-оброчниками, аренда с них взималась преимущественно в форме натуральных и денежных платежей, а не отработок, как с торпарей.

Среди всех категорий землевладельцев Шведского государства наибольшими возможностями для создания торпарских хозяйств располагали дворяне. Они являлись самыми крупными собственниками земли и к тому же привилегированной (фрельзовой) группой, освобожденной от уплаты поземельного налога в казну. Владельцам фрельзовой земли (фрельземанам) разрешалось иметь неограниченное число арендаторов (ландбауеров и торпарей) и взимать с них подати и повинности в свою пользу. Правда, в соответствии с постановлением о конной службе дворян от 3 августа 1562 г. они были обязаны, как только торпари начинали платить им подати, несколько увеличить расходы на содержание кавалерии с учетом размера доходов, получаемых с торпарей.¹⁰

Наряду с обычными фрельзовыми землями, которые были освобождены от поземельного налога, но за которые все же приходилось вносить в казну некоторые другие платежи, в частности на содержание конного войска, дворяне Шведского государства владели еще особо привилегированными фрельзово-сетерейными землями. Сетереями назывались усадьбы, в которых жили сами дворяне или их управляющие — фогты. Земли, входившие в состав сетерейных имений, были в XV—XVI вв. освобождены от всех повинностей и платежей, в том числе на содержание кавалерии. Кроме того, титулованные дворяне (графы и бароны) получили привилегию владеть сразу несколькими именными с сетерейными правами.¹¹

В Финляндии торпы на частновладельческой земле начали появляться позже, чем в Швеции, в XVI в. Среди причин возникновения торпарской системы аренды следует назвать прежде всего усиление имущественного расслоения крестьянства и рост числа безземельного населения, вынужденного в поисках средств существования брать в аренду участки необработанной земли. Дворяне-фрельземаны активнее других землевладельцев создавали торпарские хозяйства в XVI в., особенно во второй половине.¹² В эти годы были расширены привилегии дворян в отношении владения и пользования землей, что усилило у них стремление увеличить площадь своих земельных владений, число арендаторов и размеры собственных хозяйств-сетерей. Определенное влияние на расширение площади фрельзовых земель дворян в Финляндии и увеличение размеров поместного хозяйства оказали и такие факторы, как открытие Америки и последовавшее за этим повышение спроса и цен на сельскохозяйственные продукты.¹³

Рост цен и спроса на сельскохозяйственные продукты в XVI в. привел в Скандинавских странах к феодальной реакции и повышению оброчных платежей держателей земли. Кроме того, дворянство стало укрупнять собственные хозяйства, сгоняя арендаторов с лучших земель и удлиняя сроки барщины. В Шведском государстве, включая и Финляндию, увеличились размеры дворян-

ского землевладения и усилилась власть помещика над крестьянами. Однако в Швеции и в особенности в Финляндии в XVI в. продолжало полностью преобладать мелкое крестьянское производство. Лишь в немногих местах имелись крупные дворянские имения и королевские скотоводческие хозяйства.¹⁴

В качестве одного из способов увеличения доходов от земли дворяне Финляндии, как и собственно Швеции, начинают использовать торпарскую систему аренды пустошей. Однако в XVI в. дворянам пока еще легче было получать дополнительные доходы не путем создания хозяйств новоселов (торпарей) на неосвоенных участках, а путем дальнейшего расширения площади обработанной земли за счет приобретения разными путями (покупка, захват силой) уже освоенных наделов крестьян-старожилов (скаттовых и коронных) и превращения последних в арендаторов-ландбауеров. Поэтому в течение XVI в. в Финляндии возникло немного торп. Даже на фрельзовой земле, где их было создано больше всего, насчитывалось в конце столетия лишь несколько десятков торп. В то же время численность ландбауерских хозяйств выросла за двадцать с небольшим лет (1557—1580) более чем в 7 раз (с 328 до 2310).¹⁵

В XVI в. в Финляндии происходило не только расширение площади обычной фрельзовой земли, но и увеличение числа и размеров собственных хозяйств дворян (сетерей). При желании создать сетерею дворянину необходимо было подать прошение королю или губернатору. Но это было лишь формальностью, так как просьба на практике всегда удовлетворялась. Нередко образование сетереи происходило лишь на бумаге. Земли, зачисленные в состав сетерей, продолжали оставаться в руках ландбауеров. Но за эти угодья, зачисленные формально в состав сетерей, дворянин освобождался от всех платежей и повинностей в казну.¹⁶

До XVII в. крупные господские хозяйства на дворянских землях были еще редким явлением не только в Финляндии, но и в самой Швеции. Например, в 1571 г. большинство сетерей в Швеции производило продукции ненамного больше обычных крестьянских хозяйств. Лишь единицы поднялись до уровня действительно крупного производства. Эти сетереи имели десятки и даже сотни голов крупного рогатого скота, в них засеивались большие площади полей зерновыми культурами.¹⁷

В Финляндии в начале 60-х гг. XVI в. насчитывалось немногим более 200 дворян-фрельземанов. Основная часть (иногда до 80 %) принадлежавшей им пахотной земли находилась в пользовании у крестьян-арендаторов (ландбауеров).¹⁸ Абсолютное большинство дворян Финляндии оставались в это время мелкими землевладельцами. Так, например, в юго-западной Финляндии в 1562 г. число владельцев фрельзовой земли по количеству имевшихся у них арендаторов распределялось следующим образом:¹⁹

Количество ландбауерских хозяйств на земле одного фрельземана	Численность фрельземанов
1—3	118
4—9	24
10—29	22
30—100	3
Более 100	1

Площадь пахотного поля собственного дворянского хозяйства, даже наиболее крупного, продолжала оставаться до конца XVI в. небольшой. Лишь в немногих господских усадьбах сеяли зерновых от 30 до 60 бочек в год, т. е. примерно в 3—6 раз больше, чем в крупном ландбауерском хозяйстве.²⁰

В усадьбах шести самых богатых дворян Финляндии второй половины XVI в. имелось следующее количество скота:²¹

Виды скота	Количество голов скота в одном хозяйстве
Лошади	1—7
Рабочие волы	4—14 пар
Коровы	29—68
Молодняк крупного рогатого скота	10—66
Овцы	40—90
Свины	7—57

Основные полевые работы в усадьбах дворян Финляндии выполняли ландбауеры. Владельцы крупнейших имений страны принуждали арендаторов отрабатывать в господском хозяйстве ежегодно от 14 до 30 дней. Чаще всего во второй половине XVI в. на юго-западе и юге Финляндии ландбауеры отрабатывали в год 12 дней, из которых 6 дней рассматривались в качестве основных и выполнялись при своих харчах, а другие 6 считались вспомогательными. При их выполнении ландбауер получал питание от хозяина.²²

Поскольку барская запашка в это время оставалась сравнительно небольшой, то проблему рабочих рук помещикам удавалось решать в основном за счет отработочной повинности имевшихся у них ландбауеров. Данное обстоятельство было одной из причин того, почему фрельземаны в XVI в. не проявляли большого стремления к увеличению числа торпарей, превратившихся позднее в главную категорию работников господских имений.

В XVI в. торпарские хозяйства создавались в Финляндии не только на фрельзовой, но и на скаттовой земле.²³ Скаттовые крестьяне, как и дворяне-фрельземаны, стремились увеличить доходы от своих владений и отдавали участки пустошей в аренду безземельным. Однако торпарская система на крестьянской земле была с самого начала своего возникновения лишена возможности дальнейшего развития. Центральная власть не была заинтересована в увеличении торпарской аренды на частновладельческой земле. Торпарские хозяйства, создававшиеся на землях крестьян, дворян и представителей других сословий, не приносили практи-

чески никакой пользы казне, так как аренду торпарь платил собственнику земли. Кроме того, торпарская система землепользования, позволяя неимущим обзавестись собственным хозяйством на арендуемом участке частного владельца, уменьшала в определенной мере число желающих стать новопоселенцами на коронной земле, сокращая тем самым возможности увеличения числа налогоплательщиков. В силу указанных причин королевское правительство относилось в целом весьма отрицательно к созданию торпарских хозяйств на частновладельческой земле.

Определяя свою позицию в торпарском вопросе, правительство, однако, исходило не только из интересов казны, но и господствующего класса дворян. Дворяне требовали от правительства запретить крестьянам отдавать землю в аренду неимущим, так как усматривали в торпарской системе на крестьянской земле угрозу своим экономическим интересам.²⁴ Фрельземаны хотели поставить неимущее население в такие условия, чтобы оно было вынуждено в поисках средств к существованию наниматься в работники в господские усадьбы или же становиться их торпарями. Возможность же арендовать землю у крестьян позволяла бы бедноте избегать помещичьей кабалы.

Интересы казны и господствующего класса дворян определили в итоге решение правительства короля Густава I Вазы о запрещении межкрестьянской аренды. В середине XVI в. крестьяне были лишены права отдавать землю в аренду и иметь на принадлежавшей им земле торпы, не платившие податей в казну. Это право сохранялось лишь за дворянами, которые являлись опорой королевской власти. В стремлении обеспечить за своей короной, полученной по избранию, наследственное право Густав I, по меткому выражению акад. Р. Ю. Виппера, буквально «ухаживал за дворянством».²⁵

Чтобы придать решению правительства законное основание, был опубликован королевский указ от 23 августа 1549 г. В нем разъяснялось, что в соответствии с действовавшими в Шведском государстве законами крестьянин не имел права взимать подати с другого крестьянина и поэтому владельцы скаттовой земли не могли иметь арендаторов. Менее чем через два года вышеприведенное разъяснение было дополнено новым постановлением (от 26 мая 1551 г.), в котором, в частности, особо подчеркивалось, что крестьянам запрещалось взимать какие-либо платежи с арендаторов и что последние обязаны были вносить подати в казну.²⁶

Торпы, созданные к этому времени на крестьянских землях, переводились в категорию коронных хозяйств. В итоге все 82 торпы, официально числившиеся на земле скаттовых крестьян Финляндии в 1557 г., исчезли через тридцать с небольшим лет.²⁷

Скаттовый крестьянин имел право создавать на своей земле торпы лишь при двух условиях. Первое из них предусматривало увеличение казенных податей крестьянина по мере освоения торпарями арендованных ими участков. Второе условие требовало от

крестьянина давать торпарю достаточно крупный необработанный участок, чтобы в результате постепенного его освоения власти смогли со временем превратить торпарское хозяйство в податное, способное платить в казну не менее 1/4 полной оброчной единицы.²⁸

Таким образом, если скаттовый крестьянин создавал на своей земле торпу, то это вело к увеличению казенных податей и повинностей или же к превращению торпы в самостоятельное хозяйство, подати с которого шли не владельцу земли, а в казну. В последнем случае крестьянин терял не только арендную плату торпаря, но фактически и участок земли, отданный в аренду.

Итогом такой политики правительства в торпарском вопросе было то, что на скаттовой земле, находившейся в распоряжении крестьян, торпарская система не развивалась вплоть до начала 40-х гг. XVIII в., когда крестьяне получили наконец право иметь торпарей без внесения за них дополнительной подати в казну.

Постановления, ограничивавшие создание торп на скаттовой земле, не распространялись, как уже отмечалось, на владельцев фрельзовых и фрельзово-сетерейных имений. В то время как торпы, основанные крестьянами, переводились властями в категорию коронных хозяйств, фрельземанам разрешалось иметь неограниченное число арендаторов, которые к тому же платили подати и несли повинности практически лишь в пользу дворянина.

Правда, при создании торпы на обычной фрельзовой земле дворянин был обязан отдавать часть арендной платы торпаря государству. Но и в этом случае сдача земли в аренду торпарям была для фрельземанов весьма выгодной, так как казенные взносы за владение торпами составляли, по подсчетам финляндских исследователей, лишь незначительную долю тех доходов, которые землевладельцы получали от арендаторов.²⁹

Рост численности торпарей в XVII в.

В XVII в. в Шведском государстве произошло усиление феодальной эксплуатации крестьян, что выразилось, в частности, в росте помещичьего землевладения путем перемещения обрабатываемых крестьянами земель и доходов с них из государственного владения в частное, из рук королей в руки дворян. Нуждаясь в деньгах и вознаграждая дворян за государственную службу, короли передавали дворянам в различной форме (дарение, залог, передача права взимания налога, продажа) облагаемые податями земли. К середине 50-х гг. XVII в., когда отчуждение земель и земельных рент достигло апогея, в руках шведских дворян находилось уже около 2/3 всех пашен и лугов. Одновременно увеличивалась и численность дворянского сословия. Так, например, только за десять лет (1644—1654) число нетитулованных дворянских родов выросло вдвое — с 300 до 600, а число графских и баронских родов — с 13 до 68.³⁰

Вместе с ростом дворянского землевладения и численности господствующего сословия происходило также усиление власти помещиков над крестьянами, хотя и без их закрепощения. Однако владельческие права податных крестьян начали оспариваться дворянами, и над ними нависла угроза превращения в частно-зависимых.

Быстрыми темпами росло в XVII в. дворянское землевладение и в Финляндии. Так, если в конце XVI в. владельцами подавляющей части обрабатываемых земель здесь являлись крестьяне, то в 1654 г. почти 60 % всех манталов³¹ страны принадлежало уже дворянам. Последние расширяли свои владения не только за счет дарений и скупки земель, но и в результате чашисьтвенного захвата наделов скаттовых крестьян.³²

К усилению эксплуатации крестьянства привели также вовлечение дворян-помещиков в балтийскую торговлю сельскохозяйственными продуктами и рост натуральных и денежных потребностей казны в XVII в. Еще в XVI в. в Голландии, Англии и Франции возник емкий рынок сбыта для традиционных предметов скандинавского вывоза. В связи с ростом цен на сельскохозяйственные продукты и спроса на землю взимались дополнительные поборы с держателей, пересматривались традиционные условия держания земли. На жизненный уровень крестьянства, как и всего народа, пагубно влияли в XVII в. также частые войны. Из 120 лет — с 1600 по 1720 г. — 75 были военными. Войны ложились тяжелым бременем на государственное хозяйство. Расходы на ведение войн были одной из причин постоянной нехватки денег и увеличения налогов. Вербовка в армию обостряла дефицит рабочих рук.³³

По мере повышения спроса на сельскохозяйственную продукцию внутри страны и в особенности на западноевропейских рынках в Финляндии возникает и расширяется крупное помещичье хозяйство, усиливается его товарность, растет потребность в рабочих. Создание крупных господских хозяйств в Финляндии ускорилося в XVII в. и в связи с переселением туда помещиков из присоединенных к Шведскому королевству восточноприбалтийских провинций.³⁴

В сложившихся условиях дворяне, чтобы обеспечить свои хозяйства работниками, увеличивали барщинные повинности ландбауеров или же сгоняли последних с обрабатываемых ими наделов, превращая в торпарей-отработчиков.³⁵ При этом помещики иногда ставили торпарей в положение постоянных работников с наделом. Так, например, при обследовании властями в 1639 г. имений финляндских дворян было отмечено, что в некоторых хозяйствах «торпари работали в усадьбе ежедневно как батраки».³⁶

Разница между двумя этими категориями работников заключалась фактически лишь в том, что торпарь вместо заработной платы получал в аренду небольшой участок земли, на котором вел свое хозяйство. В остальном же их материальное и правовое положение мало отличалось. Об этом свидетельствует и тот факт,

что в документах XVII в. помещицы торпарь-отработчики именовались батраками с торпой. Кроме того, те и другие, согласно действующему законодательству, имели право переходить к новому хозяину в одно и то же время, в конце сентября.³⁷

Система торпарской аренды в Финляндии развивалась в XVII в. быстрее всего на землях сетерейных имений, владельцы которых, как уже отмечалось выше, были освобождены от всех казенных повинностей и платежей, в том числе и за использование труда торпарей.

В течение XVII в. многие поместья в Финляндии превратились в сравнительно крупные хозяйства по производству зерна и мяса. Так, например, по данным обследования сетерей, проведенного властями в 80-е гг., в юго-восточной Финляндии имелось более десяти хозяйств, в которых насчитывалось от 60 до 200 голов крупного рогатого скота, им лишь незначительно уступал целый ряд других имений. В юго-западной Финляндии развитие шло в аналогичном направлении, о чем свидетельствует, в частности, и рост числа сетерейных торпарей. Количество крупных в масштабах Финляндии поместий, засевавших в год свыше 20 бочек зерновых, выросло с 17 в первой половине века до 24 во второй. Было, правда, и немало таких мелких сетерей, которые своими строениями почти не отличались от крестьянских дворов, да и характером и размерами хозяйства были схожи с последними.³⁸

Дворяне Финляндии обеспечивали в XVII в. свои усадьбы рабочей силой несколькими путями. Наряду с наймом батраков, что практиковалось редко, помещики все шире использовали труд торпарей и ландбауеров, которым за работу не надо было платить. Они сами платили землевладельцу за арендованный участок натурой и прежде всего работой в господском хозяйстве. При этом дворянин имел право сам определять размер отработочной повинности арендатора.

Наибольшую выгоду приносила эксплуатация труда торпарей, которые получали в аренду значительно меньшие, чем ландбауеры, участки земли, причем неосвоенной, и нередко всю аренду платили в виде отработок. Этим объясняется тот факт, что помещики стремились непрерывно увеличивать количество торпарей как из числа неимущего населения, так и ландбауеров. В последнем случае они извлекали для себя двойную пользу: расширяли площадь запашки своего хозяйства за счет земель, отобранных у ландбауеров, и получали работников в лице торпарей.

Увеличению численности сетерейных торпарей в Финляндии XVII в. способствовало и то обстоятельство, что в распоряжении дворян имелись большие площади необработанной и неиспользуемой земли, преимущественно леса, которую они без ущерба для себя (лес пока не представлял большой ценности) могли отдавать мелкими участками под торпы, получая взамен фактически бесплатную рабочую силу.

Для выполнения полевых и других работ в своих хозяйствах помещики использовали наряду с ландбауерами и торпарями

также батраков. Но последним в отличие от арендаторов хозяин должен был выдавать плату. И хотя хозяева рассчитывались с батраками в основном натурой (пища, одежда, обувь), все же часть платы за свой труд последние имели право требовать деньгами. Поэтому батрацкий труд не нашел в XVII в. еще широкого применения, так как в условиях слабого развития товарно-денежных отношений в стране и наличия больших пустошей землевладельцам выгоднее было использовать в качестве работников мелких арендаторов, а не батраков. Кроме того, в отличие от батраков торпарь имел свой дом и собственное небольшое хозяйство на арендованной земле, что, естественно, привязывало его к месту жительства сильнее, чем батрака, и ставило в большую зависимость от хозяина. В этом отношении торпарь являлся более надежным работником, чем батрак. Вышеперечисленные обстоятельства побуждали владельцев имений по мере роста потребности в рабочей силе создавать все новые торпарские хозяйства.

Таким образом, рост численности дворянских имений и расширение в них товарного производства повышали спрос на рабочую силу, что в свою очередь стимулировало развитие торпарской системы аренды земли как источника рабочей силы.

Появлению и развитию системы мелкой аренды за отработки способствовало также запрещение дробить крестьянские наделы, в связи с чем значительная часть сыновей крестьян была лишена возможности приобретать собственную землю и вынуждена была поселяться в качестве арендаторов на невозделанных участках чужой земли. Кроме того, в результате длительных войн, частых наборов в армию, усиления налогового бремени, произвола местных властей в Финляндии в последней трети XVI в. особенно ускорился процесс имущественного расслоения и разорения крестьян. По данным финляндских исследователей, в стране имелось в 1610-х гг. свыше 6 тыс. столь сильно разоренных хозяйств (13 % общего числа дворов), что их владельцы неспособны были платить налоги. В 1620-е гг. в Финляндии насчитывалось около 3 тыс. безземельных семей, не имевших даже собственного жилья и кормивших себя случайными заработками и подаями. В XVII в. численность безземельных в стране быстро росла и к 90-м гг. достигла в некоторых районах 1/3 всего населения.³⁹

Контингент сетерейных торпарей формировался в XVII в. не только на добровольных началах из числа безземельных, которым за отработки давали в аренду небольшой участок пустоши. Все чаще дворяне переводили в категорию торпарей своих ландбауеров и даже скаттовых крестьян, наделы которых разными путями переходили в собственность фрельземана.

Сохранились многочисленные свидетельства произвола дворян при создании торп на ленных владениях. Особую активность при этом проявляли землевладельцы южной и юго-восточной Финляндии. Здесь находилась подавляющая часть всех сетерейных имений страны и притом наиболее крупных, господская запашка

в которых занимала сравнительно большую площадь. Сюда после присоединения к Шведскому королевству провинций Восточной Прибалтики переселились десятки прибалтийско-немецких дворян, получивших здесь ленные владения за переход на шведскую службу. Эти новые землевладельцы, привыкшие эксплуатировать крепостных, стремились и в Финляндии максимально подчинить себе крестьян, ввести систему принудительного труда.⁴⁰ Поэтому не случайно, что именно в южной части Финляндии торпарская система на сетереях развивалась в XVII в. наиболее быстрыми темпами. Так, из 428 торп, которые появились в помещичьих имениях Финляндии за 1639—1710 гг., 376, или 87 %, находились в трех самых южных провинциях страны.⁴¹

В юго-восточной Финляндии, например, сетерейные торпы возникали чаще всего следующим образом. Дворянин, получивший тем или иным путем фрельзовое право на коронные земли какой-либо деревни, выселял всех или часть ее жителей на отдаленные пустоши и создавал на захваченных крестьянских полях сетерейное хозяйство. Часть отнятых у крестьян угодий фрельземан отдавал в аренду безземельным, в том числе прежним владельцам, которые становились теперь торпарями. В торпарей превращались также крестьяне, выселенные из деревни на пустоши.⁴² Обследование сетерей, проводившееся в ходе редукции,⁴³ выявило немало случаев, когда дворяне самовольно включали в состав сетерейных имений в качестве торп или ландбауерских хозяйств наделы скаттовых крестьян.⁴⁴

Насильственные захваты дворянами лучших земель скаттовых крестьян, превращение многих из них в бесправных арендаторов, подвергаемых жестокой эксплуатации, вызывали со стороны крестьян растущее недовольство, вылившееся в середине XVII в. на юге Финляндии в открытое антифеодалное выступление. Оно было силой подавлено властями путем арестов и порок участников выступления, а один из руководителей был казнен.⁴⁵

Упомянутая выше редукция была осуществлена королем Карлом XI в конце XVII в. при поддержке податных сословий и мелкопоместного дворянства, недовольных господством знати. Главными причинами конфискации владений аристократии были стремление правительства оздоровить финансы государства и найти средства для поддержания военного престижа великодержавной Швеции.

Согласно редукционному постановлению 1680 г., все королевские земельные дарения, сделанные после 1604 г., объявлялись условными, а все условные дарения с ежегодным земельным доходом свыше 600 талеров серебром подлежали возврату в казну. Графства и баронии вместе с широкими имущественными привилегиями их владельцев вообще упразднялись (кроме личных титулов). В итоге редукции в казну были возвращены большие площади ранее раздаренных, заложенных и проданных аристократии земель. Менее чем за 20 лет, с 1679 по 1697 г., поземельные

доходы короны выросли на 40 % (с 5 до 7 млн. шведских серебряных талеров).⁴⁶

К концу 1700 г. размеры дворянского землевладения в собственно Швеции уменьшились в результате редукции вдвое. В Финляндии также примерно половина (около 300) сетерейных имений перешла короне и превратилась в правовом отношении в собственность казны.⁴⁷

Следует, однако, отметить, что большинство редуцированных имений перешло в собственность короны лишь формально. На практике же они были превращены в так называемые рустхолларские, или коннообязанные, сетереи и остались в распоряжении прежних владельцев, так как последние согласились нести за них повинность на содержание кавалерии. В остальном же за этими усадьбами сохранились все сетерейные привилегии и, в частности, право создавать в пределах их границ торпы. Прочие редуцированные сетереи были переданы в качестве служебных имений (бустелей) высшим офицерам и чиновникам гражданских ведомств. Однако и эти имения сохранили основные права сетерей.⁴⁸

В результате и после редукции в распоряжении дворянства осталась подавляющая часть прежних сетерейных имений. Правда, в отношении многих из них владельческие права дворян были несколько ограничены. Однако право фрельземанов свободно создавать торпы и бесконтрольно эксплуатировать почти бесплатный труд торпарей практически не претерпело изменений.

Крестьянские хозяйства, расположенные на редуцированных у дворян землях, зачислялись в разряд скаттовых, если крестьянину к этому времени удалось сохранить право наследственной собственности на свой надел (что, впрочем, имело место весьма редко), в противном же случае земля переходила государству и обрабатывающий ее крестьянин переводился в категорию коронных держателей.⁴⁹

Лишь часть крестьянских дворов, которые были самовольно превращены дворянами в сетерейные торпы, получила снова права самостоятельных податных хозяйств. Большинство же сетерейных торпарей осталось и после редукции в прежнем положении мелких арендаторов, вынужденных, как и прежде, вносить арендную плату в виде отработок в господской усадьбе.⁵⁰ Редукция, таким образом, внесла незначительные изменения в сложившуюся к тому времени на дворянской земле торпарскую систему и в положение самих торпарей Финляндии.

В сетерейных имениях дворян Финляндии возникла в XVII в. система барщинного хозяйства, которая уже несколько раньше (в XVI в.) сложилась в Дании и стала господствующей, например, в восточной части Германии, в Польше, Эстонии. Для производства на рынок большого количества сельскохозяйственной продукции феодальное дворянство этих стран создало за счет крестьянских наделов и общинных земель крупные господские хозяйства, основанные на барщинном труде крестьян, прикрепленных к земле

и личности помещика-феодала. Эксплуатация крестьян при этом усиливалась.

В Шведском государстве не было законов, юридически оформлявших крепостное право, и помещичьи земли обрабатывали лично свободные работники (ландбауеры, торпары, батраки). Тем не менее и здесь с ростом крупного господского хозяйства барщинное бремя крестьян-арендаторов становилось все более тяжелым, так как ландбауеры и торпары находились в большой экономической зависимости от землевладельцев. Так, например, в XVII в. дворяне Швеции и Финляндии имели право подвергать наказанию не только батраков и слуг, но и арендаторов.⁵¹

Несмотря на формальное отсутствие крепостного права, шведское и финляндское крестьянство испытывало в XVII в. всю тяжесть феодального гнета со стороны государства и политически и экономически господствовавших феодалов-дворян.

К усилению эксплуатации крестьянства Скандинавских стран в XVII в. привели все более широкое вовлечение дворян-помещиков в балтийскую торговлю сельскохозяйственными продуктами и рост натуральных и денежных потребностей казны. Повинности и платежи крестьян увеличивались. В связи с повышением цен на сельскохозяйственные продукты и спроса на землю помещики взимали с держателей дополнительные поборы, увеличивали барщинные повинности.

Отработочная повинность ландбауеров и торпарей в Финляндии составляла в середине XVII в. минимум два дня в неделю. Правда, здесь, как и в Швеции, запрещалось требовать отработки от держателей, проживавших на расстоянии более двух миль (20 км) от господской усадьбы. Эти крестьяне вместо барщины платили деньги, на которые помещики нанимали батраков. Летом крестьян заставляли отрабатывать до 3—4 дней в неделю. В некоторых имениях вся аренда взималась в виде отработок.⁵²

Самой жестокой эксплуатации подвергались торпары в дворянских усадьбах, расположенных в прибрежной полосе южной Финляндии. Здесь находились наиболее крупные сетерейные имения, господская запашка в которых занимала сравнительно большую площадь. Так, например, в восточной части провинции Нюланд (Уусимаа), где раньше всего в Финляндии появились торпары, они отрабатывали во второй половине XVII в. в господских имениях от 6 до 12 дней в неделю (по два человека с одной торпы ежедневно) или вообще в зависимости от потребностей землевладельца. В жалобах крестьян южной Финляндии на произвол помещиков сообщалось, что последние не разрешали сыновьям и дочерям крестьян наниматься в работники на стороне, принуждали их оставаться в своем имении, т. е. фактически помещичьи арендаторы находились на положении крепостных. Нередкими были случаи, когда за малейшее неповиновение арендаторов подвергали порке и месяцами содержали под арестом.⁵³

В центральной части страны, где в усадьбах дворян господская запашка занимала в XVII в. пока еще относительно небольшую

площадь, отработочная повинность арендаторов была менее обременительной. Однако полностью они освобождались от повинности работать в хозяйстве помещика лишь в том случае, если проживали на большом расстоянии от сетерей или же если землевладельцу было выгодно взимать арендную плату натурой. Так, например, в редконаселенной восточной Финляндии с преобладанием подсечного земледелия на дворянских землях имелись торпы, которые платили аренду только зерном, а на островах и в прибрежной полосе западной Финляндии у некоторых торпарей арендная плата взималась рыбой, коровьим маслом, зерном.⁵⁴

Данные уже упомянутых отчетов ревизионных комиссий 80-х гг. XVII в. и материалы более поздних обследований властями сетерей Финляндии, приведенные в работе Э. Гюллинга, говорят о том, что в конце XVII в. торпаря играли исключительно важную роль в обеспечении сетерей работниками. Причем торпарская система аренды за отработки все чаще становилась главным источником рабочей силы для помещичьих хозяйств. В документах нередко отмечается, что торпаря выполняли все работы в усадьбе того или иного дворянина. Иногда говорится об использовании наряду с трудом торпарей и ландбауеров также труда батраков, но силами одних лишь батраков поля сетерей обрабатывались в исключительно редких случаях.⁵⁵

В отношении использования труда торпарей в рассматриваемый период имело привилегии также духовенство Шведского государства. Торпарская система на церковных землях собственно Швеции возникла уже в XIV в. Однако развивалась она в рамках владений монастырей и католической церкви довольно медленно. К середине XVI в. численность церковных торп возросла в Швеции, по данным исследователя Ганса Форселя, примерно до 400. В Финляндии же их в это время было во много раз меньше, всего лишь около одного десятка.⁵⁶

В ходе реформации основная часть церковных владений в Шведском государстве перешла в собственность короны.⁵⁷ Но и после этого духовенство сохраняло в своем распоряжении немало земельных угодий в виде служебных имений (бустелей) священнослужителей. Последние, как и дворяне, создавали торпы с целью получения рабочей силы. Права церковнослужителей в отношении создания торп и использования труда торпарей зафиксированы впервые в привилегиях духовенства в середине XVII в.⁵⁸ В них сказано, что при наличии неиспользуемых земель в служебных имениях пасторы (настоятели церковных приходов) и капелланы (помощники пасторов) имеют право с целью расширения площади посевов создавать торпы, держатели которых полностью подчиняются владельцам имений. Кроме того, последние освобождаются от всех казенных платежей и повинностей за отданную в аренду торпарям землю.

В своих действиях при создании торп владелец церковной усадьбы был ограничен лишь тем, что, прежде чем дать торпарю участок, он должен был получить разрешение местных властей,

которые осуществляли надзор за состоянием хозяйства служебных имений духовенства.

Таким образом, в имениях священнослужителей система торпарской аренды имела в правовом отношении весьма благоприятные условия для развития. Однако финляндское духовенство в XVII в. было еще сравнительно немногочисленным, и, самое главное, их усадьбы представляли собой мелкие хозяйства, не нуждавшиеся в большом количестве работников. Даже в самых крупных усадьбах церковников, расположенных на юго-западе страны, сеяли в год максимум 16 бочек зерновых, что свидетельствует о значительном отставании по площади посевов от имений дворян. Малые размеры и немногочисленность служебных имений финляндского духовенства являлись главными причинами исключительно медленного роста церковных торп в XVII в. В 1700 г. их насчитывалось во всей стране, по официальным данным, лишь 24.⁵⁹

В 80-е гг. XVII в. в Швеции была проведена военная реформа. Периодические рекрутские наборы были заменены постоянной повинностью крестьян содержать личный состав королевского войска. Крестьянские дворы объединялись в группы, в так называемые руты, в которые входило от двух до четырех самостоятельных хозяйств в зависимости от их размеров. Каждая рута полностью содержала солдата-пехотинца. Богатые крестьянские хозяйства снаряжали и содержали кавалерию: один двор — одного драгуна с лошадью, но зато такой крестьянин освобождался от налогов. Офицерское жалованье также выплачивалось группой дворов, закрепленных за данным офицером. Последний проживал в той же местности на выделенной ему усадьбе, которая называлась бустель.⁶⁰

С созданием военно-поселенной системы и возникновением института служебных имений (бустелей) офицеров начали появляться и торпы, расположенные на земле этих имений. В 1682 г. было, в частности, предписано, что офицеры могли использовать поселившихся на земле бустели торпарей по своему усмотрению, до тех пор пока доходность той или иной торпы не позволяла властям превратить ее в самостоятельное хозяйство, способное платить казенные подати в размере не менее 1/4 оброчной единицы. Как только торпа достигала вышеуказанной доходности, она облагалась налогом, который шел держателю бустели в счет его служебного жалованья.⁶¹ Это было одной из основных причин того, что в 1700 г. число торп на земле служебных имений офицеров шведской армии в Финляндии не превышало полутора десятков.⁶²

С момента создания в конце XVII в. военно-поселенной системы привилегиями в отношении создания торп и владения ими пользовалась также и та часть крестьян, которая снаряжала и содержала конного воина. Это были, как уже отмечалось выше, богатые крестьяне. По-шведски их называли рустхолларами, а их усадьбы — рустхоллами. В рустхоллы отбирались зажиточные

крестьянские хозяйства, имевшие достаточно высокий уровень доходности, чтобы содержать кавалериста. Если же богатых дворов не доставало для комплектования кавалерии, тогда в категорию рустхолларов причислялись и менее состоятельные крестьяне, а уровень доходности их хозяйств поднимали присоединением к ним владений соседних дворов.

Рустхоллар освобождался от уплаты податей в казну в размере расходов на содержание кавалериста. Если же эти расходы, оценивавшиеся в сумме от 50 до 80 талеров медью, превышали размер налогового обложения хозяйства крестьянина, тогда разница компенсировалась тем, что рустхоллару предоставлялось право собирать в свою пользу казенные подати с определенного числа мелких крестьянских хозяйств, которые назывались аугментными, или вспомогательными.⁶³

Чтобы гарантировать комплектование и содержание кавалерии, правительство стремилось укрепить рустхолларские хозяйства. С этой целью в течение 80—90-х гг. XVII в. были значительно расширены права рустхолларов в отношении землепользования. Им, в частности, было предоставлено право без повышения налога расширять посевную площадь своего надела и создавать торпы как в границах своих владений, так и на землях аугментных хозяйств. Привилегии эти рустхоллары начали сразу же активно использовать, о чем свидетельствует, например, тот факт, что к 1700 г. число рустхолларских торп перевалило уже за 90.⁶⁴

Таким образом, зародившись во второй половине XVI в., торпарская система в Финляндии в дальнейшем непрерывно развивалась. Правда, это развитие шло весьма медленно и почти исключительно за счет роста числа торп на фрельзовой земле дворян. Последние являлись самыми крупными землевладельцами и находились в наиболее привилегированном положении в отношении создания торп. Поэтому владельцы фрельзовых и прежде всего сетерейных имений по мере роста потребности в рабочей силе все в большей степени прибегали к использованию труда мелких арендаторов за отработку. Если в 80-е гг. XVI в. в Финляндии насчитывалось лишь около двух десятков дворянских торп, то к концу 30-х гг. следующего столетия их количество выросло уже до 250, а в 1700 г. в хозяйствах финляндских дворян несли, по официальным данным, отработочную повинность 612 торпарей.⁶⁵

Наряду с дворянами к использованию труда мелких арендаторов-торпарей начинали переходить в XVII в. и другие привилегированные землевладельцы и держатели, также наделенные практически неограниченными правами в отношении создания торп и владения ими.

Общее число торпарей, арендовавших землю у частных лиц, выросло в Финляндии к исходу XVII в. примерно до 750. Поскольку в рассматриваемый период торпарская система аренды развивалась в Финляндии почти исключительно лишь на земле сетерейных имений, то подавляющая часть торп находилась в юж-

ных районах страны и прежде всего в провинции Ньюланд (Уусимаа), где больше всего было и сетерей. Количество торпарских хозяйств в одном имении колебалось в течение всего XVII в. от 4 до 19.⁶⁶

Торпарская система землепользования, или мелкая аренда частновладельческой земли, достигла в Финляндии, таким образом, к началу XVIII в. пока еще невысокого уровня развития.

¹ История Швеции. М., 1974. С. 91; *Forsström O. A.* Suomen keskiajan historia. Jyväskylä, 1898. S. 549—557; *Voionmaa V.* 1) Keskiajan kruununkartanot Suomessa // Hist. arkisto. 1911. V. 22, osa 2 (1); 2) Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa uskonpuhdistuksen aikakaudella ynnä katsaus keskiajan kartanoloihin // Hist. arkisto. 1914. V. 24, osa 1 (1); *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. Helsinki, 1958. S. 84; *Juva E. W., Juva M.* Suomen kansan historia. Helsinki, 1964. Osa 1. S. 111—178.

² *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet // Suomen maatalous. Porvoo, 1922. Osa 1. S. 178—181; *Haataja K.* Maa-oikeus. Helsinki, 1936. Osa 1. S. 1—20; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 20—23, 38—43; *Virrankoski P.* Suomen taloushistoria kaskikaudesta atomiaikaan. Helsinki, 1975. S. 18—19.

³ Крестьяне данной категории именовались в Швеции ландбу, в Финляндии — лампуоти, в русской дореволюционной литературе — ландбауеры. Последнее название сохранено и в настоящей работе.

⁴ История Швеции. С. 83, 101; История Норвегии. М., 1980. С. 152—176; *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 164—175; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 99.

⁵ История Швеции. С. 92; *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 171—175; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 145.

⁶ История Швеции. С. 114—115, 193—194; *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 22—25; *Jutikkala E.* 1) Suomen talonpojan historia. S. 121—122, 138—149, 189—203; 2) Talonpoika, aatelismies, kruunu : Maapolitiikkaa ja maanomistusoloja Pohjoismaissa 1550—1750. Juva, 1983. S. 106—107.

⁷ *Forsman J.* Suomen lainsäädännön historia. Helsinki, 1896. Osa 1. S. 165; *Forsström O. A.* Suomen keskiajan historia. S. 547; *Voionmaa V.* Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa. . . S. 14; *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 20, 24—25; *Juva E. W., Juva M.* Suomen kansan historia. S. 373.

⁸ Asiakirjoja, jotka valaisevat Suomen kameralisia oloja. Osa 5 : Suomen tilallis- ja veroluetteloiden kuudenkymmen vuoden jälkimäiseltä puoliskolta. Helsinki, 1904. S. 35, 66, 80, 92, 102, 109; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen kehityksen pääpiirteet Ruotsinvalian aikana. Helsinki, 1909. S. 31, 65; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden historialliseen kehitykseen ruotsalais-suomalaisessa lainsäädännössä. Helsinki, 1912. S. 31; *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 20.

⁹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 13—14, 33—34, 51—52; *Voionmaa V.* Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa. . . S. 32.

¹⁰ ЦГИА СССР. Ф. 1361, оп. 2, д. 5, л. 8—14; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 28; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden. . . S. 31.

¹¹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 35—36; *Voionmaa V.* Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa. . . S. 31; *Jokipi M.* Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat. Helsinki, 1960. Osa 2. S. 69, 85.

¹² Asiakirjoja, jotka valaisevat Suomen kameralisia oloja. Osa 5. S. 35, 80, 90, 109; *Voionmaa V.* Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa. . . S. 56.

¹³ История Швеции. С. 170; *Jokipi M.* Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat. Helsinki, 1956. Osa 1. S. 25; *Pohjolan-Pirhonen H.* Suomen historia, 1523—1617. Porvoo, 1960. S. 360—362.

¹⁴ *Bunner P. Ю.* Первые проблески просвещенного абсолютизма : (Борьба монархии с дворянством в Швеции, аграрные проекты Карла XI) // Изв. Акад. наук СССР. Сер. ист. и филос. М., 1947. Т. 4, № 1. С. 27—29; История Швеции. С. 171; *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 188—191; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 122—126, 138.

- ¹⁵ Asiakirjoja, jotka valaisevat Suomen kameralisia oloja. Osa 5. S. 35, 102.
- ¹⁶ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 155.
- ¹⁷ История Швеции. С. 171, 178; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 57; *Jutikkala E.* Talonpoika, aatelismies, kruunu. S. 53—54.
- ¹⁸ Подсчитано по: *Voionmaa V.* Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa... S. 32—39.
- ¹⁹ Ibid. S. 32.
- ²⁰ Подсчитано по: *Salminen V.* Köyliön pitäjän historia. Helsinki, 1905. S. 19—21; *Voionmaa V.* Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa... S. 38—39; *Pohjolan-Pirhonen H.* Suomen historia, 1523—1617. S. 110—111. Одной бочкой зерна засевали обычно 0.6 га поля (см.: *Jutikkala E.* Talonpoika, aatelismies, kruunu. S. 54).
- ²¹ *Voionmaa V.* Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa... S. 43.
- ²² Ibid. S. 35—38, 50.
- ²³ Asiakirjoja, jotka valaisevat Suomen kameralisia oloja. Osa 5. S. 10, 35, 92, 102.
- ²⁴ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 26—27.
- ²⁵ *Bunne P. Ю.* Первые проблески... С. 28.
- ²⁶ История Швеции. С. 194; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 22; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 25.
- ²⁷ Asiakirjoja, jotka valaisevat Suomen kameralisia oloja. Osa 5. S. 102; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 52—53.
- ²⁸ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 240; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 23—26; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 31.
- ²⁹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 29; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 31.
- ³⁰ История Швеции. С. 177—178, 192—193; *Bunne P. Ю.* Первые проблески... С. 30; *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 182—185; *Haataja K.* Maaoikeus. S. 25—26; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 125—126, 141.
- ³¹ Мантал — мера земли, являвшаяся единицей налогообложения; размер мантала зависел от качества земли.
- ³² *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 191—192; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 153—154.
- ³³ История Швеции. С. 178, 209; *Bunne P. Ю.* Первые проблески... С. 30.
- ³⁴ *Lindeqvist K. O.* Suomen talonpoikien oloista 1600-luvun keskivaiheilla // Hist. arkisto. 1909. V. 21, osa 1 (5). S. 1; *Jokipi M.* Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat. Osa 1. S. 57, 278—280, 289; *Pohjolan-Pirhonen H.* Suomen historia, 1523—1617. S. 364; *Luukko A.* Suomen historia, 1617—1721. Helsinki, 1967. S. 430—437.
- ³⁵ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 34—35; *Jokipi M.* Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat. Osa 1. S. 248—250, 289; *Luukko A.* Suomen historia, 1617—1721. S. 444—445.
- ³⁶ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 58—59; см. также: *Jutikkala E.* Talonpoika, aatelismies, kruunu. S. 92.
- ³⁷ *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 32.
- ³⁸ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 58; *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 191—195; *Jokipi M.* Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat. Osa 1. S. 276—280, 290, 291; *Luukko A.* Suomen historia, 1617—1721. S. 132, 140, 540.
- ³⁹ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 116—117, 127; *Luukko A.* Suomen historia, 1617—1721. S. 135; *Virrannoski P.* Suomen taloushistoria... S. 42—44.
- ⁴⁰ *Grottenfelt K.* Suomen historia. Uskonpuhdistuksen aikakaudella, 1521—1617. Jyväskylä, 1902. S. 414—415; *Lindeqvist K. O.* Suomen talonpoikien... S. 16—19; *Jokipi M.* Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat. Osa 1. S. 287; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 159; *Pohjolan-Pirhonen H.* Suomen historia, 1543—1617. S. 510—511.
- ⁴¹ Подсчитано по: *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 55, 71—72.
- ⁴² *Grottenfelt K.* Suomen historia... S. 414; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 62—63; *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 193—195.

⁴³ Редукция — возврат государству в 80-е гг. XVII в. раздаренных ранее дворянству земель.

⁴⁴ *Lindeqvist K. O.* Suomen talonpoikien... S. 13; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 63; *Jokipii M.* Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat. Osa 1. S. 248—250.

⁴⁵ *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 193—195.

⁴⁶ История Швеции. С. 232—234; *Bunneper P. Ю.* Первые проблески... С. 29—37.

⁴⁷ История Швеции. С. 234; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 37—38, 63; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 188; *Luukko A.* Suomen historia, 1617—1721. S. 630.

⁴⁸ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 37—38; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 188; *Luukko A.* Suomen historia, 1617—1721. S. 630, 648.

⁴⁹ *Jutikkala E.* 1) Suomen talonpojan historia. S. 188—189; 2) Talonpoika, aatelismies, kruunu. S. 79.

⁵⁰ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 63—64.

⁵¹ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 157; *Luukko A.* Suomen historia, 1617—1721. S. 446.

⁵² *Lindeqvist K. O.* Suomen talonpoikien... S. 9—10; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 256; *Jokipii M.* Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat. Osa 1. S. 288—289.

⁵³ *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 26, 30; *Lindeqvist K. O.* Suomen talonpoikien... S. 1—20; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 156, 159; *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 193—194.

⁵⁴ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 60—61.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid. S. 39.

⁵⁷ История Швеции. С. 151—157; *Voionmaa V.* Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa... S. 9.

⁵⁸ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 40.

⁵⁹ Ibid. Liite 1. S. 13; *Luukko A.* Suomen historia, 1617—1721. S. 132.

⁶⁰ История Швеции. С. 235—236; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 206—208.

⁶¹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 40—41.

⁶² Ibid. Liite 1. S. 15.

⁶³ *Luukko A.* Suomen historia, 1617—1721. S. 639; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme : Maatalous ja maatalousväestö Suomessa perinnäisen maatalouden loppukaudella 1720-luvulta 1870-luvulle. Helsinki, 1974. S. 30.

⁶⁴ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... Liite 1. S. 15.

⁶⁵ Asiakirjoja, jotka valaisevat Suomen kameralisia oloja. Osa 5. S. 35, 109; *Voionmaa V.* Piirteitä aatelin maataloudesta Suomessa... S. 32; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 54—55; Liite 1. S. 12—13.

⁶⁶ Подсчитано по: *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 55—56, 65; Liite 1. S. 12—13.

Развитие системы мелкой аренды частновладельческой земли в Финляндии в XVIII в.

Влияние аграрной политики шведского правительства на развитие торпарской системы в Финляндии в 20—30-е гг. XVIII в.

Северная война 1700—1721 гг. привела к существенному разрушению производительных сил в Шведском государстве. Огромный ущерб был нанесен экономике. Страна потеряла значительную часть наиболее трудоспособного населения. Были утрачены почти все континентальные владения, и из господствующей на Балтике державы Швеция превратилась в государство среднего ранга. Одновременно с изменением международного положения страны имели место серьезные перемены внутриполитического характера, произошло падение абсолютизма и началось становление режима сословного парламентаризма.

В результате войны Швеция лишилась плодородных земель Прибалтийских провинций и испытывала острую нехватку зерна, вынуждавшую наращивать импорт хлеба. Утрата посевных площадей в провинциях Восточной Прибалтики требовала их расширения в пределах новых границ.

Однако после окончания военных действий земледельческие области Швеции и Финляндии оживали медленно из-за нехватки рабочих рук, запустения и недостаточного внимания сменявшихся тогда правительств к сельскому хозяйству.¹

Освоению новых угодий под посевы в крестьянских хозяйствах мешал феодальный характер аграрного законодательства, ограничивавшего владельческие права крестьян на землю и использование ими наемной рабочей силы. Государственная власть и крупнопоместное дворянство были против расширения поземельных прав крестьян, в частности при разделе хозяйств. С точки зрения правительства неограниченное дробление крестьянских наделов противоречило интересам фиска, так как мелкие хозяйства разорялись быстрее, чем крупные, и казна теряла налогоплательщиков. Помещики же опасались, что право крестьян свободно распоряжаться своими владениями позволит им путем раздела хозяйств обеспечить землей своих детей и избавит последних от необходимости наниматься в работники в дворянские имения.² Подъему земледелия препятствовали также тяжесть повинностей и всевозможных поборов, сохранение старинных форм общинного землепользования, рутинное состояние техники.

В Швеции и особенно в Финляндии имелись и после Северной войны большие площади пригодных для земледелия пустошей, которые, по оценкам современников, могли при условии их обработки обеспечить продуктами питания население, в несколько раз превышавшее число жителей Шведского государства.³ Но для освоения новых земель требовалось большое количество рабочих рук, которых после многолетней войны не хватало для обработки даже имевшихся полей.

В создавшихся условиях шведское правительство, проводившее аграрную политику в интересах верхушки господствующего класса, стремилось обеспечить рабочей силой прежде всего крупные усадьбы привилегированных землевладельцев и в первую очередь имения дворян. С этой целью крестьянам по-прежнему запрещалось иметь торпы, освобожденные от налогообложения. Одновременно был взят курс на усиление регламентации использования крестьянами батраков.⁴

Уже в уставе о найме слуг и батраков 1686 г. ограничивалось их число в крестьянском хозяйстве.⁵ Чтобы принудить максимальное количество безземельных становиться торпарями или батраками в имениях дворян, а также в усадьбах духовенства и рустхолларов, в 1723 г. был принят новый устав о найме батраков.⁶ Он поставил крестьян в еще более стесненные, чем до этого, условия при использовании наемной рабочей силы. По уставу 1723 г. крестьянин, владевший полным наделом, имел право держать двух взрослых батраков и одного подростка (15—21 года) и столько же батрачек (устав 1686 г. не ограничивал числа батрачек). Владелец же хозяйства размером в 1/3 или 1/4 полного надела мог нанимать лишь одного, несовершеннолетнего батрака и одну батрачку. «Лишних» работников крестьянских хозяйств власти имели право отдавать в солдаты или направлять на казенные работы.

Поскольку устав 1723 г. не ограничивал числа работников в усадьбах дворян, духовенства и рустхолларов, то было ясно, что все имевшиеся в крестьянских хозяйствах «лишние» работники теперь должны будут наниматься в батраки к привилегированным землевладельцам, чтобы не попасть в солдаты или на казенные работы.

Однако устав 1723 г. не удовлетворил крупных земельных собственников. Они требовали дальнейшего ограничения прав неимущего населения и введения еще более жесткой регламентации в использовании рабочей силы. Так, рустхоллары уездов Порвоо и Холлола (Нюландско-Тавастгусская губерния) представили в риксдаг 1726—1727 гг. петицию, в которой просили обязать детей торпарей наниматься в работники в первую очередь в то хозяйство, на земле которого находилась торпа. В выступлениях дворян на сессии риксдага безземельные обвинялись в своеволии и лености на том основании, что не желали наниматься в работники к помещикам, а стремились арендовать землю у крестьян и с этой целью уходили даже за пределы своего уезда. Дворяне требовали

от властей запретить неимущим под угрозой сурового наказания покидать свой родной уезд и строже следить за тем, чтобы они не селились в качестве арендаторов на крестьянской земле.⁸

В стремлении максимально подчинить своей власти безземельных, чтобы иметь достаточное количество дешевой рабочей силы, феодальное дворянство выдвигало требования, которые были весьма близки к желанию закрепить крестьян и в особенности неимущее население. Известен, например, проект постановления, разработанный несколькими финляндскими помещиками и предложенный ими для утверждения в сословном собрании. Это постановление обязывало всех неимущих, родившихся в границах владений дворян или других привилегированных землевладельцев, оставаться в работниках или арендовать землю у своего хозяина, если условия аренды торпарского участка или размер оплаты труда батрака сохранялись такими же, какими они были в других усадьбах. Если же неимущий, покидая усадьбу, нарушал предписания постановления, власти обязаны были помочь хозяину вернуть беглеца. Принятие этого постановления позволило бы, по мнению его авторов, ликвидировать нехватку работников.⁹

Таким образом, в условиях острой нехватки рабочих рук после Северной войны дворяне и другие крупные землевладельцы требовали от правительства и риксдага принятия таких законов, которые максимально ограничили бы личную свободу безземельных и гарантировали бы владельцам имений получение дешевой рабочей силы.

Не решаясь на полное удовлетворение требований наиболее реакционно настроенной части землевладельцев, дворянское правительство партии «шляп», пришедшее к власти в 1738 г.,¹⁰ тем не менее в своей политике в значительной мере учитывало их желания и проводило курс на ужесточение законодательства о найме.

В 1739 г. регламентация использования крестьянами рабочей силы была снова усилена. Устав о найме 1723 г., ограничивая количество батраков в усадьбах крестьян, давал последним все же возможность держать при себе всех своих детей и создавал, таким образом, трудности с обеспечением рабочей силой лишь тех хозяйств, в которых пашни было больше, чем могли обработать члены семьи. Теперь крестьянину разрешалось использовать своих сыновей и дочерей только в качестве батраков и батрачек и при этом в количестве, не превышающем нормы устава 1723 г. более чем на одного батрака и батрачку. Таким образом, сыновья и дочери крестьян, жившие с родителями, стали считаться юридически наемными работниками. Остальные дети крестьян и вообще все безземельные обязаны были наниматься в работники к привилегированным землевладельцам или промышленникам, становиться мелкими арендаторами в господских имениях или держателями коронной земли. В противном случае неимущий считался бродягой и направлялся на казенные работы или же отдавался в солдаты.¹¹

Суровыми постановлениями, ограничивавшими права и свободу деятельности подавляющего большинства населения, правительственные круги стремились обеспечить хозяйства помещиков дешевыми работниками. Однако желаемого результата не удавалось достичь. Крупные землевладельцы продолжали сетовать на нехватку рабочих рук. Даже устав о найме 1739 г. они считали недостаточным. Ими выдвигались предложения, направленные на дальнейшее ужесточение регламентации.¹²

Стремление не допустить усиления дефицита рабочей силы в имениях дворян было одной из причин того, что крестьянам разрешалось дробить свои наделы лишь до определенного размера. Власти опасались, что разделы, позволявшие сыновьям крестьян получить землю и стать самостоятельными хозяевами, уменьшат число желающих становиться торпарями или наниматься в батраки.¹³ Запрет на раздел крестьянских хозяйств действительно вел к увеличению численности безземельных. Но в то же время он замедлял темпы роста народонаселения в целом. Многие сыновья крестьян не вступали в брак, так как не имели возможности обзавестись своим хозяйством и содержать семью. Не желая идти в батраки или торпаря к помещику, они оставались жить в качестве холостых работников в семье отца или старшего брата, к которому обычно переходил по наследству отцовский надел. Кроме того, немалое число крестьянских сыновей, не имевших возможности получить землю, а после 1739 г. лишенные и права жить в родном доме, переселялись за границу, что также сдерживало рост численности населения.¹⁴

Таким образом, после Северной войны характер политики в торпарском вопросе не изменился. В целом же аграрная политика правящих кругов Швеции в 20—30-е гг. XVIII в. свелась к созданию наиболее благоприятных условий для развития лишь крупных привилегированных хозяйств, что являлось одной из причин известной застойности в области сельского хозяйства.¹⁵

Феодальные ограничения в распоряжении податной землей, низкий уровень производства в сельском хозяйстве вызывали среди прогрессивно настроенных представителей разных сословий недовольство аграрной политикой правительства и стремление к либерализации аграрного законодательства. Так, в риксдаге 1731 г. губернатор Халландского лена (юго-западная Швеция) В. Беннет обратился к сословиям с запиской, в которой писал, что из-за малой площади полей население губернии не в состоянии было обеспечить себя хлебом даже в урожайные годы, хотя на общинных пустошах деревень имелись прекрасные участки земли, пригодные для расчистки под пашню. Чтобы заинтересовать крестьян в расширении площади посевов, губернатор предлагал освобождать их от уплаты налога за поля, обработанные на отдаленных пустошах. Это предложение было встречено депутатами риксдага с большим одобрением. По их мнению, такой метод содействовал бы расширению площади посевов и подъему земледелия, отвечал бы интересам как общества в целом, так и отдель-

ных лиц. Поэтому сословия считали важным, чтобы предложение губернатора Беннета было одобрено и распространено на всю территорию государства.¹⁶

Одной из причин того, что шведское правительство продолжало и в первой половине XVIII в. запрещать крестьянам создавать свободные от налогообложения в казну торпы и лишало крестьян стимула использовать торпарей для расширения пахотного поля податного хозяйства, было господство идей меркантилизма в экономической политике. Первостепенная роль в экономике отводилась не сельскому хозяйству, а промышленности и торговле. Самой важной отраслью промышленного производства Шведского государства являлась горная. Поэтому вопрос о развитии земледелия отодвигался на второй план. Более важным считали сохранение лесов для нужд металлургической промышленности. Правительство поддерживало точку зрения горнопромышленников, утверждавших, что расширение площади полей за счет лесных угодий и создание торп на крестьянской земле приведет к истреблению лесов и лишит горную промышленность древесного угля, а значит, и условий для дальнейшего развития.¹⁷

С учетом интересов горнопромышленников был разработан и принят в 1734 г. новый лесной устав, который предусматривал дальнейшее ограничение прав крестьян на пользование лесными угодьями. Уже действовавшие уставы 1647 и 1664 гг. разрешали создавать новые самостоятельные хозяйства и торпы лишь там, где леса занимали большие площади. При этом для обработки под посевы лесного участка на общинных землях требовалось согласие всех членов общины или разрешение уездного суда. Кроме того, торпу разрешалось основать, как уже отмечалось выше, лишь на таком необработанном участке, площадь которого была достаточной для превращения торпы со временем в самостоятельное податное хозяйство размером не менее чем в 1/4 мантала.¹⁸

Устав 1734 г. оставил в силе вышеперечисленные ограничения и дополнил их новыми. Создание торп в тех местностях, где имелись промышленные предприятия, ставилось теперь в зависимость не только от усмотрения уездного, но и горного суда, который обязан был следить за тем, чтобы создание торпы не нанесло ущерба королевским, горным и мануфактурным заведениям, мореплаванию и торговле. И лишь на болотистых участках крестьянских наделов можно было свободно основывать торпы, которые не облагались налогом в пользу казны.¹⁹

В результате горнопромышленники, опасавшиеся истребления лесов, одержали верх над сторонниками расширения посевных площадей за счет освоения под пашни лесных участков. Разработка новых полей допускалась лишь в том случае, если у властей была уверенность, что это не нанесет ущерба промышленности и торговле.

Разрешив создавать необлагаемые налогом крестьянские торпы на болотах, лесной устав 1734 г. делал лишь незначительную

уступку крестьянам в отношении расширения посевных площадей и создания торп. Но она знаменательна тем, что была первым шагом на пути пересмотра политики в торпарском вопросе.

В целом же устав 1734 г. еще больше, чем прежние законоположения, затруднял образование торп на лесных участках крестьянских наделов.

Таким образом, экономические интересы господствующего класса дворян и казны, приведшие в XVI в. к установлению ограничений на пути создания торп крестьянами, были главной причиной проведения аналогичной политики в торпарском вопросе и в первой половине XVIII в. Проводя реакционную политику в вопросе о найме батраков крестьянами, правительство одновременно продолжало сохранять прежний курс и в торпарском вопросе.²⁰ Поэтому торпарская система развивалась лишь на привилегированной земле.

По мере углубления имущественного расслоения крестьянства действовавшее аграрное законодательство вызывало растущее недовольство со стороны зажиточных хозяев, наиболее заинтересованных в свободе распоряжения землей и в отмене ограничений при найме работников и создании торп.

Уже в риксдагах 1719 и 1720 гг. представители крестьян сетовали на отсутствие свободы раздела хозяйств.²¹ Сразу же после опубликования устава о найме 1723 г. возникло недовольство его предписаниями. На сессии риксдага 1726—1727 гг. депутаты крестьянского сословия от многих губерний представили петиции, в которых жаловались, что устав о найме разрешал им держать слишком мало работников. Одновременно крестьянское сословие подняло вопрос о необходимости отмены ограничений при разделе хозяйств. Чтобы как-то заставить власти пойти на уступки, крестьяне ссылались на то, что действующие правила владения податной землей вынуждали все большую часть жителей покидать свою страну.²²

В 30-е гг. крестьяне также неоднократно выражали на сессиях риксдага свое недовольство действовавшим аграрным законодательством и настаивали на признании их полноправными собственниками своих владений, а следовательно, и предоставлении свободы распоряжаться принадлежавшей им землей, включая создание торп.²³ Так, например, в жалобах-петициях, переданных риксдагу 1738—1739 гг., финляндские крестьяне из уезда Сяксмяки ходатайствовали, чтобы торпы, которые создавались в пределах владений скаттовых крестьян, не облагались налогом. На этом же риксдаге председатель палаты крестьян швед О. Хоканссон представил на рассмотрение сословий записку. В ней он напоминал депутатам, что по закону скаттовый крестьянин является собственником земли и, следовательно, имеет право распоряжаться ею по собственному усмотрению. На этом основании Хоканссон считал необходимым предоставить крестьянам-землевладельцам возможность беспрепятственно и без дополнительных платежей в казну

использовать труд торпарей для расширения посевной площади скаттового хозяйства.²⁴ Однако правительство и риксдаг, в котором решающую роль играло дворянство, не считали в тот период нужным учитывать пожелания крестьян. Требования либерализации аграрного законодательства не находили поддержки в правительственных сферах. Тем не менее в условиях нехватки зерна и усиления оппозиции находившееся у власти феодальное дворянство вынуждено было постепенно пересматривать официальный курс в области экономики, в том числе в сфере аграрных отношений. В 1737 г. правительство освободило крестьян от уплаты налога за те участки земли, которые уже были или впредь будут освоены под пашню на дальних общинных пустошах.²⁵ С целью увеличить число податных крестьян в редконаселенной восточной части Финляндии, где имелось много неиспользуемых земель, королевский указ от 27 июня 1737 г. предписывал местным властям создавать на отдаленных пустошах хозяйства новопоселенцев. А чтобы склонить безземельных селиться на неосвоенных участках, их хозяйства не только освобождались в первые несколько лет от налогов, но и зачислялись в категорию скаттовых, т. е. выделенный новоселу надел становился его наследственной собственностью.²⁶

Более полный поворот в сторону поощрения обработки и заселения пустошей начался в самом конце 30-х гг. XVIII в., когда к власти пришли вожди партии «шляп» и руководство делами государства перешло от Совета к риксдагу. Частично это изменение было вызвано недовольством лесным уставом 1734 г. Когда сословия впервые после принятия устава собрались на сессию риксдага в 1738 г., депутаты принесли с собой со всех концов страны многочисленные жалобы-петиции с просьбами пересмотреть действовавшие правила пользования лесными угодьями. Политика одностороннего покровительства горной промышленности была столь пагубной для развития сельского хозяйства на податной земле, что даже представители местных властей в лице губернаторов различных провинций высказывались за отмену предписаний лесного устава.²⁷ На риксдаге 1738—1739 гг. сословия пришли к выводу о том, что лесной устав 1734 г. не учитывал местных условий и высказались за пересмотр его предписаний.

В связи с решением риксдага правительство вынуждено было дополнить упомянутый устав специальным разъяснением от 5 апреля 1739 г., которое расширяло права владельцев скаттовой земли на пользование своим лесом и несколько снижало барьеры на пути создания новых полей в особенности там, где имелись большие общинные лесные угодья.²⁸ Хотя власти продолжали относиться отрицательно к вопросу о создании торп на крестьянских наделах и на тех землях, которые оставались в общем пользовании деревень, все же разъяснение от 5 апреля было принципиально важным, ибо сделанная в нем уступка собственникам скаттовой земли уже означала частичный отход от прежней политики жесткой регламентации экономической жизни.

В связи с тем что аграрное законодательство по вопросу об аренде податной земли до начала 40-х гг. XVIII в. мало изменилось, торпарская система в Финляндии продолжала развиваться в 20—30-е гг. прежде всего на земле фрельзовых и сетерейных имений, а также бустелей и рустхоллов, владельцы которых, как и фрельземаны, имели привилегии в отношении создания торп и использования труда торпарей. Поскольку же подавляющая часть вышеперечисленных привилегированных хозяйств находилась на юге и юго-западе страны, где первоначально возникла такая система аренды, то в этих районах и в первой половине XVIII в. количество торп росло наиболее быстрыми темпами. Торпарская система землепользования существовала в рассматриваемые годы преимущественно как система мелкой аренды земли за отработки, как источник получения рабочей силы в лице торпарей-отработчиков.

Первое место по абсолютному числу торпарей среди провинций Финляндии продолжал занимать Нюланд (Уусимаа). В 1710 и 1728 гг. торпари этой провинции составляли примерно половину всех торпарей страны. За Нюландом шли такие провинции, как Финланд (Варсинайс-Суоми) и Тавастланд (Хяме).²⁹ В этих трех провинциях, как уже отмечалось ранее, торпарская система на земле сетерейных имений достигла наивысшего уровня развития по сравнению с другими районами страны уже в XVII в.

Значительно меньше, чем в сетерейных имениях, было торпарей на земле рустхоллов, обычных бустелей (без сетерейных прав) и в усадьбах духовенства. Хотя таких хозяйств было больше, чем сетерей, они по своим размерам и потребностям в работниках сильно уступали последним. В 1738 г. торпарей, которые арендовали участки у владельцев сетерейных и фрельзовых имений, насчитывалось около 1300, или свыше 60 % их общего количества (2151) в стране.³⁰

Рустхоллары окончательно получили право создавать торпы лишь в 1697 г. Поэтому и система торпарской аренды на их землях начала развиваться относительно быстрыми темпами только с окончанием Северной войны. По официальным данным, в усадьбах рустхолларов имелось в начале XVIII в. менее одной сотни торп. После Северной войны число рустхолларских торп стало быстро расти и к концу 1730-х гг. приблизилось уже к 500.³¹

Поскольку до начала 40-х гг. XVIII в. продолжало действовать законодательство, запрещавшее крестьянам, исключая рустхолларов, иметь торпы, свободные от уплаты податей в казну, торпарская система на крестьянской земле в это время не имела условий для развития. Правда, в разных провинциях Финляндии и в особенности в редконаселенных центральной и восточной частях страны, где было мало или совсем отсутствовали усадьбы привилегированных землевладельцев, крестьяне самовольно основывали торпы. В отличие от торпарей крупных привилегированных имений крестьянские торпари находились в менее зависимом от землевладельца положении. Они, как правило, платили аренду не отра-

ботками, а натурой и поэтому могли безотрывно работать в своем хозяйстве.

В Саво, например, торпари жили на дальних лесных угодьях крестьянских владений и занимались, как и сами крестьяне, подсечным земледелием. В центральной Финляндии торпари также были новоселами, поселившимися на земле крестьян, владевших большими площадями пустошей.

На земле скаттовых и коронных крестьян в 1738 г. было, по подсчетам Э. Гюллинга, около 220 торп,³² т. е. примерно 1/10 общей их численности в стране. По мере выявления местными властями крестьянских торп, созданных без разрешения, они переводились в категорию скаттовых или коронных хозяйств, вносивших подати в казну. В противном случае торпа ликвидировалась, а за участок, освоенный арендатором, крестьянин обязан был платить дополнительный поземельный налог.³³

Крестьяне со своей стороны не признавали действия местных властей законными и через своих представителей в риксдаге обращались в высший законодательный орган с жалобами-прошениями о предоставлении им права владеть торпами.

Землевладельцы-крестьяне, особенно зажиточные, так же как и помещики, стремились получить в лице торпарей дополнительные рабочие руки. Однако крестьянину работники нужны были не столько для использования их в его собственном, пока еще относительно мелком хозяйстве, сколько для освоения новых площадей в границах крестьянского надела и для получения доходов от неиспользуемых самим крестьянином угодий. Поэтому в арендной плате крестьянских торпарей в отличие от помещичьих преобладали натуральные виды платежей. Кроме того, подавляющая часть крестьянских торпарей первой половины XVIII в. была сосредоточена в районах центральной и восточной Финляндии, которые находились по сравнению с югом и юго-западом на более низком уровне экономического и социального развития и в которых преобладали мелкие крестьянские хозяйства. Однако и здесь главными причинами появления торпарей были рост численности безземельных, вынужденных в поисках средств существования прибегать к мелкой аренде, а также наличие у землевладельцев неиспользуемых участков, которые они охотно давали арендаторам для освоения, получая взамен бесплатных работников и дополнительные доходы от своих владений в виде различных натуральных платежей.

В отличие от крестьян владельцы крупных имений нуждались в большом количестве работников, и поэтому торпарскую систему помещики использовали прежде всего как надежный источник дешевой рабочей силы. С помещичьих торпарей аренда взималась, как правило, в виде отработок в господском хозяйстве.

Наряду с батраками и ландбауерами торпари составляли в первой половине XVIII в. одну из основных категорий работников дворянских имений и хозяйств других привилегированных землевладельцев. К середине столетия численность торпарей

в Финляндии достигла примерно 4 тыс.³⁴ В это время в имениях представителей высших сословий было занято около 3 тыс. батраков.³⁵ По данным Э. Ютиккала, в 20-е гг. XVIII в. ландбауерских хозяйств в Финляндии насчитывалось немногим более 2 тыс.³⁶ Исходя из примерного количества ландбауеров, а также торпарей и батраков, занятых в имениях дворян и других привилегированных землевладельцев, можно заключить, что среди постоянных работников крупных хозяйств торпарь занимали в середине XVIII в. одно из ведущих мест.

В рассматриваемый период в Финляндии имелись еще две категории безземельного населения. Это были хибарочники (мяки-тупалайсет) и постояльцы, или жильцы (итселлисет, лойсет).

Хибарочники арендовали крохотные участки земли под жилье и огород и жили обычно по окраинам деревень в курных хибарах. Арендную плату они вносили деньгами или в виде отработок в хозяйстве владельца земли. Средства существования хибарочник добывал случайными заработками в качестве поденщика в усадьбе своего хозяина или на стороне. Мужчины обычно выполняли полевые работы или же работали в лесу, а женщины были заняты в домашнем хозяйстве нанимателя, пряли и ткали. Плата редко выдавалась деньгами. Обычно такой работник питался в доме хозяина и оставшуюся часть заработка получал в виде продуктов питания (зерно, мука, молоко и т. п.). В зимние месяцы и неурожайные годы, когда требовалось меньше рабочих рук, хибарочники нищенствовали.³⁷

Постояльцы находились фактически на положении пауперов. Они вели в значительной мере бродячий образ жизни, себя и семью кормили случайными заработками и подаяниями. Для временного жилья постояльцы обычно арендовали угол в чужом доме, живя отдельной семьей. Аренду платили деньгами или поденщиной, но не нанимались в постоянные работники к хозяину. Нередко жильцы со своими семьями ютились круглый год в банях или других малопригодных для жилья строениях крестьянских усадеб.³⁸

Обе вышеупомянутые категории безземельной сельской бедноты состояли в первой половине XVIII в. преимущественно из отставных солдат, старых и одиноких людей, влачивших довольно жалкое существование, граничившее с нищетой. По официальным данным в середине века их насчитывалось немногим более 3 тыс.³⁹

Характерной чертой социального состава сельского населения Финляндии первой половины XVIII в. была относительно небольшая численность безземельных. Данный факт объясняет, почему в это время даже привилегированные землевладельцы постоянно испытывали нехватку работников и почему правительство всячески ограничивало права крестьян в использовании ими батраков и торпарей, стремясь обеспечить рабочей силой прежде всего хозяйства помещиков.

Несмотря на сравнительную малочисленность безземельных в первой половине XVIII в., их ряды в абсолютных цифрах непрерывно росли в процессе имущественной дифференциации

крестьянства. Нужда и угроза быть обвиненными в бродяжничестве заставляли неимущих идти в кабалу к самостоятельным хозяевам. При этом все большее число безземельных в поисках средств существования вынуждено было прибегать к аренде земли за отработки, что позволяло привилегированным землевладельцам (дворянам, духовенству, рустхолларам) создавать новые торпы и расширять использование торпарей в качестве рабочей силы.

Развитие торпарской системы в первой половине XVIII в. шло в Финляндии сравнительно быстрыми темпами. Общее количество торп увеличилось за 1700—1751 гг. примерно в пять раз (с 840 почти до 4200).⁴⁰ Поскольку официальная политика в торпарском вопросе не претерпела до начала 40-х гг. принципиальных изменений и свободные от налогообложения торпы разрешалось создавать лишь на земле привилегированных собственников, то подавляющее большинство новых торп продолжало возникать в южных районах страны, где находилась основная часть дворянских поместий, служебных имений чиновников и духовенства, а также хозяйств рустхолларов. Так, например, на долю двух южных губерний (Або-Бьернеборгская и Нюландско-Тавастгусская) в 1747 г. приходилось более 76 % общего числа торпарей.⁴¹

Оценивая в целом развитие торпарской системы землепользования в Финляндии в XVI—первой половине XVIII в., следует отметить, что данная форма аренды частновладельческой земли не получила в указанный период широкого развития, так как этому препятствовали следующие причины.

1. Крестьяне, самая многочисленная часть землевладельцев страны, были лишены права создавать необлагаемые налогом торпы.

2. Привилегированных хозяйств (дворянские имения, рустхолларские и служебные усадьбы), владельцам которых разрешалось без каких-либо ограничений иметь торпарей, было относительно немного, да и размеры производства в большинстве из них и степень товарности продолжали оставаться невысокими.

3. К тому же и численность безземельных, вынужденных становиться торпарями, была в Финляндии в это время еще сравнительно небольшой, так как социальное расслоение крестьянства не достигло пока высокого уровня.

4. Кроме того, наличие в руках скаттовых крестьян значительных площадей неосвоенных земель позволяло, несмотря на многочисленные феодальные ограничения их владельческих прав, частично обеспечить растущее в ходе естественного прироста сельского население землей и сдерживало рост безземельных.

5. Со своей стороны правительство, заинтересованное в увеличении численности податного населения и росте доходов казны, призывало неимущих селиться на коронной земле, в результате чего часть безземельных переходила в категорию государственных крестьян.

Правительство дворян проводило в торпарском вопросе политику в интересах своего класса. Эти интересы требовали увеличе-

ния доходов казны для укрепления аппарата управления и армии. Поэтому власти постоянно стремились увеличивать прежде всего число податных и коронных крестьян, а не мелких арендаторов-торпарей, которые платили аренду собственнику земли, а не казне.

Занимая отрицательную позицию в отношении развития торпарской системы, правительство тем не менее лишило права иметь торпарей не всех землевладельцев, а только крестьян.

Потребности казны и нажим на правительство со стороны помещиков-дворян, стремившихся обеспечить работниками в первую очередь свои усадьбы, предопределили введение запрета на использование труда торпарей в крестьянских хозяйствах. Подавляющую часть торпарей составляли помещичьи торпары-отработчики, которые по своему положению были весьма близки к сельскохозяйственным рабочим с наделом. Однако даже исключительное право дворян и других привилегированных собственников земли иметь торпарей не позволяло им в условиях относительной малочисленности неимущих в полной мере удовлетворять растущие потребности своих хозяйств в рабочей силе, и еще в первой половине XVIII в. крупные землевладельцы продолжали сетовать на нехватку рабочих рук.

Аграрные реформы и изменение правительственной политики в торпарском вопросе в 40—50-е гг. XVIII в.

Одной из наиболее актуальных проблем экономической жизни Шведского государства в конце 30-х гг. XVIII в. становится вопрос о расширении посевов за счет освоения пустошей. К этому времени поля заброшенных в годы Северной войны хозяйств были в основном уже обработаны. Линия поощрения обработки новых земель получала все более широкую поддержку среди представителей всех сословий и, в частности, в риксдаге.

Под давлением либеральных сил правительство вынуждено было все больше отходить от своих прежних позиций в аграрной политике, ослаблять феодальные ограничения в землепользовании. Наглядным примером этого является постановление от 25 ноября 1740 г., которое было принято по инициативе депутатов риксдага и вопреки намерениям правительства. В ходе рассмотрения на сессии риксдага 1738—1739 гг. постановления от 14 января 1737 г., предусматривавшего освобождение крестьян на 3—4 года от уплаты казенной и церковной десятины за пашни, обработанные на болотах, сословия приняли решение не ограничиваться упомянутыми льготами. Для создания большей заинтересованности у землевладельцев в расширении посевных площадей они предложили постановить, чтобы участки под пашню, отвоеванные у болот, то-

пей и других бесполезных земель, освобождались от налогов на частновладельческой земле (скаттовой и фрельзовой) на вечные времена, а в коронных хозяйствах до тех пор, пока участком будет пользоваться тот, кто освоил это поле, или его наследники. В итоге появилось упомянутое выше постановление от 25 ноября 1740 г., которым правительство утвердило решение риксдага.⁴²

Данное постановление было исключительно важным. Оно стало отправной точкой для целой серии распоряжений, направленных на содействие освоению неиспользуемых в сельском хозяйстве земельных угодий и способствовавших увеличению площади пашни в крестьянских хозяйствах. Действовавшее до этого времени правило, по которому поземельный налог должен был повышаться одновременно с расширением площади посевов, можно считать с принятием постановления от 25 ноября 1740 г. в принципе уже отвергнутым. Крестьяне получили материальный стимул для расширения пахотного поля.

Однако постановление 1740 г. распространялось лишь на мало-пригодные для земледелия и трудноосваиваемые участки и к тому же не меняло политики в торпарском вопросе. Поэтому предоставленная уступка не могла, естественно, удовлетворить собственников податной земли и они продолжали требовать дальнейшего расширения своих прав на владение ею. Так, на сессии риксдага 1740—1741 гг. представители крестьянского сословия энергично выступили в защиту своих интересов и потребовали, в частности, расширения льгот тем, кто осваивал новые участки земли под посевы. В своих петициях крестьяне подчеркивали, что, помимо болот, топей и неплодородных участков, имелось немало и другой неиспользуемой земли, освоение которой требовало больших расходов и тяжелого труда. Для повышения заинтересованности у земледельцев в расширении пашни следовало позтому освободить на вечные времена от уплаты налога также тех, кто осваивает под посевы труднообрабатываемые лесистые и каменистые участки, а также обомшелые болота.⁴³

Еще дальше, чем крестьяне, шли в своих предложениях некоторые либерально настроенные дворяне. Так, например, майор К. Бойе в своей записке, представленной в риксдаг 1740—1741 гг., писал о необходимости освободить от налогов все вновь осваиваемые участки частновладельческой земли.⁴⁴

Многочисленные феодальные ограничения владельческих прав собственников податной земли наиболее сильно тяготили зажиточное крестьянство и тех крупных землевладельцев, которые стремились к предпринимательской деятельности. Именно они наиболее активно выступали за либерализацию действовавшего аграрного законодательства. Все более существенным препятствием на пути частного предпринимательства богатого крестьянства становились также чересполосица и общинное владение лесными угодьями. Поэтому наряду с требованиями проведения политики дальнейшего облегчения и стимулирования освое-

ния под посевы необработанных участков был поднят вопрос о разделе общинных земель между отдельными хозяевами.

Прогрессивная часть землевладельцев и государственных деятелей страны считали необходимым принять меры в области аграрных отношений, которые позволили бы поднять производство зерна на такой уровень, чтобы государство могло обходиться своим хлебом и не ввозить его из-за границы. Подобную точку зрения поддерживало, в частности, большинство депутатов риксдага 1740—1741 гг. По их мнению, добиться резкого подъема сельского хозяйства помог бы прежде всего раздел общинных земель.⁴⁵ Неурожаи, а также русско-шведская война 1741—1743 гг., принесяшая новые разрушения, ухудшили состояние земледелия и в свою очередь также убеждали правительство в необходимости больше прежнего обращать внимание на развитие сельского хозяйства.

Не прекращали попыток добиться удовлетворения своих требований и крестьяне. В риксдаге 1742—1743 гг., собравшемся во время войны между Швецией и Россией, вопрос о поземельных правах крестьян снова был выдвинут на повестку дня работы сословного собрания. На данной сессии риксдага представители крестьян очередной раз обратились к другим сословиям и правительству с заявлением, в котором содержалась просьба не облагать налогом осваиваемые торпарями участки и не отделять создаваемые на податной земле торпы от основного хозяйства.⁴⁶

Свое ходатайство крестьянское сословие мотивировало тем, что взимание налога с обработанных торпарями участков или же отделение этих участков от владений крестьянина и превращение торп в самостоятельные коронные хозяйства, как это предусматривало действовавшее законодательство, не только не способствовали повышению доходов казны, а, напротив, нередко даже вели к их снижению, ибо лишали крестьян желания расширять пахотное поле, уменьшали площадь крестьянского надела, подрывали экономику крестьянского хозяйства.

По мнению составителей ходатайства, освоение новых земель и развитие сельского хозяйства в целом могли происходить успешнее всего в том случае, если у «старательного» земледельца появится заинтересованность в расширении площади посевов и в лучшем ведении своего хозяйства. Добиться же вышеуказанной заинтересованности, подчеркивали авторы заявления, можно лишь путем освобождения новых обработанных участков и торп от налогообложения и сохранения их в распоряжении владельцев земли. Данное заявление было продиктовано стремлением зажиточного крестьянства получить свободу для частного предпринимательства.

Активность представителей крестьян на сессиях риксдага с годами росла. Связано это было с усилением имущественной и классовой дифференциации среди крестьян. В то время как малоимущая часть землевладельцев разорялась и пополняла ряды

сельской бедноты, зажиточная верхушка деревни расширяла свои владения и становилась богаче. Одновременно происходил рост численности сельской буржуазии в результате покупки государственной земли в собственность состоятельными коронными держателями.⁴⁷

Интересы зажиточной верхушки крестьянства, стремившейся к интенсификации сельскохозяйственного производства, требовали отмены ограничений как в распоряжении землей, так и в использовании рабочей силы. Поэтому крестьянские депутаты в риксдаге, выступавшие прежде всего от имени зажиточной части своего сословия, все чаще и настойчивее поднимали вопрос о либерализации поземельного права.

Число сторонников пересмотра действовавшего аграрного законодательства росло и в связи с тем, что с годами дворянство и также многие представители других высших сословий все больше приобретали в собственность непривileгированную податную землю и использовали ее в предпринимательских целях.

Вышеперечисленные обстоятельства объясняют тот факт, что ходатайство крестьян не встретило в риксдаге 1742—1743 гг. противодействия со стороны других сословий.

Почва для изменения аграрного законодательства была уже в значительной степени подготовлена постановлениями 1740 и 1741 гг., принятыми с целью содействия развитию земледелия и освобождавшими от налогообложения освоенные под посевы участки болота и другой трудноосваиваемой земли, независимо от того к какой категории земельной собственности (фрельзовой, скаттовой или коронной) участки относились.⁴⁸

Риксдаг 1742—1743 гг. одобрил ходатайство крестьян. На основе решения риксдага был опубликован «Королевский ответ на жалобы крестьян» от 10 сентября 1743 г. Пункт 20-й ответа гарантировал скаттовым крестьянам право собственности на все их земли, включая участки, освоенные торпарями, независимо от того были ли торпы созданы уже раньше или же появятся в будущем. Кроме того, освоенные торпарями участки не облагались теперь налогом в казну.⁴⁹ Таким образом, были отменены предписания действовавших законов о налогообложении торп на податной земле и переводе их в категорию коронных хозяйств. Правда, решение 1743 г. касалось все же лишь таких торп, которые создавались на необработанной скаттовой земле. Отдавать же торпарям в аренду уже освоенные участки по-прежнему запрещалось.

Постановлением от 18 февраля 1757 г. правительство дополнительно заверило податных крестьян в том, что они имеют право без повышения налога расширять пахотное поле за счет освоения целинных участков своих владений.⁵⁰ Власти вынуждены были пойти на уступки, так как крестьян в данном вопросе поддержало большинство представителей других сословий в риксдаге, видевших в торпарской системе надежный путь ускорения роста численности населения, а значит, и рабочих рук.⁵¹

Одновременно с зарождением сельской буржуазии из среды крестьянства происходило обуржуазивание господствующего класса дворян и рост числа предпринимателей среди бюргерства и даже духовенства, которые приобретали крупные участки скаттовой и коронной земли и использовали ее для частного предпринимательства. Поэтому они нуждались во все большем количестве работников. Формирующийся класс буржуазии был, естественно, заинтересован в отмене феодальных ограничений в экономической жизни, в том числе и в поземельных отношениях.

Укрепление социальных и экономических позиций буржуазии позволяло ей усиливать свое влияние на хозяйственную политику государственной власти. В итоге под давлением требований крестьянской верхушки и в особенности либерально настроенных представителей высших сословий правительственные круги пошли на значительное расширение владельческих прав собственников податной земли, выразившееся, в частности, в отмене введенного еще в XVI в. запрета на межкрестьянскую аренду.

Предоставление скаттовым крестьянам права отдавать землю в аренду торпарям и использовать труд последних без повышения за это казенных налогов явилось весьма крупным успехом либеральных сил. Одной из причин столь большой уступки господствующего класса дворян требованиям крестьян в торпарском вопросе являлось неустойчивое положение правительства «шляп» после неудачной для Швеции реваншистской войны 1741—1743 гг. против России и усиление недовольства в стране, особенно в Финляндии, внутренней и внешней политикой правящих кругов.⁵²

Поражение Швеции в упомянутой войне, начатой аристократией, повысило, по крайней мере временно, политическое влияние крестьянского сословия. В этой обстановке находившаяся у власти верхушка дворянства была вынуждена больше прежнего учитывать интересы крестьян, активизировавших к тому же свои действия в риксдаге.

Таким образом, победа крестьян была обусловлена целым рядом факторов, среди которых главными все же были ослабление позиций сторонников феодальных порядков и рост рядов нарождающегося класса буржуазии. Путем отмены запрета на создание крестьянских торп правительственные круги рассчитывали не только укрепить свое политическое положение, ослабив недовольство крестьян, но и надеялись добиться расширения площади посевов и увеличения производства зерна. Кроме того, и это самое главное, развитие торпарской системы на податной земле должно было ускорить рост численности народонаселения.⁵³

Большая численность и плотность населения считались главными факторами успешного развития экономики страны, основой ее богатства и военной мощи. Исходили из того, что чем больше в стране жителей, тем больше производилось бы и товаров, а обилие товаров позволяло бы расширять торговлю, что в конечном счете вело бы к увеличению доходов казны.⁵⁴ Проблему нехватки зерна надеялись решить прежде всего путем освоения

неиспользуемых земель и с помощью повышения уровня агротехники. Поэтому в планах возрождения прежнего могущества Шведского королевства исключительно важное место наряду с промышленностью и торговлей отводилось также земледелию. Необходимости расширения сельскохозяйственного производства уделялось все больше внимания и в связи с тем, что нехватка своего хлеба вынуждала импортировать ежегодно сотни тысяч бочек зерна.⁵⁵ Пассивность же торгового баланса, с точки зрения сторонников меркантилизма, была самым большим недостатком экономики государства. Кроме того, сельское хозяйство давало сырье для промышленности, а при избытке сельскохозяйственной продукции можно было начать даже ее экспорт и таким путем достичь активного баланса в торговле, что и являлось главной целью политики меркантилизма.

С конца 1740-х гг. в Шведском государстве стали проводиться регулярные переписи населения. На основе таких данных, как численность, профессиональный состав, миграция жителей власти стремились определить уровень развития различных отраслей экономики и намечали меры для подъема отстающих отраслей, вырабатывали налоговую политику.

Первая перепись населения, проведенная в 1749 г., показала, что общая его численность в Швеции и Финляндии (2 млн. 133 тыс. человек) была значительно меньше предполагаемой современниками. В Финляндии в середине XVIII в. проживало немногим более 420 тыс. человек.⁵⁶

Сведения о населении и хозяйстве отдельных провинций государства содержались также в отчетах губернаторов. Все эти данные показывали наличие огромной диспропорции, особенно в Финляндии, между большой территорией страны и малой численностью ее населения.

Сравнивая свою страну с более развитыми государствами Европы, прежде всего с Англией и Францией, площадь которых была значительно меньше, а численность населения в несколько раз больше, чем в Шведском королевстве, современники пришли к выводу, что территория Швеции и Финляндии позволяла в несколько раз увеличить число крестьянских хозяйств.

Однако для освоения новых земель требовались дополнительные рабочие руки и немалые средства, которых явно не хватало крестьянам. Специальная «финляндская комиссия», созданная для изучения состояния экономики Финляндии и мер по ослаблению недовольства в крае,⁵⁷ в своем заключении от 9 июля 1747 г., представленном на рассмотрение риксдага 1746—1747 гг., отмечала, что «Финляндия дивная и плодородная страна, в которой имеется много земли, пригодной для обработки под поля и луга», но «там не хватает людей, знаний и средств» для использования даров природы.⁵⁸

Нехватка рабочих рук особенно остро ощущалась в крестьянских хозяйствах из-за ограничений в использовании, батраков и торпарей. Так, например, в провинции Эстерботния, где насчи-

тывалось свыше 6 тыс. дворов, трудоспособных мужчин, по данным переписи, было лишь 10 614, т. е. менее двух мужчин в среднем на каждое хозяйство. Несколько лучшим было положение в южных провинциях страны, где на один двор приходилось примерно два работника.⁵⁹ Исходя из размеров угодий и уровня налогообложения этих хозяйств, для нормальной обработки их полей требовалось, по подсчетам современников, 3—4 работника. В таких условиях не могло быть и речи об освоении новых площадей на земле крестьян без привлечения дополнительной рабочей силы. Переписи населения подтвердили также, в особенности в отношении Финляндии, что, несмотря на нехватку рабочих рук, примерно 8000 безземельных ежегодно переселялись в соседние страны (Россию, Данию, Норвегию) в надежде найти там лучшую долю.⁶⁰

Чтобы ослабить эмиграцию, стимулировать рост населения и способствовать расширению посевных площадей, правящая группировка «шляп» пошла во второй половине 40-х гг. на дальнейшие уступки требованиям крестьян. В 1747 г. было принято постановление, которое разрешало наделы скаттовых и коронных крестьян дробить на участки размером в 1/6, 1/8 и даже на более мелкие части, если вновь создаваемые хозяйства оставались с точки зрения властей жизнеспособными и если требовавший раздела земли вступал в брак. Это же постановление восстановило устав о найме 1723 г., отменив правила 1739 г., которые ограничивали использование крестьянами в качестве работников даже своих взрослых детей.⁶¹ Многодетным семьям новоселов оказывалась со стороны государства помощь зерном.

После 1743 г. главным препятствием для скаттовых крестьян на пути создания торп стало то обстоятельство, что пустоши, прежде всего леса, оставались в общем пользовании жителей деревни и для обработки участков под посевы на неподеленной общинной земле требовалось согласие других ее совладельцев. Это препятствовало обработке общих земель и замедляло расширение посевных площадей. В свою очередь чересполосица на пахотных полях и лугах сковывала частную инициативу богатых хозяев, стремившихся не только к расширению площади обработанной земли, но и к интенсификации сельскохозяйственного производства. Поэтому зажиточные крестьяне стали требовать раздела общинных лесов между совладельцами и ликвидации чересполосицы путем проведения «большого передела» полей, т. е. объединения многочисленных мелких полос пахотной и луговой земли каждого члена общины в крупные единые владения с передачей их в индивидуальное пользование отдельного хозяина.⁶²

Тот факт, что неразделенные лесные угодья и чересполосица стали тормозом на пути расширения посевных площадей, создания новых хозяйств и ограничивали хозяйственную деятельность землевладельцев, в том числе при желании создать торпу, подчеркивали многие современники. На это, в частности, сетовал

уже в 1734 г. нюландско-тавастгусский губернатор,⁶³ а позднее и другие губернаторы Финляндии.⁶⁴

Особенно активно за либерализацию социально-экономической политики в целом и за отмену феодальных ограничений в землепользовании в частности выступал в 40—50-е гг. директор межевой конторы Якоб Фаггот. Он призывал правительство и риксдаг начать ликвидацию чересполосицы и одновременно отменить все предписания, ограничивавшие создание новых крестьянских хозяйств. С целью расширения площади обрабатываемой земли следовало, по его мнению, не препятствовать, а поощрять раздел самостоятельных хозяйств и создание торп на пустошах. Крестьянам необходимо было разрешить держать при себе всех своих детей и нанимать неограниченное количество работников. Безземельные должны были получить право селиться в любой местности своей страны. Фаггот был уверен, что такие меры привели бы постепенно к увеличению численности населения, занятого в сельском хозяйстве, а также к заселению и освоению безлюдных районов государства.⁶⁵

Весьма показательным является выступление бургомистра г. Ваза Г. Пиппинга на сессии риксдага 1746—1747 гг. В ходе обсуждения вопроса о разделе общинных земель он наиболее четко выразил мнение хозяев-предпринимателей. Необходимость проведения реформы Пиппинг обосновывал тем, что «общее владение лесом и землей, а также чересполосица в использовании полей и лугов сильно тормозят развитие земледелия. Каждый, хоть немного подумав, может понять, какие неудобства причиняет умному и старательному земледельцу неумный и ленивый, который имеет полосы на одном поле с первым или пользуется общим с первым лесом и землей».⁶⁶

Сторонников «большого передела» общинных земель между отдельными хозяевами поддерживала и государственная власть, в частности правительство «шляп», надеясь, что ликвидация чересполосицы в землепользовании приведет к улучшению обработки полей крестьянами, повышению урожаев, увеличению производства зерна, сырья для промышленности, активизации торговли, росту численности населения и в конечном счете к увеличению доходов казны.⁶⁷ Члены вышеупомянутой «финляндской комиссии» также поддерживали на сессии риксдага 1746—1747 гг. идею передела пашен и лугов и раздела общинных лесов, полагая, что это устранило бы препятствия на пути «свободного развития» сельского хозяйства в Финляндии.⁶⁸ Одновременно комиссия предлагала создавать в Финляндии хозяйства новоселов путем наделения безземельных участками за счет коронных лесных угодий на льготных условиях. Комиссия также считала возможным предоставить крестьянам право иметь при необходимости больше работников, чем разрешалось до этого.⁶⁹

В свою очередь комитет риксдага по камеральным, хозяйственным и торговым делам в представленном на рассмотрение сессии 1746—1747 гг. заключении⁷⁰ назвал среди важнейших

причин упадка сельского хозяйства чересполосицу и отнес ее к числу основных преград на пути повышения агротехнического уровня земледелия. Анализируя причины медленного заселения неосвоенных земель в Финляндии, члены комитета пришли к выводу, что освоению пустой в крае препятствовало общее владение ими. В связи с этим авторы заключения предлагали в интересах короны и самих крестьян немедленно осуществить раздел общинных лесов. С целью ликвидации чересполосицы и зависимости от соседей принадлежавшие одному хозяину многочисленные мелкие полосы пашни и луга, разбросанные к тому же в разных местах, следовало объединить в несколько крупных участков, отделенных от наделов соседей межевыми знаками. Для придания крестьянам большей уверенности в нерушимости их права на землю каждый хозяин должен был получить свою долю в постоянное владение. При разделе общинных лесов имелось в виду передать значительную их часть в собственность казны, чтобы правительство получило возможность создавать новые самостоятельные, платившие подати в казну хозяйства путем предоставления безземельным неосвоенных участков государственной земли.

Вопрос о проведении в Финляндии «большого передела» обсуждался в риксдаге впервые на сессии 1746—1747 гг., которая не приняла по данному вопросу какого-либо конкретного решения. Тем не менее правительство в 1749 г. обязало землемеров при составлении карт края и межевании крестьянских наделов в ходе введения новой системы налогообложения обращать внимание землевладельцев на невыгодность для них чересполосицы и склонять последних соглашаться на передел земель.⁷¹ Но из-за сопротивления большинства крестьян проведению реформы такой путь не давал желаемых результатов.

Несколько позднее (16 февраля 1750 г.) власти постановили, что в ходе налогообложения в финляндской провинции Эстерботния (Похъянмаа) каждому крестьянскому хозяйству следовало выделять в собственность участок общинного леса площадью максимум в 200—300 тунландов⁷² на полный мантал, а весь остальной лес сохранить неподделанным и использовать для заселения новоселами из числа безземельных, пожелавших стать коронными держателями.⁷³

Правительственные круги и местные власти, в особенности финляндские, активно поддерживали сторонников «большого передела». Так, например, в своих отчетах риксдагу 1751—1752 гг. губернаторы финляндских провинций призывали депутатов сословного собрания принять решение о проведении аграрной реформы в Финляндии. В стране имелись большие пространства неиспользуемых крестьянами общинных земель, значительную часть которых в ходе раздела можно было передать в собственность государства, в результате чего казна приобрела бы дополнительные земли для создания на них новых коронных хозяйств. Целесообразность раздела общинных лесов усматри-

валась и в том, что крестьяне, получив свою долю леса в индивидуальное пользование, будут относиться к ней более бережливо, у них повысится интерес к сокращению масштабов подсечного хозяйства и расширению пашенного земледелия, что приведет в конечном счете к подъему сельского хозяйства.⁷⁴

Идею проведения «большого передела» и межевания земель в Финляндии поддержала также специальная правительственная комиссия, образованная осенью 1753 г. для рассмотрения мер, которые позволили бы поднять экономику края. В целях ускорения заселения и освоения пустошей в Финляндии члены данной комиссии считали необходимым наряду с передачей земли в индивидуальное пользование предоставить владельцам более широкие права в распоряжении своими наделами и, в частности, право создавать неограниченное количество торпарских хозяйств.⁷⁵

Аграрная политика в целом и в особенности такие вопросы, как передел полей и лугов, раздел лесных угодий, изъятие у крестьян «лишних» земель и способы заселения пустошей, стали предметом обстоятельного изучения на сессии риксдага 1755—1756 гг. На этой сессии из представителей разных сословий был образован специальный так называемый финляндский подготовительный комитет, в задачу которого входила подготовка проектов решений по перечисленным выше вопросам применительно к Финляндии.⁷⁶

Все члены подготовительного комитета высказались за раздел общинных земель в Финляндии и передачу их в собственность прежних совладельцев без изъятия в казну так называемых лишних участков. Крестьянам следовало предоставить возможность самим с использованием торпарей постепенно освоить пустоши.

Так, например, по мнению пастора Матезиуса, представлявшего в риксдаге и комитете духовенство финляндской провинции Эстерботния, корона не имела права присваивать себе под видом лишних ни скаттовые, ни фрельзовые земли, включая и незаселенные леса и другие угодья. Подполковник К. Норденшельд со своей стороны опасался, что передача части неосвоенных скаттовых земель государству может в дальнейшем обернуться тем же и для дворян и других владельцев фрельзовой земли. Норденшельд предлагал предоставить крестьянам право продавать государству неиспользуемые участки скаттовой земли, чтобы корона имела возможность создавать новые хозяйства. Некоторые члены комитета допускали переход в казну участков скаттовой земли, неиспользуемых крестьянами, но лишь в том случае, если неосвоенные участки не будут обработаны собственными силами владельца или с помощью торпарей в течение определенного срока.⁷⁷

При рассмотрении вопроса о росте численности населения в стране члены подготовительного комитета также пришли к выводу о необходимости развития торпарской системы. По их мнению, законодательство, препятствовавшее созданию торп, замедляло рост населения, так как быстрее всего можно было увеличить

народонаселение именно в результате стимулирования развития торпарской системы.

Предложения членов подготовительного комитета были объединены в заключение от 26 апреля 1756 г.⁷⁸ В нем перечислялись те причины, которые тормозили развитие земледелия и экономики страны в целом, замедляли рост численности населения, вынуждали многих жителей эмигрировать, порождали нехватку рабочих рук. Самыми эффективными методами исправления положения члены комитета считали раздел общинных лесов между их совладельцами, ликвидацию чересполосицы путем «большого передела» полей и лугов, а также предоставление владельцам скаттовой земли права использовать при освоении пустошей неограниченное число торпарей и других работников. Кроме того, крестьянин-собственник должен был получить от правительства твердые гарантии на сохранение всех своих владений и неизменность поземельного налога независимо от площади поднятой нови.

Заключение «финляндского комитета» отражало рост либеральных настроений среди депутатов риксдага, что было следствием укрепления социальных и экономических позиций сельской буржуазии.

Для предпринимательской деятельности буржуазии нужна была свобода действий в использовании рабочей силы и земли. Поэтому она выступала за раздел общинных земель и передачу их в индивидуальное пользование отдельных владельцев. Сельские хозяева добивались признания за ними права осваивать пустоши и расширять площадь посевов на основе неограниченного частного предпринимательства без вмешательства со стороны государства.

Наряду с требованиями ликвидации чересполосицы и общинного пользования лесами ставился вопрос об отмене ограничений в использовании работников, в особенности торпарей. В условиях Финляндии, где имелись значительные площади необработанной земли, которую можно было сдать в аренду неимущим, в системе мелкой аренды за отработки видели самый надежный источник рабочей силы для освоения новых угодий.

Заключение подготовительного комитета сословия одобрили фактически в неизменном виде решением от 21 октября 1756 г. На основании этого решения правительство опубликовало постановление от 5 апреля 1757 г., в соответствии с которым все поля деревни подлежали переделу, если хоть один член общины потребует этого. Там же, где в рассматриваемый период уже проводился раздел общинных лесов и вводилась новая система налогообложения крестьян, «большой передел» осуществлялся даже в том случае, если никто этого не требовал.⁷⁹

Содержавшиеся в заключении подготовительного комитета предложения относительно торпарской системы были в основе своей претворены в жизнь правительственным постановлением от 18 февраля 1757 г. Этот документ явился важной вехой в истории развития института торпарей в Шведском государстве,

так как он предоставил право иметь арендаторов всем категориям крестьян.⁸⁰ С принятием вышеупомянутого постановления были ликвидированы последние юридические преграды, стоявшие на пути развития торпарской системы аренды на крестьянской земле.

Постановление от 18 февраля 1757 г. было в конечном итоге следствием победы либеральных сил в борьбе со сторонниками консервативного направления в аграрной политике. Заметную роль в этой борьбе играла также нарождавшаяся сельская буржуазия.

Несмотря на то что в 1743 г. скаттовым крестьянам было гарантировано право собственности на все их владения и право иметь необлагаемые в казну торпы, местные власти Финляндии в лице губернаторов продолжали отделять от владений крестьян участки и торпы, превращая их в коронные хозяйства. По этому поводу крестьяне неоднократно обращались в риксдаг с жалобами на незаконные действия губернаторов.

В риксдаг 1755—1756 гг. поступила петиция от финляндских крестьян уезда Сяксмяки (Нюландско-Тавастгусская губерния). В ней крестьяне жаловались на губернатора Г. Гюлленборга в связи с изъятием у них земель и превращением созданных ими торп в коронные хозяйства.⁸¹ Если учесть стремление депутатов риксдага 1755—1756 гг. либерализовать действующее аграрное законодательство, то станет понятным, почему жалоба финляндских крестьян упала на благоприятную почву и послужила одним из поводов к принятию решения об отмене всех ограничений в развитии торпарской системы аренды на крестьянской земле.

Комиссия риксдага по камеральным, хозяйственным и торговым делам в связи с жалобой крестьян из уезда Сяксмяки в своем заключении выразила удивление, что власти создавали препятствия владельцам скаттовой и фрельзовой земли в использовании права на создание торп. В торпарском вопросе комиссия не только присоединилась к мнению подготовительного комитета, но со своей стороны высказалась за то, чтобы право осваивать дополнительные участки без повышения налога и создавать необлагаемые в казну торпы было распространено наряду с владельцами фрельзовой и скаттовой земли также на держателей коронных участков. Торпы и освоенные участки нови должны были, по мнению комиссии, рассматриваться как вознаграждение за труд коронного держателя и служить средством укрепления его хозяйства.⁸²

Жалобу финляндских крестьян из уезда Сяксмяки риксдаг признал справедливой. Хотя сословия отметили, что в действиях Гюлленборга «проявилось похвальное стремление повысить доходы государства», тем не менее было принято решение о необходимости «исправить» и считать неправильными действия губернатора, ибо такие вопросы, как межевание земель, их налогообложение, отделение лишней земли, создание торп и новых самостоятельных хозяйств, входили лишь в компетенцию риксдага.⁸³

Таким образом, в торпарском вопросе, как и в целом в аграрной политике, верх взяли интересы землевладельцев, которым торпари нужны были как рабочая сила для освоения новых земель, расширения сельскохозяйственного производства.

Правящие круги согласились распространить торпарскую систему на все категории земель под давлением либеральных сил и по той причине, что в условиях середины XVIII в. система мелкой аренды отвечала интересам государственной власти. Правительство рассчитывало с помощью торпарской системы повысить темпы прироста населения и ускорить освоение новых земель.⁸⁴ В тексте постановления от 18 февраля 1757 г., в частности, подчеркивалось, что принято оно было с единственной целью — «чтобы все земли засеивались и росла численность населения».⁸⁵

Имелось еще одно обстоятельство, которое также вынуждало правительство пересмотреть свою позицию в торпарском вопросе. Дело заключалось в том, что политика расширения посевных площадей и увеличения численности налогоплательщиков путем создания самостоятельных коронных хозяйств на необработанной земле не приносила ожидаемых результатов. Желаящих стать коронными новоселами находилось немного, так как для освоения участка под самостоятельное хозяйство требовалось иметь как минимум лошадь, корову и продовольствие на два года, чем, естественно, не располагало большинство безземельных. Создание же мелкого торпарского хозяйства требовало от арендатора меньших предварительных расходов. Поэтому безземельные охотнее соглашались взять участок под торпу, чем под коронное хозяйство.⁸⁶

В условиях слабого развития товарно-денежных отношений торпарская система аренды позволяла тем землевладельцам, которые имели в своем распоряжении достаточно большие площади пустошей, получать для своих хозяйств исключительно дешевую рабочую силу. Мелкие арендаторы находились в кабальной зависимости от собственника земли, и им не надо было платить за работу. Торпарь сам обеспечивал себя и свою семью средствами существования и одновременно платил хозяину аренду натурой и отработками. Кроме того, землевладелец мог использовать торпаря в качестве работника в любое время года.

Система обеспечения крупных землевладельцев работниками из числа безземельных путем предоставления последним в аренду участка для создания собственного мелкого хозяйства — торпы, являвшейся вместе с тем формой оплаты труда арендатора в усадьбе собственника земли, соответствовала тому уровню социально-экономического развития, которого достигла Финляндия к рассматриваемому периоду.

В стране продолжался процесс имущественного и социального расслоения крестьянства. Численность безземельных с каждым десятилетием увеличивалась, росла и прослойка крупных собственников, нуждавшихся в дополнительных работниках для расширения производства сельскохозяйственной продукции.

Форма оплаты труда работника в виде мелкой аренды земли за отработки соответствовала тому уровню развития экономики, при котором в сельском хозяйстве продолжало господствовать натуральное хозяйство и в то же время росло крупное производство продуктов земледелия.

Решения, принятые риксдагом 1755—1756 гг., были продиктованы интересами и требованиями нарождавшегося класса буржуазии в лице зажиточного крестьянства и либерально настроенного дворянства, духовенства, бюргерства. Сословия отвергли притязания государственной власти на неосвоенные частновладельческие земли и высказались против их заселения путем изъятия «лишних» участков у землевладельцев. Был признан законным буржуазный принцип неприкосновенности частной собственности. Заселение и освоение пустошей должно было вестись самими владельцами без вмешательства государственной власти. При этом главный источник рабочей силы для освоения новых земель и дальнейшего развития земледелия видели в торпарской системе. Поэтому государственная власть должна была всемерно способствовать развитию системы мелкой аренды, увеличению численности торпарей путем отмены всех ограничений прав владельцев распоряжаться своей землей и использовать торпарей, а также другие категории безземельного населения, зарабатывавшего себе на жизнь наемным трудом.⁸⁷

Таким образом, под влиянием внутренних и внешних факторов, среди которых решающую роль сыграли рост сторонников либерализации аграрного законодательства и утрата Швецией положения великой державы, произошло значительное изменение политики правительственных кругов в торпарском вопросе, как и в целом в области аграрных отношений. Отрицательное отношение государственной власти к торпарской системе на крестьянской земле постепенно сменилось политикой поощрения и содействия созданию и наращиванию численности крестьянских торп. Главным итогом пересмотра политики в торпарском вопросе явилось предоставление в 40—50-е гг. XVIII в. скаттовым крестьянам и держателям коронной земли права без увеличения налогов основывать на своих участках торпы — хозяйства безземельных крестьян-арендаторов (торпарей), что до этого разрешалось лишь дворянам и другим привилегированным землевладельцам.

Расширение торпарства во второй половине XVIII в.

После решений риксдага 1755—1756 гг. создались более благоприятные условия для развития торпарской системы на крестьянской земле. Губернаторы Финляндии сообщали правительству и риксдагу о быстром росте числа торп в крае. Так, в Нюландско-Тавастгусской губернии только за четыре года (1761—1764) было основано, по данным губернатора, почти четы-

реста (393) торп, в то время как самостоятельных хозяйств новоселов не появилось ни одного. Торпы создавались теперь как скаттовыми, так и коронными крестьянами.⁸⁸

Численность торпарских хозяйств в Финляндии за 15 лет (1754—1769) выросла более чем на 70 %, в то время как численность дворов самостоятельных крестьян (скаттовые, коронные и ландбауеры) увеличилась за это же время лишь немногим более чем на 11 %.⁸⁹ За период с 1751 по 1805 г. количество торп в Финляндии выросло примерно в 6 раз (с 4 тыс. до 24 тыс.).⁹⁰

Среднегодовые темпы роста численности торпарей увеличились во второй половине XVIII в. по сравнению с первой половиной более чем в 4 раза (с 89 до 369).⁹¹ Быстрый рост числа торпарей во второй половине столетия находился в прямой связи с отменой ограничений в праве крестьян иметь арендаторов.

Однако современники все же отмечали, что, хотя во второй половине XVIII в. число торп в Финляндии непрерывно и быстро увеличивалось, тем не менее темпы роста численности торпарей были значительно ниже ожидавшихся. Директор межевого управления Финляндии Е. О. Рунеберг, в частности, сетовал, что многие безземельные не желали становиться торпарями или хибарочниками. В отчете риксдагу 1765—1766 гг. комиссия по переписи населения также указывала, что у крестьян-землевладельцев не было недостатка в желании соблюдать принятые на последних сессиях риксдага постановления относительно создания торп, но охваченное сомнениями рабочее население медлило становиться торпарями.⁹²

Практика создания торп все явственнее показывала, что развитию торпарской системы, как и расширению площади полей, мешало общинное владение лесами.

Одной из главных причин, тормозивших рост числа мелких арендаторов, являлась налоговая политика правительства. Хотя торпари не платили в казну поземельного налога, но как только они получали участок под торпу и едва успевали приступить к его освоению, с них сразу же начинали взимать всевозможные платежи, такие, например, как деньги на содержание судьи, помощь погорельцам, сборы на содержание псаломщика, егеря, смотрителя мостов, на строительство и аренду помещения для суда, для священника.⁹³

Столь многочисленные поборы отбивали у многих безземельных желание становиться торпарями, ибо чаще всего приходилось браться за дело с пустыми руками, и, чтобы возвести хозяйственные постройки, приобрести скот, прокормить себя и семью, торпарь вынужден был в первое время обращаться за помощью к землевладельцу, залезать в долги. Ему с большим трудом удавалось добывать средства к существованию, и в то же время он вынужден был платить целый ряд налогов.⁹⁴

Развитию торпарской системы в определенной мере препятствовали и разделы крестьянских хозяйств, в результате чего часть растущего населения могла избежать необходимости ока-

заться торпарем и имела возможность стать сразу землевладельцем. Кроме того; при разделе крестьянских наделов торпари нередко лишались обработанных ими участков, так как владелец нового хозяйства занимал обычно торпу.⁹⁵

К сдерживающим факторам следует отнести и то обстоятельство, что условия торпарской аренды земли законом совершенно не регулировались. Характер и размеры арендной платы определял по своему усмотрению землевладелец. Соглашение заключалось в устной форме, его срок зависел от желания договаривающихся сторон и мог быть срочным или пожизненным.⁹⁶

В социальном отношении торпарь первоначально приравнивался к батраку.⁹⁷ Во второй половине XVIII в. его правовое положение несколько приблизилось к социальному статусу ландбауера. Об этом свидетельствуют постановления от 25 июня 1764 г. и 17 октября 1781 г. Первое из них предоставило торпарям право нанимать батраков, а второе предписывало при расторжении соглашения об аренде торпы и съезде торпаря с арендованного участка руководствоваться правилами, предусмотренными Уложением 1734 г. в аналогичных случаях по отношению к ландбауерам.⁹⁸ В остальном же торпарь имел значительно меньше прав, чем ландбауер, хотя и последний пользовался весьма ограниченными правами в отношении арендуемого им участка. Права и обязанности ландбауера определялись формально законом, а торпарь полностью зависел фактически и юридически от арендодателя.⁹⁹

Общее направление политики в торпарском вопросе, намеченное в 50-е гг., сохранялось в основном неизменным до конца XVIII в.

Ряд новых постановлений, изданных в этот период с целью содействовать росту численности населения, касался и торпарей. Королевскими постановлениями от 8 марта и 4 апреля 1770 г. предоставлялась помощь зерном и льготы при уплате налогов коронным новоселам, а также многодетным крестьянам, торпарям и батракам. Торпари, например, при наличии не менее четырех детей, освобождались от уплаты подушных денег до тех пор, пока младшему ребенку не исполнялось восемь лет. Все безземельные, соглашавшиеся стать торпарями-новоселами, освобождались на четыре года от ряда платежей в казну.¹⁰⁰

Получив право на создание торп, крестьяне, в первую очередь зажиточная верхушка, стремились получить также свободу рук в использовании земли, в том числе своей доли на неподеленных еще общинных угодьях. Так как проведение «большого передела» полей и лугов, а также раздел общинных лесов продвигались сравнительно медленно, то крестьяне и другие землевладельцы через своих депутатов в риксдаге настаивали на расширении их прав в использовании тех земельных угодий, которые продолжали находиться в общем пользовании деревень.

Идя навстречу пожеланиям землевладельцев, сословия риксдага 1768—1769 гг. приняли решение, в соответствии с которым

обрабатывать участки и создавать торпы разрешалось на неразделенной общинной земле и в том случае, если другие совладельцы были против этого и пытались препятствовать освоению новых участков. На основании решения риксдага было опубликовано постановление от 8 марта 1770 г. Благодаря этому постановлению развитие торпарской системы на неразделенных общинных землях деревень стало еще до проведения «большого передела» сравнительно свободным и легким.¹⁰¹

С развитием системы мелкой аренды за отработки и повышением ее роли в качестве источника рабочей силы, а также появлением сравнительно крупных торп и ростом отработочной повинности арендаторов встал вопрос о предоставлении торпарям права иметь батраков.

Дворянство неоднократно обращалось к правительству с прошениями, чтобы торпарям разрешили нанимать работников, что, по их мнению, лучше гарантировало бы выполнение арендатором отработочной повинности в усадьбе землевладельца и уменьшило бы вероятность разорения торпы. Сами торпари в свою очередь также ходатайствовали о предоставлении им права нанимать батраков, ссылаясь на то, что не успевают обрабатывать поля торпы, так как вынуждены значительную часть времени работать в хозяйстве землевладельца.¹⁰²

Вопрос о праве торпарей иметь работников рассматривался в риксдаге 1760—1762 гг. Сословия поддержали мысль об использовании торпарями наемной рабочей силы. На сессии былработан проект положения о найме торпарями батраков. Согласно этому проекту, торпари, которые отрабатывали два и более дней в неделю в хозяйстве землевладельца, могли иметь одного несовершеннолетнего батрака и одну взрослую батрачку. Те же, кто отрабатывал один день в неделю, могли нанимать только одного батрака или батрачку.¹⁰³

Правительство и в особенности камерколлегия со своей стороны также поддерживали ходатайства землевладельцев, видя в этом возможность в определенной мере ускорить рост народонаселения. В итоге появилось постановление от 25 июня 1764 г., в соответствии с которым все торпари Шведского государства, имевшие тунланд пашни и на шесть возов сена, могли использовать труд наемных работников или же вместо них записанных в подушные списки своих детей в таком количестве, как и самостоятельные хозяйства в 1/8 мантала. Те же торпари, которые имели пашни два тунланда или более, могли и работников держать соответственно больше.¹⁰⁴

Таким образом, вопрос о торпарских батраках не вызвал каких-либо трений, так как в его положительном решении были заинтересованы как правительство, так и землевладельцы и сами торпари. С точки зрения государственной власти использование арендаторами наемных работников способствовало бы развитию торпарской системы, а значит, и росту народонаселения и освоению новых земель. Землевладельцы усматривали в наличии

у торпарей батраков повышение гарантии, что торпарь будет в состоянии нести отработочную повинность и не запустит хозяйство торпы. Сами торпари стремились иметь работников, чтобы легче было вести хозяйство, особенно в страдную пору, когда приходилось нести отработочную повинность в усадьбе землевладельца.

Изменения аграрного законодательства, начатые в 40-е гг. XVIII в., расширяли владельческие права крестьян и возможности для проявления частной инициативы землевладельцев, освобождая их от целого ряда ограничений, стоявших на пути интенсификации производства.

Вместе с правом создавать необлагаемые в казну торпы, что одно уже приносило большие выгоды крестьянам-землевладельцам, они получили в лице торпарей дополнительную рабочую силу. Кроме того, у крестьян повысилась заинтересованность в расширении площади посевов своих хозяйств, так как за обработанную целину не взимались казенные подати.

В ходе «большого передела» каждый хозяин получал свою долю земли в индивидуальное пользование несколькими и относительно большими (отсюда и название передела) участками, что позволяло ему единолично, без согласования с соседями, определять виды выращиваемых культур, выбирать методы обработки земли, время и характер сельскохозяйственных работ на своих полях. Крестьянские дворы превращались теперь в полностью независимые друг от друга хозяйственные единицы.

До передела полей и лугов надел крестьянского хозяйства составлял неделимое целое лишь в поземельной книге, на карте же и на практике он состоял из многочисленных полос, которые могли периодически менять владельца. Безусловно своей крестьянин мог считать лишь прилегающую непосредственно к усадьбе землю.

В ходе реформы наделы каждого крестьянина, даже если они и оставались в виде нескольких участков, отделялись от владений соседей постоянными границами. Общинные леса при этом, как и поля и луга, также подвергались разделу между прежними совладельцами и передавались в постоянное индивидуальное пользование отдельных хозяев.¹⁰⁵

Следует, однако, отметить, что реформа по ликвидации чересполосицы и разделу общинных лесов претворялась в жизнь в Финляндии исключительно медленно и затянулась более чем на полтора столетия.

В восточной Финляндии, которая являлась одним из наиболее отсталых и редконаселенных районов страны, «большой передел» начался лишь в 70-е гг. XVIII в. Здесь и до этого наделы отдельных хозяев находились или вдали друг от друга, или же, если даже складывались деревни, владения каждого хозяйства состояли лишь из нескольких участков, т. е. не было чересполосицы. Поэтому «большой передел» здесь свелся в основном лишь к разделу лесов и отдаленных участков, находившихся до этого в общем

пользовании. Владения каждого хозяина получили свои постоянные границы, утвержденные официально властями.¹⁰⁶

Раздел общинных лесов способствовал развитию торпарской системы. Например, в южной Эстерботнии заселение и освоение новых земель до реформы шло главным образом по инициативе государственных властей посредством создания коронных хозяйств на неподеленных лесных угодьях, которые здесь являлись, как правило, общей собственностью не деревень, а целых волостей. В ходе раздела лесов между отдельными хозяевами появлялись более благоприятные условия для создания частновладельческих торп.¹⁰⁷

В северных и восточных частях Финляндии, где раздел общинных лесов до конца XVIII в. не успел еще по-настоящему и начаться, развитие торпарской системы шло медленно. Кроме того, здесь в еще большей степени, чем в Эстерботнии, сказывалось то обстоятельство, что именно в этих редконаселенных районах страны, где имелись большие площади пустошей, власти активнее всего проводили заселение пустующих земель новоселами из числа неимущих, пожелавших стать самостоятельными хозяевами.¹⁰⁸ Все это замедляло рост частновладельческих торп в указанных районах.

«Большой передел» сопровождался и нежелательным для крестьян явлением — изъятием у них так называемых лишних участков. За каждым крестьянским хозяйством закреплялось определенное количество земли в соответствии с размером выплачиваемых налогов. При этом хозяйство, платившее в казну полную оброчную единицу (хозяйство в один мантал), получало определенный законом о реформе максимальный надел, размер которого зависел еще от качества земли. Все остальные земельные и лесные угодья, находившиеся до этого в распоряжении крестьян, переходили к короне как лишние. Менее крупные хозяйства, платившие подати в размере неполной оброчной единицы, получали и земли меньше (в соответствии с размером мантала хозяйства).¹⁰⁹

Изъятые у крестьян «лишние» участки власти предлагали безземельным с целью создания самостоятельных коронных хозяйств, что должно было увеличить доходы казны. При согласии освоить участок пустоши, полученный от государства, безземельный мог стать самостоятельным хозяином и попасть в категорию коронных держателей.

У крестьян изъятие «лишних» земель вызывало, естественно, недовольство и стремление отстоять свои прежние владения. Правда, действия крестьян свелись к жалобам и петициям в адрес короля, правительства и риксдага. Королевское правительство в период сословного правления иногда отступало под давлением риксдага от своих намерений. Так, в связи с жалобой крестьянских депутатов из Финляндии риксдаг 1755—1756 гг. после некоторой дискуссии принял решение запретить губернаторам отчуждать землю у крестьян для создания новых коронных хозяйств.

В обязанности местных властей вменялось «усиленно склонять владельца своими силами или с помощью других лиц осваивать под посевы пустующие земли, создавая торпы и новые самостоятельные хозяйства».¹¹⁰ На основе решения риксдага был издан и соответствующий королевский указ.

На рубеже 60—70-х гг. борьба классов и партий в Шведском государстве крайне обострилась. Используя противоречия между дворянами и разночинцами в правящей партии «колпаков»,¹¹¹ король Густав III совершил в августе 1772 г. военный переворот. Правительство «колпаков» было арестовано. Сессия риксдага послушно приняла новую конституцию («форму правления») 1772 г. Конституция усилила власть короля. Сословный парламентаризм уступил место сильной полусамодержавной королевской власти. Хотя переворот 1772 г. имел реакционный внутриполитический характер, Густав III правил в духе просвещенного абсолютизма. Так, в области чисто экономической были продолжены начатые «колпаками» буржуазные реформы. В конце 80-х гг. король ради укрепления своей власти пошел на дальнейшую отмену феодальных пережитков как в политической, так и в социально-экономической жизни. При поддержке недворянских сословий на сессии риксдага 1789 г. действующая конституция была дополнена «Актом единения и безопасности». Согласно этому документу, в Шведском государстве почти полностью восстанавливался абсолютизм. Одновременно сильно урезались привилегии дворян и расширялись права податных сословий. Так, например, крестьянам возвращалось право на покупку коронных земель; вместе с остальными недворянами они получали право на покупку также и фрельзовых земель, за исключением лишь фрельзово-сетерейных владений дворян. Особые «крестьянские привилегии» включали гарантию полной собственности податных крестьян на их землю и неограниченное право найма работников.¹¹²

Укрепление королевской власти после переворота 1772 г. привело к некоторым изменениям и в аграрной политике, что отразилось частично также и на развитии торпарской системы.

С целью ускорения заселения пустошей в Финляндии и повышения доходов казны правительство Густава III активизировало проведение земельной реформы в крае, где ликвидация чересполосицы и раздел общинных лесов, как уже отмечалось, продвигались медленно. Отчуждаемые у крестьян в ходе реформы «лишние» участки позволяли властям расширять площадь казенной земли для создания на ней новых хозяйств. Новоселы бесплатно получали от государства участок земли и семенное зерно. Кроме того, они освобождались от налогов на 15—20 лет.¹¹³

Конкретизация позиции правительства в вопросе о «лишних» землях финляндских крестьян нашла свое отражение, в частности, в постановлениях 70—80-х гг. о «большом переделе», изданных специально для Финляндии. В соответствии с ними, предписывалось при «большом переделе» предоставлять каждому полнонадельному хозяйству от 600 до 1200 тунландов земли, включая

пашню, луг и лес, а остальную землю отделять короне.¹¹⁴ Таким образом, было начато изъятие «лишней» земли на всей территории Финляндии.

Политика правительства Густава III в вопросе об освоении пустошей значительно отличалась от метода заселения, который применялся в 50—60-е гг. и отдавал предпочтение торпарской системе. То обстоятельство, что торпарская система как метод расширения площади посевов оказалась менее эффективной, чем ожидали, было использовано государственной властью в качестве повода для изъятия «лишних» земель у крестьян.

Обоснование позиции правительства содержалось в циркуляре камерколлегии губернаторам Финляндии от 10 августа 1778 г. В нем подчеркивалось, что исключительная важность для общества заселения пустошей требует планомерного проведения его государственной властью, ибо, как показал опыт, сами крестьяне не способны освоить принадлежащие им обширные безлюдные земли, составляющие во внутренней Финляндии 4000 тунландов и даже больше на одного владельца. Эти обширные территории не принесут никакой пользы, если ими и впредь будут владеть крестьяне.¹¹⁵

Отделение «лишних» земель противоречило интересам землевладельцев-крестьян, особенно наиболее крупных, которым оно больше всего и угрожало и которых непосредственно касалось. Одни из них уже до этого освоили путем создания торп или другими путями большие площади своих дальних владений, а другие, будучи вполне состоятельными, имели возможность и намеревались освоить их.

В первое время в угрожающем положении находились наряду с крестьянами также дворяне и другие крупные землевладельцы из высших привилегированных сословий, которые на своих землях имели большое количество торп.

Между торпарями, жившими на земле дворян и других представителей высших сословий, и крестьянскими торпарями имелись различия. В первом случае торпари составляли основу рабочей силы дворянских имений и других крупных господских усадеб и поэтому всю аренду, как правило, платили в форме отработок. Торпари-отработчики были теснейшим образом связаны с производственным процессом в хозяйстве землевладельца. На крестьянской же земле между торпой и основным хозяйством не было столь большой производственной зависимости.

Поэтому вполне понятно, что активнее всего выступали против отделения «лишних» земель помещики-дворяне и прочие владельцы крупных имений. В риксдаге 1778 г. дворянство выступило с коллективной жалобой-протестом по поводу намерения властей прибегнуть к изъятию у них части земель.¹¹⁶

Не желая обострять отношений с помещиками-дворянами, королевское правительство пошло им на уступки и приняло решение не проводить в ходе земельной реформы изъятия «лишних» участков на фрельзовой земле. Уже в постановлении о «боль-

шом переделе» 1775 г. было оговорено, что фрельзовые сестереи и другие фрельзовые усадьбы должны сохранить прежние свои владения или же получить такую же площадь земли, какую они имели до передела.¹¹⁷

В связи с жалобами-петициями дворян на сессии риксдага 1778 г. вопрос о «лишних» землях дворян был окончательно решен постановлением от 21 марта 1780 г. В нем подчеркивалось, что в ходе «большого передела» не должно даже возникать вопроса относительно изъятия земель у дворянских сестерей и фрельзовых имений.¹¹⁸ Дворянам, таким образом, было гарантировано сохранение всех имевшихся у них земель.

Начиная с 1803 г. имения духовенства также освобождались при «большом переделе» от изъятия «лишних» участков.¹¹⁹

Заселение «лишних» земель коронными новоселами приводило во многих местах к ликвидации созданных на них ранее торп, так как торпари выселялись новыми владельцами. Нередко торпы, оказавшиеся на «лишней» земле, превращались в самостоятельные коронные хозяйства. Торпари в таких случаях оставались на своих прежних участках и переводились в категорию коронных крестьян.¹²⁰

«Большой передел» отразился и на тех крестьянских торпарях, участки которых не перешли к короне, остались на частновладельческой земле. Немалому числу таких торпарей пришлось в ходе передела или переменить хозяина или же вообще освободить участок.¹²¹

Отчуждение «лишних» участков у крестьян в ходе аграрной реформы ограничило в определенной степени возможности для расширения торпарской системы на податной земле. Кроме того, с переходом государственной власти к изъятию у финляндских крестьян неосвоенных угодий с целью заселения их коронными новоселами торпарская система на крестьянской земле лишилась в Финляндии в 70-е гг. той ведущей роли в освоении пустошей и расширении посевных площадей, которая ей отводилась в 50—60-е гг.

Однако и после «большого передела» финляндские крестьяне сохранили в своем распоряжении значительные площади неосвоенных земель, которые они могли отдавать в аренду торпарям.¹²² Следует учесть также, что ликвидация чересполосицы расширяла свободу хозяйственной деятельности землевладельцев. В свою очередь раздел общинных лесов между отдельными хозяевами создавал более благоприятные возможности для обработки новых полей и лугов на пустошах. Однако в условиях ручного труда увеличение производства сельскохозяйственной продукции и тем более освоение лесных угодий под земледелие требовали дополнительных рабочих рук. Получить же их в рассматриваемый период крестьяне могли практически лишь за счет увеличения числа торпарей, так как до 1789 г. использование батраков в крестьянских хозяйствах было ограничено. Поэтому аграрная реформа не оказала сдерживающего влияния на развитие системы мелкой

аренды за отработки в Финляндии. Напротив, она даже способствовала в определенной мере появлению во второй половине XVIII в. новых торп на крестьянской земле. Так, например, постановление о «большом переделе» в Финляндии от 27 июня 1775 г.¹²³ призывало крестьян создавать на отведенных им в ходе передела землях хозяйства мелких арендаторов-торпарей. При этом в документе подчеркивалось, что местным властям запрещается чинить препятствия землевладельцу, если тот желает создать торпу на своем наделе.

Торпарская система продолжала во второй половине XVIII в. развиваться и на земле крупных привилегированных хозяйств, в особенности тех, которые были значительно удалены от побережья и располагали большими площадями неосвоенных угодий. Эти хозяйства шли по пути экстенсивного развития. Так, например, в одном из крупнейших по своим земельным владениям имений страны, в Йюккойнен, число торпарей выросло к 1805 г. в 30 с лишним раз. Многократно увеличилось число торпарей и в целом ряде других имений. В начале XIX в. в Финляндии насчитывалось уже немало имений с несколькими десятками торпарей, в то время как в первой половине XVIII в. такие хозяйства были редким исключением.¹²⁴ Таким образом, в общем развитии торпарской системы важное место продолжали занимать и крупные хозяйства.

В условиях Финляндии XVIII в. торпари-отработчики играли в крупном производстве пока еще столь значительную роль, что землевладельцы нередко шли на большие затраты ради создания торпарских хозяйств. Иногда торпарю предоставлялся в аренду уже освоенный участок со строениями. Развитие крупных хозяйств продолжало находиться в прямой зависимости от расширения системы мелкой аренды за отработки. Экономическая выгода и острая нехватка рабочих рук побуждали помещиков-дворян и других земельных собственников, включая и крестьян, расширять торпарскую систему аренды. Землевладельцы обеспечивали торпарей на первых порах инвентарем, скотом, семенами, предоставляли им льготы при уплате аренды.¹²⁵ Однако делалось это, разумеется, не из добрых побуждений, а ради собственной выгоды, чтобы получить в лице торпаря зависимого работника.

При господстве натурального хозяйства кабальный торпарь-отработчик был для землевладельца самым дешевым и надежным работником. Быстрый рост числа торп объясняется и тем обстоятельством, что безземельные, в особенности семейные, охотнее становились мелкими арендаторами, чем батраками.

Соглашения об аренде земли торпарями, как уже отмечалось выше, обычно заключались в устной форме и чаще всего на неопределенный срок. Поэтому на практике прочность такого соглашения зависела прежде всего от предложения и спроса на рабочую силу. Поскольку в XVIII в. спрос на рабочую силу заметно превышал предложение, то положение торпарей в это время было сравнительно устойчивым. Нового торпаря нелегко было найти, и поэтому от старого не спешили отказываться. Но уже к концу XVIII в. тор-

парей нередко стали лишать обработанных ими участков. Происходило это при разделе крестьянских хозяйств с целью образования нового самостоятельного хозяйства и при «большом переделе». В первом случае владелец нового хозяйства занимал, как правило, торпу, а во втором — переселившийся из деревни на хутор крестьянин также обычно поселялся на уже освоенном торпарем дальнем участке своих владений. При этом хозяин расторгал соглашение об аренде или же выделял торпарю новый, но необработанный участок. В результате торпарь изгонялся с обработанной им земли и построенного его руками дома. Плоды труда торпаря присваивал землевладелец.¹²⁶

Торпарская система аренды развивалась в Финляндии и во второй половине XVIII в. прежде всего как источник рабочей силы для крупных хозяйств, включая теперь и крестьянские. Но произошел и заметный рост числа таких торпарей, которые работали только в своем хозяйстве, так как в их арендную плату не входила обязанность выполнять отработки. Подобное явление имело место в редконаселенных центральных, северных и восточных районах страны, где имелись лишь крестьянские, притом мелкие хозяйства, которые не нуждались в дополнительных работниках. В то же время здесь крестьянам принадлежали большие участки неосвоенной земли, как правило удаленные на значительное расстояние от крестьянского двора. В указанных районах безземельные, становясь торпарями, поселялись на дальних пустошах крестьян и вели там свое хозяйство. Аренду с них землевладелец взимал преимущественно натурой, а не отработками.¹²⁷

Начатые во второй половине XVIII в. раздел общинных лесов и ликвидация чересполосицы соответствовали интересам в первую очередь зажиточных хозяев, так как предоставляли им простор для частной инициативы. В то же время создавались условия для ускорения развития сельского хозяйства в целом.

«Большой передел», расширение поземельных прав крестьян в 40—50-е гг., и в частности постановления 1743 и 1757 гг. о торпарях, в значительной степени стимулировали освоение ранее неиспользуемых земель и создание торп, ибо отвоєванные у лесов и болот поля, обрабатывал ли их сам владелец или торпарь, теперь не облагались налогом и закон гарантировал их принадлежность тому, кто получил эту землю в ходе «большого передела».

В своих отчетах правительству и риксдагу финляндские губернаторы сообщали о быстром увеличении посевной площади в Финляндии и об интенсификации земледелия после решений риксдага 1755—1756 гг. Так, например, по мнению губернатора Нюландско-Тавастгусской губернии А. Брюса, постановление от 18 февраля 1757 г. о торпарях «можно считать началом нового периода» в развитии сельского хозяйства Финляндии, так как «сразу же после опубликования упомянутого постановления население с редким желанием и воодушевлением начало осваивать пустоши... ибо право собственности уже не было под угрозой и исчезло опасение дополнительного налогообложения».¹²⁸

Прямых данных о том, в какой мере расширилась площадь полей в Финляндии во второй половине XVIII в., нет. Однако о значительном освоении новых угодий свидетельствует увеличение числа самостоятельных крестьянских хозяйств на всех категориях земли примерно на 32 тыс. (с 31 155 в 1749 г. до 63 171 в 1805 г.). Поскольку из этого общего числа новых дворов на долю хозяйств крестьян-новоселов, созданных по инициативе властей на коронной земле, приходилось лишь около 6 тыс. (6287), а 26 тыс. хозяйств, или более 80 %, возникло путем раздела уже существующих,¹²⁹ то можно утверждать, что расширение посевных площадей в стране происходило главным образом по частной инициативе самих крестьян, а не государства. Крестьяне сами, используя батраков и торпарей, обрабатывали новые участки земли в границах своих наделов и на этой основе создавали новые самостоятельные хозяйства путем раздела уже существовавших. Закон не разрешал дробить крестьянское хозяйство, если площадь его посевов предварительно не была расширена настолько, что могла прокормить минимум две семьи,¹³⁰ поэтому образование новых хозяйств путем раздела старых и рост пахотного поля были неразрывно связаны между собой.

В освоении новых площадей и в развитии сельского хозяйства в Финляндии в целом все возрастающую роль во второй половине XVIII в. играли торпары, о чем свидетельствует быстрое развитие системы мелкой аренды земли в указанный период и тот факт, что в арендной плате торпаря значительную, а нередко и основную часть составляли отработки.¹³¹ Новых торп было создано за полстолетия свыше 20 тыс.¹³² По мере увеличения числа торпарей непрерывно повышалась их роль и в обеспечении хозяйств землевладельцев работниками. Подавляющую часть торпарей составляли арендаторы крестьянской земли. Так, например, в 1767—1805 гг. в двух южных провинциях Финляндии (Финланд и Нюланд), где была сосредоточена основная часть земельных владений дворян, появилось 2300 новых торп. При этом в господских имениях указанных провинций число торп, за редким исключением, не только не выросло, но даже сократилось.¹³³ Следовательно, новые торпы возникли почти все на крестьянской земле.

В 40—50-е гг. исчезли все юридические преграды, стоявшие на пути развития торпарской системы на скаттовой и коронной земле. Среднегодовые темпы роста количества торпарских хозяйств во второй половине XVIII в. были в 4 с лишним раза выше, чем в первой половине века. Численность торпарей росла в этот период примерно в 7 раз быстрее, чем население страны в целом.¹³⁴

По абсолютным цифровым данным впереди по росту числа торпарей продолжали идти юго-западные и южные провинции страны (Финланд, Сатакунта, Нюланд, южная часть Тавастландии), т. е. наиболее обжитые районы. Здесь численность торпарей увеличилась более чем на 13 тыс., в то время как во всей остальной части страны новых торп появилось около 9.5 тыс. Из общего при-

роста торпарей на юг и юго-запад приходилось почти 58 %. Однако по темпам роста численности торпарей юг и юго-запад отставали от остальной части страны. В южных и юго-западных провинциях численность торпарей увеличилась примерно в 7 раз, а в остальной части страны — в 16 раз. Кроме того, за 1747—1805 гг. доля юга и юго-запада в общей численности торпарей снизилась с 94 до 60 %.¹³⁵

Доля торпарей двух самых южных провинций страны (Финланд и Нюланд), составлявшая в 1749 г. почти половину общего их числа (49.6 %), упала к 1805 г. до 1/4 (24.7 %).¹³⁶ В провинциях с редким населением, особенно на севере и на востоке страны, система мелкой аренды земли получила в XVIII в. пока еще слабое развитие.¹³⁷ Однако к началу XIX в. торпарские хозяйства имелись на всех категориях земель и почти во всех частях Финляндии.

То особое положение, которое занимали сетереи, а позднее и рустхоллы и бустели в смысле владения торпами в первой половине XVIII в., теперь было потеряно. Центр тяжести торпарской системы переместился на крестьянские земли.

В целом по стране рост количества торп (свыше 600 %) примерно в 3 раза превысил рост самостоятельных крестьянских хозяйств (около 200 %), включая собственников и арендаторов. В абсолютных же цифрах новых самостоятельных хозяйств в течение второй половины XVIII в. появилось в целом по стране все же больше (на 7 с лишним тысяч), чем торпарских.¹³⁸ Но неодинаковый уровень и разность в темпах социально-экономического развития отдельных провинций страны накладывали свой отпечаток и на изменения численности крестьянских самостоятельных хозяйств и торп. Так, если в центральных, северных и восточных районах самостоятельных хозяйств за 1749—1805 гг. появилось почти на 10 тыс. больше, чем торпарских, то на юге и юго-западе страны, наоборот, новых торп за тот же период возникло на 5 тыс. больше, чем новых самостоятельных крестьянских дворов.¹³⁹

В 1805 г. в Финляндии насчитывалось 58 436 дворов самостоятельных крестьян (собственников и арендаторов) и 23 924 торпы, т. е. последние составляли около 40 %. Однако данный показатель сильно колебался в разных провинциях и частях страны, составляя, например, в провинции Сатакунта более 70 %.¹⁴⁰

В южных приморских районах Финляндии, которые уже давно были заселены и в которых все меньше оставалось неосвоенных участков для создания торп, во второй половине XVIII в. рост числа торпарей замедляется или даже полностью прекращается.¹⁴¹ Здесь на смену торпарям начинают приходить новые категории работников в лице семейных батраков с домом (муонамихет) и ранее упомянутых хибарочников, численность которых росла параллельно с торпарями.

Семейные батраки в отличие от холостых жили отдельно от хозяина. Работали они в усадьбе землевладельца определенное количество дней еженедельно круглый год и получали плату натурой (жилье, дрова, огород под картофель, различные про-

дукты питания). За дни, отработанные сверх договоренности, хозяин платил деньгами.¹⁴²

По численности семейные батраки и хибарочники, в особенности первые, до конца XVIII в. сильно уступали торпарям. В 1805 г. их насчитывалось в Финляндии, по официальным данным, около 8 тыс. (примерно 1000 батраков и 7000 хибарочников).¹⁴³

К труду хибарочников и семейных батраков с домом прибегали прежде всего крупные собственники приморской полосы южной Финляндии от г. Або до р. Кюми. Здесь земельные угодья были уже в основном все обработаны, и поэтому выгоднее было увеличивать численность работников не за счет торпарей, получавших для ведения полевого хозяйства сравнительно крупный участок земли, а за счет таких лиц, которые получали плату в виде продуктов питания, жилья и мизерного клочка земли под огород.

Использованию землевладельцами труда хибарочников и семейных батраков способствовало правительство, стремившееся, с одной стороны, максимально обеспечить крупные хозяйства рабочей силой, а с другой — уменьшить число неимущих, лишенных работы, рост рядов которых тревожил господствующие классы. Постановлением от 20 июля 1762 г. самостоятельные крестьяне получили право создавать на принадлежавшей им земле хозяйства хибарочников и предоставлять отдельное жилье семейным батракам.¹⁴⁴

В целом по стране развитие торпарской системы как способа обеспечения крупных хозяйств рабочей силой не ослабло и во второй половине XVIII в.

Несмотря на то что торпарская система распространилась в конце XVIII в. довольно широко на все категории земель и хозяйств, все же подавляющая часть торп находилась на землях крупных собственников, как из числа представителей высших сословий, так и крестьян.¹⁴⁵

Вторая половина XVIII в. была для Финляндии временем быстрого роста численности населения, примерно в два раза — с 420 до 830 тыс. за 1750—1800 гг.¹⁴⁶ Подобное явление было результатом целого ряда причин. В частности, Финляндия в тот период относительно немного пострадала от войн. Это было время высоких урожаев и сравнительно благоприятных возможностей для расширения посевных площадей и создания новых хозяйств. Следует также отметить такой фактор, как поощрение правительством заключения браков и оказание материальной поддержки многодетным семьям крестьян.

Одновременно с чисто количественным ростом населения произошли большие сдвиги в социальной структуре финляндского общества. Хотя количество самостоятельных крестьян (собственников и арендаторов) продолжало расти и во второй половине века, в особенности в восточной, центральной и северной частях страны, и за полстолетия увеличилось почти в два раза, их доля среди самодеятельного мужского населения, занятого в сельском хозяйстве, снизилась за 1754—1805 гг. с 32.49 до 28.38 %. Относи-

тельный рост торпарей происходил значительно быстрее, чем самостоятельных крестьян, и поэтому доля первых выросла за указанные годы в целом по стране с 4.47 до 11.32 %. В некоторых районах Финляндии число крестьян-хозяев и торпарей было в 1805 г. уже одинаковым.¹⁴⁷

Наряду с торпарями во второй половине XVIII в. сильно выросла абсолютно и относительно численность и других слоев безземельного сельского населения: семейных батраков, хибарочников, бездомных жильцов. Доля последних двух категорий неимущих среди всего самостоятельного мужского населения, занятого в сельском хозяйстве, увеличилась за 1754—1805 гг. с 7.68 до 8.89 % (с 7823 до 19 022).¹⁴⁸ Таким образом, в процессе социального расслоения финляндского крестьянства вместе с абсолютным ростом численности полупролетарских и пролетарских слоев населения происходит непрерывное повышение также их удельного веса.

Земельная реформа, начатая в 50-е гг. XVIII в., и другие изменения аграрной политики шведского правительства способствовали заселению и освоению ранее пустовавших земель, созданию новых крестьянских хозяйств, расширению товарного производства в земледелии. Одновременно происходило ослабление позиций феодального строя, складывались условия для развития буржуазных отношений в финской деревне, о чем свидетельствовал, в частности, процесс классового расслоения крестьянства. На одном социальном полюсе росло число крестьян-собственников, среди которых появились богатые хозяева-предприниматели (сельская буржуазия), а на другом происходили разорение и обнищание крестьянских низов. Наиболее интенсивно этот процесс шел в западной и южной Финляндии, где и поляризация крестьян к концу XVIII в. достигла наибольшей резкости. Здесь имелось немало хозяйств с годовым доходом более 1000 риксталеров, которые в восточных провинциях отсутствовали. В то же время в юго-западной Финляндии торпарские хозяйства составляли в начале XIX в. 73 % общего числа дворов.¹⁴⁹

Дальнейшее развитие системы мелкой аренды за отработки в Финляндии во второй половине XVIII в. являлось следствием усиления социального расслоения крестьянства страны, а также стремления землевладельцев с помощью торпарей расширить площадь посевов и увеличить масштабы товарного хозяйства в земледелии. Пересмотр политики в торпарском вопросе, раздел общинных лесов между их совладельцами в ходе аграрной реформы, наличие у крестьян Финляндии неосвоенных земель — все это создавало благоприятную правовую и материальную основу для развития межкрестьянской аренды и стимулировало рост числа торпарей в стране в рассматриваемый период.

¹ История Швеции. М., 1974. С. 252—253; Некрасов Г. А. Сельское хозяйство и положение крестьянства в Швеции в 20—40-е гг. XVIII в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1958. Вып. 3. С. 24—25, 51; Cederberg A. R. Suomen historia vapaudenajalla. Porvoo; Helsinki, 1942. Osa I. S. 43—46, 54—55, 210, 217; Soininen A. M. Vanha maataloutemme: Maatalous ja maatalousväestö Suomessa perinnäisen maatalouden loppukaudella 1720-luvulta 1870-luvulle. Helsinki, 1974. S. 307.

² Gadolin A. W. Katsaus maanvuokraoikeuden historialliseen kehitykseen ruotsalais-suomalaisessa lainsäädännössä. Helsinki, 1912. S. 54; Gylling E. Suomen torpparilaitoksen kehityksen pääpiirteet Ruotsinvallan aikana. Helsinki, 1909. S. 132; Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. Helsinki, 1958. S. 236—237.

³ Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. S. 235; Alanen A. J. Suomen historia vapaudenajalla. Porvoo; Helsinki, 1963. S. 134.

⁴ ЦГИА СССР. Ф. 1361, оп. 2, д. 5, л. 8—14; Cederberg A. R. Suomen historia. . . Osa I. S. 217—218; Alanen A. J. Suomen historia vapaudenajalla. S. 134.

⁵ Kallio T. Palvelijapolitiikasta Suomessa 18. vuosisadalla. Helsinki, 1913. S. 25, 100.

⁶ Alanen A. J. Suomen historia vapaudenajalla. S. 134; Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. S. 236—237; Kallio T. Palvelijapolitiikasta Suomessa. . . S. 26, 104; Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 97.

⁷ Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 98.

⁸ Ibid.

⁹ Danielson J. K. Mihin suuntaan? Porvoo, 1901. S. 54—55; Kallio T. Palvelijapolitiikasta Suomessa. . . S. 108.

¹⁰ Партия «шляп» — политическая партия Швеции XVIII в.; образовалась в 1734 г.; представляла интересы рваншистки настроенной части дворянства и верхушки буржуазии, особенно столичной.

¹¹ Utdrag Utur alle ifrån 1729. års slut utkomne Publique Handlingar, Placater, Förordningar, Resolutioner och Publicationer. . . Andra delen till år 1740. Stockholm, 1746. S. 1598; Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 99; Kallio T. Palvelijapolitiikasta Suomessa. . . S. 60, 104; Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. S. 237; Alanen A. J. Suomen historia vapaudenajalla. S. 134—136; Soininen A. M. Vanha maataloutemme. S. 21.

¹² Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 131—132; Kallio T. Palvelijapolitiikasta Suomessa. . . S. 68.

¹³ Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. S. 238.

¹⁴ Kallio T. Palvelijapolitiikasta Suomessa. . . S. 61—63; Cederberg A. R. Suomen historia. . . Osa I. S. 222—223; Alanen A. J. Suomen historia vapaudenajalla. S. 136—145.

¹⁵ История Швеции. С. 250—253; Cederberg A. R. Suomen historia. . . Osa I. S. 217—218.

¹⁶ Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 106—107; Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. S. 239.

¹⁷ Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 103—104; Cederberg A. R. Suomen historia. . . Osa I. S. 219—222; Soininen A. M. Vanha maataloutemme. S. 322.

¹⁸ Gadolin A. W. Katsaus maanvuokraoikeuden. . . S. 31.

¹⁹ Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 105; Gadolin A. W. Katsaus maanvuokraoikeuden. . . S. 40; Cederberg A. R. Suomen historia. . . Osa I. S. 219—220; Alanen A. J. Suomen historia vapaudenajalla. S. 49.

²⁰ Gadolin A. W. Katsaus maanvuokraoikeuden. . . S. 37—38.

²¹ Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 96.

²² Ibid. S. 97; Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. S. 238.

²³ Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. S. 229.

²⁴ Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 138—139.

²⁵ Alanen A. J. Suomen historia vapaudenajalla. S. 182.

²⁶ Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 107.

²⁷ Ibid. S. 107—108.

²⁸ Utdrag Utur alle ifrån 1729. års slut utkomne Publique Handlingar. . . Del. 2. S. 1445; Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 108.

²⁹ Gylling E. Suomen torpparilaitoksen. . . S. 65.

³⁰ Ibid. S. 68, 222.

³¹ Ibid. Liite 1. S. 15.

³² Ibid.

³³ Ibid. S. 73—77.

³⁴ Suomen väestön sääty- ja ammattiryhmitys vuosina 1751—1805 / Toim. G. Fougstedt, A. Raivio. Helsinki, 1953. S. 26; *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 496.

³⁵ *Kallio T.* Palvelijapolitiikasta Suomessa. . . S. 193—194.

³⁶ *Jutikkala E.* 1) Suomen talonpojan historia. S. 203; 2) Talonpoika, aatelmies, kruunu : Maapolitiikkaa ja maanomistusoloja Pohjoismaissa 1550—1750. Juva, 1983. S. 107.

³⁷ *Игельстром А. В.* Поземельные отношения в Финляндии // Вестн. Европы. 1900. № 12. С. 700—701; *Pohjolan-Pirhonen H.* Kansakunta löytää itsensä, 1808—1855 : Kansakunnan historia. Porvoo, 1973. Osa 3. S. 640—641.

³⁸ *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 40—41.

³⁹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 89—90; *Gebhard H.* Maanviljelysväestö : Sen suhde muihin elinkeinoryhmiin ja sen yhteiskunnallinen kokoonpano Suomen maalaiskunnissa v. 1901. Helsinki, 1913. S. 128; Suomen väestön. . . S. 26.

⁴⁰ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 88; Suomen väestön. . . S. 26.

⁴¹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 219.

⁴² *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 182; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 239; *Cederberg A. R.* Suomen historia. . . Osa 1. S. 223; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 109—110.

⁴³ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 110—111.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden. . . S. 53; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 140; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 323.

⁴⁷ История Швеции. С. 254—255.

⁴⁸ *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 182. *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 239; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 141.

⁴⁹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 141; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden. . . S. 53; *Haataja K.* Maa-oikeus. Helsinki, 1936. Osa 1. S. 36; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 238; *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 495; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 323.

⁵⁰ Общее уложение Финляндии 1734 года и дополнительные к нему узаконения с приложениями и указателями : В 3-х т. Т. 1 : Общее уложение / Сост. Н. Н. Корова. СПб., 1912. С. 87; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden. . . S. 53.

⁵¹ *Kallio T.* Palvelijapolitiikasta Suomessa. . . S. 63—65; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden. . . S. 54; *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 36; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 308.

⁵² История Швеции. С. 293—294; *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen 1750—1760-lukujen valtiopäiväpolitiikassa. Helsinki, 1976. S. 11.

⁵³ *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden. . . S. 54; *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 494—495; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 308—312, 323.

⁵⁴ *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 452—454; *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 50, 106.

⁵⁵ *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 42.

⁵⁶ *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 452, 454; *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 51.

⁵⁷ *Cederberg A. R.* Suomen historia vapaudenajalla. Porvoo, 1947. Osa 2. S. 91—99.

⁵⁸ *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 35.

⁵⁹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 119—120.

⁶⁰ *Cederberg A. R.* Suomen historia. . . Osa 2. S. 386; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 120.

⁶¹ История Швеции. С. 298; *Андерссон И.* История Швеции. М., 1951. С. 270; *Kallio T.* Palvelijapolitiikasta Suomessa. . . S. 28, 63—64, 67—68; *Cederberg A. R.* Suomen historia. . . Osa 2. S. 33—34, 387, 395; Suomen maaherrojen valtiopäiväker- tomukset 1755—1756 / Toim. A. R. Cederberg. Helsinki, 1950. S. 31; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 238—239; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 21.

- ⁶² *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 39—42; *Cederberg A. R.* Suomen historia. . . Osa 2. S. 91—99; *Jutikkala E.* Torpparikysymys // Oma maa : Tietokirja Suomen kodeille / Toim. E. Linkomies. Porvoo ; Helsinki, 1961. Osa 10. S. 223; *Virrrankoski P.* Suomen taloushistoria kaskikaudesta atomiaikaan. Helsinki, 1975. S. 49.
- ⁶³ *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 185.
- ⁶⁴ Suomen maaherrojen valtiopäiväkertomukset. . . S. 227.
- ⁶⁵ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 125; *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 42; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 238; *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 68, 70, 95, 104.
- ⁶⁶ *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 503.
- ⁶⁷ *Ibid.* S. 500—502; *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 35—36, 106.
- ⁶⁸ *Cederberg A. R.* Suomen historia. . . Osa 2. S. 99; *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 452.
- ⁶⁹ *Cederberg A. R.* Suomen historia. . . Osa 2. S. 99.
- ⁷⁰ Текст заключения от 11 марта 1747 г. см.: *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 125, 149.
- ⁷¹ *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 43; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 248; *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 503—504; *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 68.
- ⁷² Тунланд равен примерно 0.5 га.
- ⁷³ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 149; *Alanen A. J.* Suomen historia kustavilaisella ajalla. Helsinki, 1964. S. 146, 148.
- ⁷⁴ Suomen maaherrojen valtiopäiväkertomukset. . . S. 227—228; *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 43, 95; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 150.
- ⁷⁵ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 152—153; *Cederberg A. R.* Suomen historia. . . Osa 2. S. 180—182; *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 415; *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 79.
- ⁷⁶ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 248; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 153—154.
- ⁷⁷ Подробное изложение точек зрения членов комитета см.: *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 153—158; *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 96—98; *Cederberg A. R.* Suomen historia. . . Osa 2. S. 384.
- ⁷⁸ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 159—160; *Paloposki T. J.* Suomen talouden kehittäminen. . . S. 101—102.
- ⁷⁹ История Швеции. С. 298; *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 43—44, 46—47; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 248; *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 504; *Virrrankoski P.* Suomen taloushistoria. . . S. 49.
- ⁸⁰ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 160; *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 36; *Cederberg A. R.* Suomen historia. . . Osa 2. S. 384; *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 495; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 323.
- ⁸¹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 161.
- ⁸² *Ibid.* S. 163—164.
- ⁸³ *Ibid.* S. 162.
- ⁸⁴ *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 308—312, 323.
- ⁸⁵ *Rasila V.* Suomen torpparikysymys vuoteen 1909. Helsinki, 1961. S. 19.
- ⁸⁶ Utdrag utur alla ifrån 1767 års slut utkomme Publique Handlingar. . . Nionde delen till Regements förändringen 1772. Stockholm, 1777. S. 353.
- ⁸⁷ *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 312, 323.
- ⁸⁸ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 167.
- ⁸⁹ *Alanen A. J.* Suomen historia vapaudenajalla. S. 458.
- ⁹⁰ Suomen väestön. . . S. 26, 40—41; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 258; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys. . . S. 21—22.
- ⁹¹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 228.
- ⁹² *Ibid.* S. 168.
- ⁹³ *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 39.
- ⁹⁴ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 168—169.
- ⁹⁵ *Ibid.* S. 243; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 38—39.
- ⁹⁶ *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden . . . S. 41—42.
- ⁹⁷ *Ibid.* S. 55 (Устав о найме 1752 г.).

- ⁹⁸ Общее уложение Финляндии 1734 года... Т. 1. С. 112; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 55.
- ⁹⁹ Общее уложение Финляндии 1734 года... Т. 1. С. 109—114; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 56—59.
- ¹⁰⁰ Utdrag utur alla ifrån 1767 års slut utkomme Publique Handlingar... Del. 9. S. 353—354; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 171—172; *Kallio T.* Palvelijapolitiikasta Suomessa... S. 64; *Cederberg A. R.* Suomen historia... Osa 2. S. 372.
- ¹⁰¹ *Jutikkala E.* Torpparikysymys. S. 223; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 176.
- ¹⁰² *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 183.
- ¹⁰³ Ibid.
- ¹⁰⁴ Ibid. S. 184; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 55; *Kallio T.* Palvelijapolitiikasta Suomessa... S. 75.
- ¹⁰⁵ *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 39—41.
- ¹⁰⁶ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 252.
- ¹⁰⁷ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 243.
- ¹⁰⁸ Ibid. S. 242—243.
- ¹⁰⁹ Utdrag utur alla ifrån år 1783 utkomme Publique Handlingar... Trettonde delen til 1786 års slut. Stockholm, 1803. S. 71; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 254; *Alanen A. J.* Suomen historia kustavilaisella ajalla. S. 148—149; *Luukko A.* Suomen asuttaminen // Suomen talous- ja sosiaal historian kehityslinjoja / Toim. E. Jutikkala. Porvoo; Helsinki, 1968. S. 19; *Virrankoski P.* Suomen talous historia... S. 49.
- ¹¹⁰ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 253.
- ¹¹¹ Партия «колпаков» — политическая партия Швеции XVIII в.; возникла в 1739 г. Руководство партией находилось в руках дворян. Однако в 1760-е гг. она представляла интересы главным образом средних слоев бюргерства и духовенства, верхушки крестьянства и внесословных разночинцев.
- ¹¹² История Швеции. С. 316—317.
- ¹¹³ Utdrag utur alla ifrån den 19 augusti 1772 utkomme Publique Handlingar... Tionde delen til 1776 års slut. Stockholm, 1801. S. 475; Utdrag utur alla ifrån år 1780 utkomme Publique Handlingar... Tofte delen til 1783 års slut. Stockholm, 1799—1802. S. 670—671.
- ¹¹⁴ Utdrag utur alla ifrån den 19 augusti 1772 utkomme Publique Handlingar... Del. 10. S. 459—473; Utdrag utur alla ifrån år 1780 utkomme Publique Handlingar... Del. 12. S. 308—316, 529—539; Utdrag utur alla ifrån år 1783 utkomme Publique Handlingar... Del. 13. S. 71—72; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 187—188; *Haataja K.* Maa-oikeus. S. 118—119.
- ¹¹⁵ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 189.
- ¹¹⁶ Ibid. S. 191.
- ¹¹⁷ Utdrag utur alla ifrån den 19 augusti 1772 utkomme Publique Handlingar... Del. 10. S. 459—473; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 194.
- ¹¹⁸ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 194.
- ¹¹⁹ Ibid. S. 195.
- ¹²⁰ Ibid. S. 200.
- ¹²¹ Ibid. S. 201; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 38—39.
- ¹²² *Jutikkala E.* 1) Läntisen Suomen kartanolaitos Ruotsin vallan viimeisenä aikana. Helsinki, 1932. Osa 1. S. 261—264; 2) Suomen talonpojan historia. S. 256; *Alanen A. J.* Suomen historia kustavilaisella ajalla. S. 155.
- ¹²³ Utdrag utur alla ifrån den 19 augusti 1772 utkomme Publique Handlingar... Del. 10. S. 459—473.
- ¹²⁴ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 240.
- ¹²⁵ Ibid. S. 240, 243—244; *Jutikkala E.* Torpparikysymys. S. 223; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 37—38.
- ¹²⁶ *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 38—39.
- ¹²⁷ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 241—242.
- ¹²⁸ Письмо губернатора А. Брюса камерколлегии от 20 января 1778 г. см.: *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 186.
- ¹²⁹ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 258; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 21—22; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 33.
- ¹³⁰ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 258.

¹³¹ *Heikkinen S., Kortteinen T., Soikkanen H., Soininen A.* Palkat, toimeentulo ja sosiaalinen rakenne Suomessa 1850—1913 // Helsingin yliopiston talous- ja sosiaal historian laitoksen tiedonantoja. Helsinki, 1983. N 13. S. 37.

¹³² *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 258; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 39.

¹³³ *Jutikkala E.* 1) Läntisen Suomen kartanolaitos. . . S. 261—264; 2) Suomen talonpojan historia. S. 256; *Alanen A. J.* Suomen historia kustavilaisella ajalla. S. 155.

¹³⁴ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 228, 231.

¹³⁵ Подсчитано по: *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 220.

¹³⁶ *Ibid.* S. 225.

¹³⁷ *Ibid.* S. 230—231.

¹³⁸ *Ibid.* S. 212—218, 220, 233; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 258.

¹³⁹ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 212—218, 220, 233; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 258.

¹⁴⁰ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 220, 233—234; *Gebhard H.* Maanviljelysväestö. S. 94—96; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 258; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys. . . S. 21—22.

¹⁴¹ *Jutikkala E.* Läntisen Suomen kartanolaitos. . . S. 261—264.

¹⁴² *Игельстром А. В.* Поземельные отношения в Финляндии. С. 700—701; *Lento R.* Maassamuutto ja siihen vaikuttaneet tekijät Suomessa vuosina 1878—1939. Helsinki, 1951. S. 40; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 40.

¹⁴³ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . Liitteitä. S. 76, 78; *Gebhard H.* Maanviljelysväestö. S. 124—128; Suomen väestön. . . S. 40—41.

¹⁴⁴ *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden. . . S. 53—54.

¹⁴⁵ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 242.

¹⁴⁶ Suomen virallinen tilasto: Väkiluvun tilastoa. Helsinki, 1899. Osa 6. S. 1—2.

¹⁴⁷ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen. . . S. 246; Suomen väestön. . . S. 19; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys. . . S. 21—22; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 33.

¹⁴⁸ Suomen väestön. . . S. 40—41; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 33.

¹⁴⁹ Suomen väestön. . . S. 11, 40—41; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 258—259; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys. . . S. 10, 21—22; *Alanen A. J.* Suomen historia kustavilaisella ajalla. S. 155—156, 166, 564; *Pohjolan-Pirhonen H.* Kansakunta etsii itseään, 1772—1808: Kansakunnan historia. Porvoo, 1970. Osa 2. S. 565—570.

Торпарская система землепользования в Финляндии в первой половине XIX в.

Аграрные отношения в Финляндии в первой половине XIX в.

В ходе русско-шведской войны 1808—1809 гг. Финляндия была отторгнута от Швеции и в качестве автономного Великого княжества присоединена к России.

Чтобы ослабить экономическую зависимость Финляндии от ее прежней метрополии, Швеции, теснее связать княжество с империей и не давать повода для возникновения недовольства в крае пребыванием под властью России, царское правительство предоставило финнам сравнительно широкую автономию при решении хозяйственных вопросов. Кроме того, в отличие от других национальных окраин Российской империи Великое княжество Финляндское пользовалось также административной автономией, имело свое правительство — правительствующий совет, переименованный в 1816 г. в императорский финляндский сенат.

Правда, действия финляндских властей должны были всегда согласовываться с мнением императора России, являвшегося великим князем Финляндии. Решения финляндского сената вступали в силу только после их санкции императором. Последний же, разумеется, одобрял те или иные шаги правительства княжества только в том случае, если они не шли вразрез с общей линией царизма в отношении северо-западной провинции России. В отношениях между царизмом и финляндской правящей верхушкой, в которой решающую роль играло дворянство, была определенная обоюдная заинтересованность.

Русские власти сохранили в княжестве сословное собрание (сейм) и оставили в силе шведскую законодательную систему, основу которой составляло Общее уложение (Свод законов) 1734 г. с внесенными в него позднее дополнениями, изменениями и разъяснениями.

Оставленные неизменными права привилегированных сословий позволяли дворянству, высшему духовенству и богатому бюргерству держать, как прежде, власть в стране в своих руках. В сфере экономической жизни Финляндии до середины прошлого столетия сохраняли юридическую силу многие законы феодального периода, предусматривавшие мелочную регламентацию жизни и труда крестьян и ремесленников, хозяйственной деятельности торговцев и промышленников.

К моменту получения автономии Финляндия представляла собой страну со слабо развитой экономикой, в которой ведущее место принадлежало сельскому хозяйству, дававшему почти 90 % всех доходов казны. Земледелие находилось на низком агротехническом уровне.¹

Суровые природные условия, малая плотность населения, неблагоприятное географическое положение, а также многовековое шведское господство являлись причинами того, что Финляндия в начале XIX в. входила в число экономически отсталых аграрных стран Европы.

В сельском хозяйстве Финляндии в начале XIX в. продолжали господствовать феодальные отношения. Однако еще в XVIII в. и особенно во второй его половине в финской деревне в процессе имущественного расслоения крестьянства появились богатые хозяева капиталистического типа. По данным таксации 1800 г., размер стоимости собственности крестьян-хозяев колебался в Финляндии от нескольких десятков талеров серебром до 1.5 тыс.² Одновременно с имущественной дифференциацией шел процесс разорения и обнищания крестьянских низов.³

Большой шаг по пути ликвидации феодальных порядков в земельных отношениях был сделан в 1789 г., когда владельческие права скаттовых крестьян на землю были значительно расширены. В то же время были отменены ограничения, касающиеся числа батраков, нанимаемых в крестьянские хозяйства, а держатели государственной земли получили право выкупить обрабатываемые ими участки в собственность и перейти в разряд скаттовых крестьян.⁴

Феодальные отношения к началу XIX в. были сильнее подорваны на западе и юге Финляндии, где и поляризация крестьянской массы к этому времени достигла наибольшей глубины. Здесь в отличие от центральных и восточных провинций имелось немало исключительно богатых в условиях Финляндии хозяйств крестьян. При этом в прибрежной полосе юго-запада страны и в Эстерботнии (Похъянмаа) значительную часть доходов зажиточных хозяев составляли наряду с землей доходы от мореплавания, торговли, смолокурения и ростовщичества. С другой стороны, именно в юго-западных районах края наибольшую прослойку составляло неимущее население.⁵

В течение первой половины XIX в. в Финляндии непрерывно продолжался выкуп казенной земли в собственность крестьян, увеличивалось число скаттовых хозяйств, снижался удельный вес казенных крестьян-держателей. За четыре десятилетия (1810—1840) крестьяне страны, не считая Выборгской губернии, выкупили в частную собственность около 8 тыс. казенных хозяйств.⁶ Вместе с превращением все большего числа зажиточных держателей казенных участков в собственников и выделения из крестьянской среды богатой верхушки росло количество безземельных за счет разорения мелких хозяйств, а также по причине быстрого естественного прироста сельского населения и ограничений в дроблении

крестьянских наделов. Немаловажную роль играла и высокая стоимость земли, что затрудняло ее покупку.⁷ Только за четыре десятилетия (с 1815 по 1855 г.) численность самостоятельного сельского населения, жившего за счет найма, выросла более чем на 50 % (с 330 тыс. до 500 тыс.). Количество же самостоятельных крестьян-хозяев (собственников и арендаторов) за этот же период увеличилось лишь на 15 % (с 82.2 тыс. до 94.6 тыс.), а их доля среди всего самостоятельного населения сельской местности даже упала более чем на 3.5 % (с 17.8 до 14.18 %).⁸

Рост рядов неимущего сельского населения имел своим следствием снижение реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Так, например, чтобы заработать деньги на покупку одной бочки ржи в 20-е гг. XIX в. необходимо было отработать 15 с половиной дней, а в 70-е гг. — уже 19 дней. В начале XIX в. семейные батраки в восточной части провинции Тавастландия (Хяме) за отработанные в хозяйстве землевладельца два дня еженедельно в течение всего года получали три бочки ржи, а в середине века — уже только две бочки.⁹

В результате разорения мелких собственников богатые хозяева увеличивали свои земельные владения. Происходила концентрация земель в руках крестьянской верхушки. По размерам лесных участков и обрабатываемых полей многие усадьбы крестьян в середине XIX в. не уступали дворянским поместьям. Самый широкий размах данное явление приобрело в юго-западной части страны, где в связи с этим прекратился рост числа самостоятельных хозяев.¹⁰

В трех наиболее развитых губерниях страны (Або-Бьёрнеборгская, Нюландская и Тавастгусская), несмотря на увеличение общей площади полей (пашни и луга) за счет освоения новых угодий, общее число землевладельцев-крестьян за 1815—1870 гг. не только не возросло, но даже сократилось примерно на 5 %.¹¹

Дальнейшему продвижению сельского хозяйства Финляндии по пути капиталистического развития в первой половине XIX в. способствовала постепенная ликвидация общинного пользования лесами и чересполосицы на полях, начатая в стране еще во второй половине XVIII в. шведскими властями. Реформа эта продолжалась в течение более полутора столетий (до начала XX в.). Наиболее активно она проводилась в первой половине XIX в., о чем говорит тот факт, что из общей площади в 18.7 млн. га, подвергнутой переделу, почти половина (45 %) падает на 1801—1848 гг.¹²

В ходе «большого передела», как уже ранее отмечалось, каждый хозяин получал свою долю земли в индивидуальное пользование несколькими относительно большими участками, что позволяло ему единолично, без согласования с соседями, определять виды выращиваемых культур, выбирать методы обработки земли, время и характер сельскохозяйственных работ на своих полях.

«Большой передел», носивший характер буржуазной аграрной реформы, расширял возможности для проявления частной инициа-

тивы зажиточных крестьян, освобождая их от целого ряда ограничений, стоявших на пути интенсификации производства.

В переделе общинных земель были заинтересованы прежде всего богатые крестьяне. Их поддерживала государственная власть, надеясь, что ликвидация чересполосицы в землепользовании приведет к улучшению обработки полей и повышению доходов казны. В ходе «большого передела» крестьянские хозяйства, как правило, переносили свои дворы из деревни на новое место, где хозяйству выделялась земля в виде нескольких отдельных участков пашни, луга и леса. Поэтому данная реформа вела не только к ликвидации общинного пользования землей, но сопровождалась также исчезновением деревень и появлением хуторной системы селения в стране. Крестьянские дворы превращались теперь в полностью независимые друг от друга хозяйственные единицы. Раздел общинных земель между частными владельцами открывал возможности для развития капитализма в сельском хозяйстве Финляндии по буржуазно-фермерскому пути.

Таким образом, в сельском хозяйстве Финляндии в первой половине XIX в. продолжалось ослабление феодальных отношений. Аграрная политика правительства способствовала дальнейшему развитию деревни по капиталистическому пути. Расширились владельческие права крестьянства и возможности для предпринимательской деятельности.

Тем не менее в сфере аграрных отношений оставались в силе законы, предусматривавшие многочисленные феодальные стеснения в землепользовании. Сохранялись, в частности, ограничения раздела крестьянских хозяйств и запрещение уменьшать площадь податной земли путем отчуждения от хозяйства отдельных участков. Таким путем правящие круги Финляндии рассчитывали замедлить процесс дробления и разорения крестьянских дворов. Для казны богатые хозяева были более надежными, чем мелкие землевладельцы, налогоплательщиками. Кроме того, зажиточное крестьянство являлось социальной и политической опорой властей в деревне.

В середине XIX в. в сельском хозяйстве Финляндии были представлены патриархальный, мелкотоварный, феодальный и частнокапиталистический уклады. Наряду с массой крестьянских хозяйств полунатурального и мелкотоварного типа имелись усадьбы богатых землевладельцев, эксплуатировавших труд как феодально-зависимых торпарей и ландбауеров, так и наемных работников в лице батраков и поденщиков.

Следствием преобладания в сельском хозяйстве страны натурального и мелкотоварного производства, слабого развития капиталистической системы хозяйства являлись сохранение патриархальных и полуфеодальных отношений в финляндской деревне, существование среди безземельного сельского населения нескольких категорий с различной степенью зависимости от землевладельцев.

В XIX в. в Финляндии сохранялось унаследованное от средневековья разделение земельной собственности на ряд категорий с присущими каждой из них особыми свойствами, определявшими в значительной мере социально-экономическое и правовое положение земледельческого населения. Земли в начале XIX в. подразделялись на казенную (государственная), скаттовую (податная частная), обычную фрельзовую (частная привилегированная, освобожденная от поземельного налога) и фрельзово-сетерейную (частная привилегированная, освобожденная от всех платежей и повинностей). Первыми тремя категориями земли имели право владеть представители всех сословий (дворяне, духовенство, бюргеры и крестьяне), а последней — только дворяне. В собственности дворян находилась основная часть и обычной фрельзовой земли.¹³

В силу природных условий и исторического развития крупное помещичье землевладение в Финляндии не достигло большого размаха. В 1805 г. на долю фрельзовой земли приходилось менее 9 % общего числа манталов. Наибольшую долю среди всех категорий земель фрельзовые поместья составляли в юго-западной части страны.¹⁴

В зависимости от того какую категорию земли обрабатывали крестьяне, их также продолжали в XIX в. делить на казенных, скаттовых и фрельзовых (ландбауеры).

Казенные крестьяне арендовали государственную землю, за что платили в казну налоги. Кроме того, они обязаны были содержать землю и расположенные на ней строения в определенном, предписанном законом состоянии. За несоблюдение данного требования или за неуплату налогов и невыполнение многочисленных повинностей арендатор лишался земли.¹⁵

Скаттовым крестьянам принадлежала частная податная земля, но и они платили налоги государству как верховному владельцу земли. Поскольку скаттовые крестьяне не являлись полноправными собственниками своих владений, они не могли и распоряжаться ими в полной мере по своему усмотрению. Земельные угодья скаттового хозяйства разрешалось свободно покупать или продавать лишь целиком, а не по частям. В течение первой половины XIX в. оставался в силе запрет на объединение земель двух или нескольких крестьянских дворов в одно целое. Дробить земли скаттовых хозяйств с целью образования новых можно было лишь до 1/4 мантала. Запрещалось уменьшать размеры крестьянской скаттовой усадьбы путем продажи или обмена отдельных участков.¹⁶

Фрельзовые крестьяне арендовали землю у крупных собственников-фрельземанов. Фрельземаны произвольно устанавливали размер арендной платы, включавшей в себя барщину и оброк, могли в любое время выселить арендатора с обрабатываемого им участка или же насильно вернуть досрочно ушедшего арендатора. Хозяин земли имел право силой взыскивать со своих арендаторов недоимки, принуждать к выполнению различных

повинностей, подвергать телесному наказанию за непослушание.¹⁷

В такой же полуфеодальной зависимости, как и арендаторы фрельзовых земель, находились в начале XIX в. крестьяне, жившие на так называемых донационных, или дарственных, землях Выборгской губернии, присоединенной к Финляндскому княжеству в 1811 г. Донационные земли принадлежали русским помещикам, которые получили их еще в XVIII в. от царского правительства в качестве вознаграждения за различные заслуги. На этих землях насчитывалось 2,5 тыс. крестьянских хозяйств. 2/3 налогов, выплачиваемых крестьянами, шли помещику-донатарии и 1/3 в казну. Императорским манифестом от 25 ноября 1826 г. дарственные земли были переведены в разряд фрельзовых, т. е. донатарии стали полноправными собственниками.¹⁸

В условиях господства патриархальных и полуфеодальных отношений в финляндской деревне первой половины XIX в. безземельное сельское население, как и самостоятельные крестьяне-хозяева, делилось на несколько категорий с различной степенью зависимости от землевладельцев.

Самую многочисленную группу среди неимущего самодеятельного сельского населения составляли батраки и неотделившиеся от родителей крестьянские сыновья старше 15 лет. Последние, хотя и жили дома, фактически находились на положении наемных работников. Поэтому статистика XIX в. включала их в одну графу с батраками, которые жили и питались в семье хозяина. Отношения между батраком и хозяином формально регулировались «уставом о найме», принятом еще в XVIII в. Устав ставил условия и размер оплаты труда батраков в зависимости от договоренности с хозяином. Главную часть платы за свой труд батраки получали натурой (пища, одежда, обувь). Число батраков и крестьянских сыновей старше 15 лет в семьях выросло со 130 тыс. в 1815 г. до 188 тыс. в 1855 г., т. е. почти на 45 %.¹⁹

Исключительно быстрыми темпами росла в первой половине XIX в. численность таких категорий безземельного сельского населения, как семейные батраки, хибарочники, постояльцы. Только за три с половиной десятилетия (с 1815 по 1850 г.) их ряды увеличились с 31 тыс. почти до 75 тыс., т. е. примерно в два с половиной раза.²⁰ Основой их существования являлась поденная или сезонная занятость с сохранением докапиталистических форм оплаты труда.

Интенсивное разорение основной массы крестьянства вело не только к абсолютному, но и к относительному росту безземельных в стране. Так, например, доля лиц, живших исключительно только за счет найма к сельским хозяевам, выросла за 1815—1850 гг. с 73,7 до 76,2 %.²¹

Непрерывный и быстрый рост безземельных, повышение их удельного веса среди самодеятельного населения отражали дальнейшее обострение кризиса феодализма. Финляндское крестьянство все более резко разделялось на неимущих наемных

работников и собственников, т. е. происходило буржуазное расслоение и разложение крестьянства.

Промежуточное положение между самостоятельными крестьянами-хозяевами и сельскими пролетариями занимали торпары. С крестьянами их роднили свой, хотя и не собственный, а находящийся в пользовании участок земли, свое полевое хозяйство, наличие хозяйственного инвентаря, право нанимать работников. Но в то же время в отличие от хозяйств скаттовых и государственных крестьян торпы были камерально несамостоятельными, т. е. торпары не имели права сами платить казенные налоги, это делал за них землевладелец. К тому же еще малые размеры арендуемого участка, высокая арендная плата, взимавшаяся в основном в виде отработок в усадьбе землевладельца и отрывавшая арендатора от своего участка в самую горячую пору полевых работ, ставили торпаря не только в зависимое, но и в трудное материальное положение. Отсутствие собственности на землю, работа на хозяина сближали торпаря с наемным рабочим.

Отрабочная форма аренды земли была проявлением неразвитого капитализма и позволяла землевладельцу подвергать арендатора феодальной эксплуатации.

Правовое и материальное положение финляндских торпарей в первой половине XIX в.

Законодательство, регулировавшее отношения между землевладельцем и арендатором, продолжало в рассматриваемый период учитывать интересы лишь хозяина и ставило торпаря и ландбауера в полную от него зависимость. Так, например, шведское Уложение (Свод законов) 1734 г., в основе своей сохранявшее в Финляндии силу и в первой половине XIX в., признавало устное соглашение и письменный договор об условиях аренды равносильными. Такой порядок был весьма выгодным для хозяев, поскольку позволял нарушать условия аренды. Кроме того, закон не устанавливал ни максимального, ни минимального срока арендного соглашения. По этому поводу в Уложении было лишь сказано, что если владелец хотел отдать землю в аренду другому лицу, «то должны они условиться об аренде, на долгое ли время или на короткое». Соглашение можно было заключать до конца жизни арендатора. В то же время обязанности арендатора, в частности в отношении освоения и осушения используемых им земель, подробнейшим образом регламентировались.²²

Если одна из сторон желала расторгнуть арендные отношения, необходимо было объявить об этом за год до истечения арендного срока и не позднее 21 декабря. После этого арендатор мог оставаться на прежнем месте еще на один полный год и до 14 марта второго года. Если же договор не расторгался в установленное

время до окончания срока его действия, он оставался в силе на прежних условиях.²³

Все же землевладелец имел в особых случаях право выселить арендатора 14 марта уже следующего года. Последний же мог оставить участок до истечения срока аренды только в том случае, если находил на свое место другого, но такого, которого соглашался взять владелец земли. Но если арендатор уходил раньше времени и без согласия землевладельца, это расценивалось как бегство. Хозяин имел право насильно вернуть беглеца и получить с него и с тех, кто ему помогал, определенный штраф. Если при этом арендатор и его помощники оказывали сопротивление и получали телесные повреждения, то виновные в этом оставались безнаказанными. Если же во время столкновения пострадал землевладелец или его подручные, то в таком случае виновник наказывался, причем вдвое строже, чем обычно в таких случаях предусматривал закон.²⁴

Свободу действий землевладельца при отдаче земли в аренду и при заключении арендного соглашения закон 1734 г. ограничивал лишь тем, что нельзя было заключать сделку об аренде одного участка сразу с двумя лицами, законным считалось первое соглашение.²⁵

В постановление от 27 июня 1775 г. о проведении «большого передела» в Финляндии был включен пункт, в котором впервые говорилось о необходимости оформления соглашений об аренде торпы в письменном виде и заверении их в уездном суде. Но данное предписание опять же учитывало прежде всего интересы земельных собственников. Письменно оформленное и заверенное судом соглашение должно было служить доказательством того, что отданный в аренду торпарю участок являлся собственностью арендодателя и поэтому торпа не могла быть отделена от основного хозяйства с целью превращения в новое самостоятельное хозяйство. Таким путем правительство стремилось заинтересовать землевладельцев в увеличении числа торп. Учитывая цель вышеупомянутого предписания, следует отметить, что оно позволяло землевладельцам самим решать вопрос о его соблюдении, тем более, что за его нарушение закон не предусматривал никакого наказания.²⁶

Требование о необходимости оформления соглашения об аренде торпы в письменном виде и последующем заверении текста договора уездным судом было затем подтверждено постановлением от 13 июня 1800 г.²⁷ Целью данного постановления, как отмечают его авторы во вступительной части документа, было убрать препятствия на пути дальнейшего развития земледелия. Одно из таких препятствий усматривалось в неопределенности арендных контрактов. Причиной же их неопределенности в свою очередь являлось действующее аграрное законодательство, и в частности предписания об аренде земли. Требуя оформления аренды торпы в письменном виде и соответствующего его заверения, постановление 1800 г. одновременно устанавливало макси-

мальный срок действия арендного соглашения, который не должен был превышать 50 лет. Правда, через два года пункт о сроках аренды торпы был дополнен разъяснением, которое снова разрешало заключать соглашения и на всю жизнь арендатора.

Ограничивая срок действия контракта об аренде 50 годами, законодатели, по их словам, исходили из чисто экономических соображений. Они были против заключения более длительных договоров, так как считали необходимым учитывать тот факт, что с течением времени могли произойти изменения в стоимости земли, в связи с чем условия арендного соглашения также требовали пересмотра.

В соответствии с постановлением 1800 г. торпарь имел право сохранять за собой арендованный участок и после смены или смерти владельца земли, если до окончания срока действия арендного соглашения оставалось не более пяти лет. В случае соблюдения требований данного постановления при аренде торпы правовое положение торпаря формально становилось несколько более прочным, так как по закону 1734 г. в результате продажи основного хозяйства терял силу и договор об аренде торпы.

По свидетельству финского исследователя В. Расила, вышеперечисленные требования, как и требование о заверении соглашения судом, не всегда выполнялись землевладельцами, в особенности крестьянами центральной Финляндии и Эстерботнии, где при разделе наследства торпу обычно отдавали в наследственную аренду.²⁸

О неустойчивости правового положения торпаря свидетельствует, в частности, такой факт, что еще и в 1840-е гг. признавалась действительной форма соглашения об аренде, в которой было всего лишь четыре пункта. В двух первых фиксировались площадь арендуемого участка и размер арендной платы. В третьем отмечалось, что соглашение оставалось в силе до заявления об отказе одной из сторон. Четвертый пункт сообщал, что содержание написанного на шведском языке договора переведено торпарю. Такие арендные договоры имели неопределенный срок действия.²⁹

После присоединения к России в Финляндии до 1864 г. продолжали иметь силу законы об аренде земли, принятые еще в период шведского господства. Правда, некоторые правительственные постановления по различным вопросам экономической жизни княжества, принятые в середине XIX в., касались и поземельной аренды, но не вносили каких-либо существенных изменений в арендные отношения в землепользовании.³⁰

Так, например, постановление от 17 февраля 1851 г. напоминало владельцам скаттовой земли о том, что они имели право отдавать отдельные участки своей земли другим лицам лишь в аренду, за которую должны были получать ежегодную плату в виде отработок или других форм ренты. Данное постановление было продиктовано желанием властей не допустить в ходе создания новых хозяйств нарушения законодательства, запрещавшего скаттовым крестьянам уменьшать площадь податной земли, что

могло привести в свою очередь к снижению доходности хозяйства, а значит, и к уменьшению его мантала.

В другом постановлении (от 9 сентября 1851 г.), касавшемся использования лесных угодий, подтверждается предоставленное уже ранее скаттовым крестьянам право создавать на своей земле торпы и одновременно, как и в лесном уставе 1805 г., содержится напоминание арендаторам о том, что им запрещается рубить лес для продажи и создавать подсеки без согласия владельца земли.³¹

В законодательстве, регулировавшем арендные отношения в землепользовании, речь шла прежде всего об аренде целого камерально самостоятельного хозяйства (ландбауерского) и лишь попутно иногда упоминались и торпы.

Первая статья закона, касавшаяся аренды собственно торпы, появилась лишь в 1864 г. В конце постановления о скаттовых землях от 19 декабря указанного года был включен пункт (§ 13) об аренде части хозяйства. Данный пункт гласил: «Если владелец земли желает отдать в пользование другого лица часть своего участка на всю жизнь или на определенный срок, то ему это разрешается, если при этом установлен размер ежегодной платы. Соглашение должно быть письменным и законно заверенным. В отношении срока аренды следует учитывать требования положений от 13 июня 1800 г.»³²

Аренда торпы, таким образом, должна была происходить на основе заверенного властями письменного договора, в котором точно определялся ежегодный размер арендной платы. Срок действия соглашения мог быть установлен максимум на 50 лет или до конца жизни договаривающихся сторон. Эта статья закона примечательна тем, что в ней впервые содержится требование об установлении размера ежегодной арендной платы торпаря.

Таким образом, был сделан новый шаг в направлении законодательного регулирования договорных отношений между землевладельцами и торпарями, формального упрочения правового положения торпаря. Однако действенность данного законодательного акта, как и предыдущих, относительно правил аренды торпы сводилась почти к нулю по той причине, что за несоблюдение его землевладельцами для них не предусматривалось никакого наказания. Поэтому на практике арендные контракты заключались в выгодной для землевладельцев форме, нередко в устной, условия договора диктовал торпарю хозяин земли по своему усмотрению. Торпарь продолжал находиться в бесправном положении и кабальной зависимости от землевладельца, подвергаясь полукрепостнической эксплуатации.

Правила аренды торпы, предусмотренные вышеупомянутым последним пунктом постановления от 19 декабря 1864 г. о скаттовых землях, оставались неизменными до 1892 г., когда появилось первое специальное постановление о торпах.³³ Но при подготовке этого документа первоочередной задачей законодателей было лишь собрать воедино все уже действовавшие предписания относительно аренды части хозяйства (торпы), содержащиеся в раз-

личных, ранее изданных по другим вопросам законоположениях.

Постановление состояло из шести статей и оставило в прежнем виде требования относительно сроков аренды, ее оформления и ежегодной платы за торпу. Единственным изменением по сравнению с прежними правилами было то, что в соответствии с данным документом устное соглашение считалось незаконным, такое соглашение обе стороны имели право расторгнуть в любое время.

Основные положения закона 1734 г. относительно аренды земли сохраняли, таким образом, силу еще и в конце XIX в. с той лишь разницей, что максимальный срок аренды был установлен в 50 лет и что устное соглашение теперь считалось незаконным.

Но даже и при наличии письменного договора положение торпаря оставалось неустойчивым, так как хозяин мог выселить его практически в любое время, обвинив в нарушении условий арендного соглашения или в несоблюдении правил поведения.

Поскольку в отношениях между землевладельцами и торпарями первые имели практически полную свободу действий, то и договоры об аренде были по своему характеру весьма пестрыми. Финский исследователь А. Варен обследовал в 1897 г. почти 2 тыс. письменных торпарских контрактов и обнаружил, что общего между ними было лишь два момента. Первый состоял в указании, что торпарю выделялась земля, а второй — что торпарь должен был вносить за землю арендную плату. Даже площадь арендованного участка не во всех договорах была указана, не говоря уже о точном определении размера ежегодной арендной платы.³⁴ Устные же соглашения, естественно, носили еще более неопределенный характер, чем письменные, и к тому же основывавшиеся лишь на памяти, были более спорными, чем письменные договоры.

В наиболее зависимом и неустойчивом положении торпари находились в районах крупного землевладения, где система мелкой аренды за отработки возникла уже давно и где было много господских имений. По подсчетам Варена, среди торпарей, живших на земле представителей высших сословий, 80,3 % арендовали участки на основе устных соглашений или письменных без указания срока аренды. Эти арендаторы полностью зависели от произвола хозяина. Соответствующий показатель на крестьянских землях составлял 25,5 %.³⁵ В районах же с преобладанием крестьянского землевладения, где торпарская система возникла относительно недавно и где многие торпари к тому же получили участки земли в аренду у своих родственников при разделе наследства, как это было, например, в Эстерботнии, более обычными были соглашения продолжительностью на многие десятилетия. Меньше всего устных соглашений и в то же время больше всего длительных и заверенных договоров было в губернии Вааса.³⁶

Большой неустойчивостью отличалось правовое положение торпарей, живших на землях служебных имений духовенства.

Священник имел право заключать арендное соглашение лишь до конца своей жизни или до окончания срока своей службы. После его смерти или переезда в другое место торпарю приходилось заключать новое соглашение на новых условиях.

Весьма образно и со знанием дела описал положение торпарей в первой половине XIX в. автор письма под названием «Размышления старого управляющего имением», опубликованного в 1842 г. в газете «Борго Тиднинг».³⁷ По данным исследователя торпарского вопроса В. Расила, это была первая публикация подобного рода в финляндской печати, которая долгое время оставалась единственной.³⁸ В ней дана объективная оценка положения мелких арендаторов.

Автор «Размышлений» прослужил 30 лет управляющим крупного имения и хорошо знал условия жизни торпарей. Взяться за перо управляющего заставили, по его словам, бесправное положение мелких арендаторов и многочисленные факты произвола землевладельцев, которые без всякого повода со стороны торпарей, руководствуясь лишь собственными желаниями и выгодой, изгоняли последних с обработанных ими участков, лишали крова и всех плодов их многолетнего труда.

По свидетельству управляющего, хозяева нередко изгоняли арендаторов за то, что те по причине своей бедности не в состоянии были выплачивать в полной мере арендную плату. Землевладельцы обвиняли торпарей в том, что они не желали повышать доходность торпы. Однако, как справедливо замечает автор «Размышлений», и бедность, и запущенность хозяйства торпаря являлись прежде всего следствием его кабальной зависимости от хозяина, принуждавшего арендатора отрываться от своего хозяйства и идти выполнять отработки в самую страдную пору и нанимать на свои поля рабочую силу со стороны.

Следует еще отметить, что арендатор особо и не стремился улучшать хозяйство торпы, он не был заинтересован в этом, ибо пользовался землей на основе неопределенного договора, действие которого хозяин мог прекратить в любое время или же мог увеличить размер платежей и повинностей, что, как правило, и делалось в случае повышения доходности арендуемых торпарем угодий. «От многих я слышал, — пишет управляющий, — что лучше спать, чем работать сверх того, что требуют, так как дополнительные усилия приведут лишь к повышению арендной платы».³⁹

Другой современник, известный историк И. Коскинен, желая подчеркнуть совершенно бесправное положение торпарей, сравнивал их с рабами. В 1860 г. Коскинен писал в журнале «Мехилиянен», что поскольку торпарь мог пользоваться арендуемым участком лишь до тех пор, «пока слушался во всем хозяина и был последнему по душе», и поскольку хозяин «мог по собственному желанию в любое время выселить торпаря и присвоить плоды многолетнего труда арендатора», то такое состояние можно оценивать лишь как рабство.⁴⁰

Юридически торпарь являлся батраком, который получал плату за труд в виде участка земли для ведения полевого хозяйства.⁴¹ В соответствии с постановлениями о работниках хозяева имели право держать под контролем также личную жизнь торпаря. По данным финского историка Э. Ютиккала, в господских имениях южной Финляндии имелось даже свое поместное законодательство, в соответствии с которым наказывали работников, включая и торпарей.⁴²

В 1764 г. торпарь получили право сами держать работников на тех же основаниях, что и податные крестьяне.⁴³ Это означало, что торпарь мог одновременно находиться в положении как феодально-зависимого работника, так и хозяина-эксплуататора.

Контракты об аренде не определяли общественного положения торпарей. Все же Варен упоминает в качестве яркого примера социального неравенства арендатора письменный контракт, в соответствии с которым торпарь обязан был всегда, проходя мимо дома хозяина, снимать шапку, даже если на крыльце не было никого из господ.⁴⁴

Хотя торпарь считались лично свободными, они были лишены политических и многих гражданских прав. В их положении имелись элементы унижительной зависимости. Фактически их право передвижения было ограничено. Они могли подвергаться телесному наказанию со стороны хозяев и были обязаны «оказывать почтение» землевладельцу и членам его семьи.

Бесправное положение торпарей позволяло владельцам земли поддерживать арендную плату на исключительно высоком уровне. Так, например, в восточной Финляндии торпарь, помимо отработок и различных платежей, должны были отдавать землевладельцу 1/3 урожая зерна, а с подсечных участков еще и 1/3 соломы. Если же торпарь, оказываясь в трудном положении, вынужден был брать у хозяина в долг семена, тогда оброк зерном поднимался до половины урожая.⁴⁵

В целом по стране в арендной плате торпарей в первой половине XIX в. продолжали преобладать отработки. Крупные земельные собственники и богатые крестьяне, в особенности в районах зернового хозяйства, где требовалось много рабочих рук, давали землю торпарям прежде всего с целью получения рабочей силы для своих хозяйств. В усадьбах же тех землевладельцев, где собственная запашка занимала небольшую площадь и рабочей силы использовалось сравнительно немного, главным образом в момент уборки урожая, в арендной плате торпаря преобладал оброк.

Землевладельцы обычно выделяли в аренду торпарям участки болота или малоценного леса, в освоение и обработку которых приходилось вкладывать много труда и сил. Нередко были случаи, когда торпарь, ценой огромных усилий освоивший участок, затем выселялся хозяином под видом наказания за нарушение условий аренды. Таким путем землевладельцы в сущности без всяких затрат расширяли площадь своего пахотного поля.

Поскольку законодательство предоставляло землевладельцам фактически полную свободу действий при заключении арендных договоров, последние диктовали торпарям такие условия, которые учитывали лишь интересы хозяев и ставили арендатора в максимально зависимое положение. Задавленная нуждой беднота была вынуждена арендовать землю на кабальных условиях. Определяя историческое место и значение отработок, В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» писал: «Отработки, это — прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки, это — переход от барщины к капитализму. . . Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков».⁴⁶ Положение финляндских торпарей-отработчиков полностью подтверждает справедливость ленинских слов.

Землевладельцы понимали, что, чем неопределеннее будут условия аренды и права торпаря на участок, тем неустойчивее и неувереннее будет чувствовать себя торпарь. Такого арендатора легче держать в повиновении, он вынужден безропотно выполнять волю хозяина.

Учитывая вышесказанное, становится понятным, почему землевладельцы всегда включали в письменные договоры пункты о том, что торпарю выделена земля и что он должен за нее вносить арендную плату, и в то же время не всегда указывали даже площадь арендованного участка, не говоря уже о точном определении размера ежегодной арендной платы и срока действия контракта.⁴⁷

В тех же случаях, когда договоры включали множество пунктов, положение торпаря не становилось ни легче, ни устойчивее, так как новые пункты означали дополнительные повинности и новые ограничения прав торпаря на арендованный участок.

О произволе землевладельцев при составлении арендных договоров и полном игнорировании ими требований законов свидетельствует, в частности, форма письменных контрактов, отпечатанных в 1861 г. в типографии финского литературного общества для Йокиоской усадьбы.⁴⁸ В соответствии с этой формой торпарь помимо указанных в соглашении отработок обязан был выполнять сверхурочные дни в тех случаях, когда распоряжение об этом оглашалось в церкви. За эти дни торпарь получал 17 к. в день или же работал бесплатно, находясь на содержании хозяина. Размер и время выполнения почтовой и дорожной повинностей также зависели от воли землевладельца. Если хозяин заявлял об отказе от арендного соглашения ранее 21 декабря, то арендатор обязан был оставить торпу не позднее 14 марта уже следующего года, хотя по закону торпарь имел право ждать до 14 марта второго года. Землевладельцы имели полное основание сомневаться в том, что столь кабальные условия не вызовут у торпарей стремления уклониться от их выполнения. Поэтому составители соглашения включили в него пункт, который предупреждал торпаря о том, что «непослушание или невыполнение

арендаторами этих условий... ведут к расторжению данного контракта».

Из-за повышения цен на лес и землю условия аренды с годами становились все более тяжелыми.⁴⁹ Так, например, форма контракта в Йокносской усадьбе включала в 1870 г. уже 25 пунктов, кроме которых имелось приложение, состоявшее из таблицы стоимости сверхурочных дней и 15 параграфов, регламентирующих использование леса. В соответствии с требованиями данного контракта отработки следовало выполнять «безропотно», имея свое питание и свои орудия труда. Продолжительность рабочего дня составляла летом 15 часов, из которых два отводились на время еды. Чтобы добиться максимального сбережения лесов и сокращения размеров расходования торпарями древесины, землевладельцы устанавливали даже длину пня при заготовке леса для строительных нужд арендатора и регламентировали число отапливаемых в торпе помещений. В контракты нередко включались предписания, в соответствии с которыми торпари обязаны были следить друг за другом и сообщать владельцу земли о самовольном использовании леса.⁵⁰

Следует еще отметить, что по мере увеличения численности безземельного населения нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве, имевшая место в XVIII в., сменилась постепенно в XIX в. ее избытком. В связи с этим положение торпарей становилось с годами еще менее устойчивым, так как землевладельцу теперь было легче найти замену неуголному арендатору. Последнее обстоятельство позволяло хозяевам повышать арендную плату торпарей без опасения лишиться работника. Экономическое положение торпарей ухудшалось в XIX в. и по причине роста размеров платежей, которые взимались с них на различные нужды коммун и на содержание бедных.⁵¹

С точки зрения арендатора важными факторами являлись точное определение и продолжительность срока аренды. Где он был длительным, там арендатор мог спокойнее планировать свою жизнь на десятки лет вперед, но где соглашение в любое время могло быть расторгнуто, там, естественно, торпарь не старался особенно работать не только в хозяйстве владельца земли, но и на полях торпы.

Для землевладельцев торпарская система являлась прежде всего источником такой рабочей силы, которую можно было использовать в любое удобное для своего хозяйства время и главным образом в период полевых работ. Поэтому было обычным, что по настоянию землевладельцев в арендное соглашение включался пункт об обязанности торпаря отрабатывать помимо основных еще и сверхурочные дни, причем в страдную пору или «по требованию» хозяина. Среди изученных Вареном контрактов 55 % содержали предписание о сверхурочных днях, а 39 % обязывали торпаря выполнять отработки в счет арендной платы летом. В некоторых контрактах торпарю запрещалось работать на стороне.⁵²

Бесправие и кабальные условия аренды земли ставили торпаря повсеместно в исключительно тяжелое положение. Все это свидетельствует о сохранении полуфеодалных черт эксплуатации торпарей и отсутствии для них полной гражданской свободы. В правовом отношении торпари оставались кабально зависимыми мелкими арендаторами-отработчиками и подвергались все усиливавшейся эксплуатации со стороны владельцев земли.

Торпарская система продолжала, таким образом, и в первой половине XIX в. являться одной из форм полуфеодалных отношений в землепользовании Финляндии, ибо ее основу составляли аренда земли за отработки и издольщина, которые позволяли землевладельцу подвергать арендатора полукрепостнической эксплуатации.

Изменения численности торпарей в первой половине XIX в. и возникновение торпарского вопроса

Отмена ограничений, касавшихся создания частновладельческих торп на податной и казенной земле, способствовала, как уже отмечалось, быстрому росту числа торпарей в Финляндии во второй половине XVIII в. Несмотря на тяжелые условия мелкой аренды земли, общее число торпарей в стране продолжало увеличиваться и в первой половине XIX в. В условиях, когда дробление крестьянских наделов было сильно ограничено, а для покупки земли требовались большие средства, быстро растущее сельское население, не имея других возможностей для получения средств к существованию, вынуждено было прибегать к аренде земли за отработки. Количество торпарских хозяйств в Финляндии увеличилось за 1805—1865 гг. в целом по стране более чем в два с половиной раза (с 24 тыс. до 63 тыс.).⁵³

Хотя общая численность торпарей в Финляндии продолжала увеличиваться в XIX в., все же их доля среди сельского населения росла теперь значительно медленнее, чем во второй половине XVIII в. Так, если за 1754—1805 гг. доля торпарей среди самостоятельного сельского мужского населения поднялась с 4.5 до 11.3 %, то за 1825—1875 гг. — лишь с 11.7 до 12.3 %.⁵⁴

Мелкая аренда земли за отработки достигла в Финляндии своей кульминации в 60-е гг. XIX в. После этого число торп в целом по стране оставалось до принятия закона о выкупе торпарских участков (1918 г.) примерно одинаковым.⁵⁵

Развитие торпарской системы в первой половине XIX в., как и в более ранние времена, происходило неравномерно в разных частях страны, а в отдельных провинциях рост числа торп в рассматриваемый период прекратился и началось даже сокращение их численности.

Рост числа торп замедлился, а затем и полностью прекратился раньше всего в господских усадьбах юго-западной части Финлян-

дии,⁵⁶ где у привилегированных собственников к началу XIX в. осталось уже немного таких неосвоенных угодий, которые их владельцы считали для себя экономически выгодным отдавать в аренду торпарям.

В крупных хозяйствах юго-запада Финляндии в первой половине XIX в. все шире применялся труд семейных батраков, которые получали в качестве платы не полевой надел, как торпары, а лишь отдельное жилье и различные виды натуральной оплаты (дрова, одежду, обувь, продукты питания). По подсчетам Э. Ютикала, в указанном районе уже в 1807 г. торпарей было меньше, чем в какой-либо другой части страны, а главную рабочую силу имений составляли батраки.⁵⁷ Все шире использовали в качестве рабочей силы семейных батраков вместо торпарей также землевладельцы южной приморской части Финляндии. Поэтому численность торпарей здесь в начале XIX в. была относительно небольшой, в то время как количество батраков быстро росло.⁵⁸

По мере развития товарно-денежных отношений все большее число хозяйств крупных земельных собственников, в том числе и зажиточных крестьян, приобретает коммерческий характер, расширяет производство продукции на рынок. А чтобы увеличить выпуск товарной продукции при экстенсивном ведении сельского хозяйства, необходимо было расширять площадь полей и лугов. Стремясь повысить товарность своих хозяйств, часть владельцев имений стала не только отказываться от создания новых торп, но приступила даже к ликвидации уже существовавших, считая более рентабельным присоединить поля торпарей к пашне основного хозяйства.

В силу вышеперечисленных причин рост торпарских хозяйств в Финляндии в первой половине XIX в. происходил главным образом за счет образования их на землях крестьян, которые значительно позже, чем представители высших сословий, получили право на создание торп. В менее освоенных, чем юг, районах страны новые торпы основывались в XIX в. также в господских усадьбах.⁵⁹

Среди провинций Финляндии рост числа торп прекратился раньше всех (в 1830-е гг.) в Нюландии (Уусимаа), где торпарская система на дворянских землях развивалась уже давно и где крестьянской земли было относительно немного.⁶⁰ Здесь в первой половине XIX в. в крупных хозяйствах все шире применялся труд семейных батраков. Наиболее широко его использовали землевладельцы восточной части Нюландии.⁶¹

На развитие торпарской системы в Нюландии влияло, как справедливо подметил В. Расила, также то, что эта провинция располагалась в южной приморской части страны, через которую шла значительная доля внешней торговли, и здесь же находилась столица княжества, являвшаяся относительно крупным морским портом. Все это позволяло безземельной сельской бедноте находить работу и получать средства к существованию без необходимости становиться торпарями.⁶²

К середине XIX в. рост торпарских хозяйств прекратился также в южной части Тавастландии (Хяме). Аналогичное явление имело место и в провинции Финланд (Варсинайс-Суоми), где в дворянских усадьбах уже в XVIII в. начали переходить к использованию труда семейных батраков, так как здесь пустоши были к тому времени в основном все освоены и торпарская система лишилась одного из главных условий для своего дальнейшего развития. В северных частях провинций Тавастландия и Сатакунта, напротив, число торп продолжало и в XIX в. расти.⁶³

В провинции Эстерботния (Похъянмаа) в рассматриваемые десятилетия имелись еще значительные площади земельных угодий, в частности болот, пригодных для освоения под посевы. Поэтому здесь площадь пашни продолжала непрерывно расширяться. Одновременно росло число самостоятельных крестьянских хозяйств, прежде всего за счет раздела уже существовавших. Но особенно быстрыми темпами в Эстерботнии увеличивалось количество торп. Так, например, за 1815—1870 гг. количество самостоятельных дворов выросло примерно на 55 % (с 18 431 до 28 562), а торпарских — почти в три с половиной раза (с 4450 до 15 292). Причем торпы создавались почти исключительно на крестьянской земле, так как в указанной провинции было совсем немного дворянских имений.⁶⁴

В восточной части Финляндии слабое развитие торпарской системы в первой половине XIX в. определялось прежде всего сравнительной скудностью пригодных для земледелия площадей. Непогодородные и каменистые почвы провинций Саволаккс (Саво) и Карьяла было очень трудно осваивать под поля. Поэтому здесь до начала XIX в. подсечное хозяйство играло не меньшую роль в земледелии, чем пашенное. Именно саволакское зерно с подсека обеспечивало Финляндии достаток в хлебе в урожайные годы. Еще и в 1820-е гг. во многих волостях упомянутых провинций ржи собирали с подсека больше, чем с постоянных полей. До тех пор пока хватало лесов, а древесина не представляла большой ценности да к тому же еще и население было немногочисленным, все желающие могли заниматься подсеками на своих или соседских землях. Но эта форма хозяйства требовала больших площадей, кроме того, использованные участки нуждались в отдыхе минимум в течение 30 лет, чтобы их можно было снова засеивать. Уже с 1830-х гг. площадь подсечных посевов начинает быстро уменьшаться. Перечисленные выше причины объясняют как медленный рост числа торп, так и более тяжелые в сравнении с остальной частью страны условия аренды земли в восточной Финляндии. Количество торпарских хозяйств здесь увеличилось за 1815—1870 гг. лишь на 27,6 % (с 9184 до 11 723).⁶⁵

Совершенно своеобразной территорией была Выборгская губерния, где основную часть крестьянского населения составляли арендаторы самостоятельных хозяйств на дарственных землях. Поэтому торпарская система достигла здесь относительно незна-

чительных размеров, и в середине XIX в. на долю торпарей приходилось менее 3 % общего числа мужского самостоятельного населения, занятого в сельском хозяйстве.⁶⁶

На развитие торпарской системы землепользования в Финляндии в рассматриваемые десятилетия все большее влияние, причем сдерживающее, оказывал и такой фактор, как повышение ценности леса. Расширение торпарской системы противоречило интересам лесного хозяйства. Каждая новая торпа увеличивала расход древесины на строительство и топливо, расчистка целины под пашню вела к сокращению площади лесных угодий. До тех пор пока стоимость леса была незначительной, на это не обращали особого внимания. Но по мере роста спроса и цен на древесину в связи с расширением производства и экспорта пиломатериалов повышалась стоимость лесных участков и землевладельцам становилось все выгоднее продавать лес промышленникам, а не отдавать участки с лесом под торпы.⁶⁷

Начиная с 1860-х гг., когда были отменены все ограничения в лесопильной промышленности и она переживала крутой подъем, а среди лесопромышленников развернулась исключительно острая конкурентная борьба на рынке сырья, предприниматели начали в массовом порядке скупать крупные участки леса.

Замедление темпов развития системы торпарской аренды в Финляндии в целом по стране в первой половине XIX в., прекращение роста и даже уменьшение количества торп в отдельных провинциях были вызваны, таким образом, несколькими причинами. Одной из главных среди них явилось обострение земельного вопроса в стране, повышение стоимости земли и в особенности леса.

Расширение товарного хозяйства, становление капиталистических отношений в сфере сельскохозяйственного производства и торгово-промышленного предпринимательства повышали спрос на землю, поднимали ценность угодий, пригодных для сельского и лесного хозяйства.

Повышение стоимости земли побуждало землевладельцев сокращать число торп или же поднимать арендную плату. Дополнительные повинности и платежи, естественно, ухудшали и без того тяжелое материальное положение арендаторов, вели к разорению многих торпарских хозяйств и вынуждали торпарей уходить с арендуемого участка без формального принуждения со стороны хозяина.

Сокращение числа торпарей в отдельных местностях юга страны происходило и в связи с участившимися отказами самих торпарей от арендуемых участков. С развитием промышленности и торговли у безземельных появлялись помимо аренды земли и другие возможности, причем менее тяжелые, зарабатывать на жизнь.

Итак, торпарская система расширялась до тех пор, пока для безземельных существовала возможность получения земли в аренду на сносных условиях. Но по мере того как количество предлагаемой в аренду земли уменьшалось, а неимущее население,

напротив, непрерывно увеличивалось, условия аренды ухудшались, что привело сначала к замедлению, а затем постепенно и к прекращению роста торпарской системы аренды земли.

Низкая производительность труда мелких арендаторов, обусловленная неопределенностью контрактов, неустойчивостью их положения, растущим гнетом, вызывала все большее беспокойство у землевладельцев, особенно у тех, в усадьбах которых торпари-отработчики составляли основу рабочей силы. Крупные землевладельцы Финляндии даже провели в 40-е гг. дискуссию на страницах периодической печати по вопросу об экономической рентабельности торпарской системы, о выгоде использования торпарей-отработчиков в сравнении с другими категориями рабочей силы, прежде всего с семейными батраками, численность которых в стране быстро росла. При этом землевладельцев волновал прежде всего вопрос о причинах низкой эффективности труда торпарей.⁶⁸

В районах помещичьего землевладения уже в первой половине XIX в. возник, таким образом, своеобразный торпарский вопрос, а точнее вопрос о том, какие категории работников наиболее выгодно использовать в крупном частном хозяйстве и какими путями повысить заинтересованность арендаторов при выполнении ими отработочной повинности на земле хозяина.

Пытаясь найти ответ на вторую часть вопроса, одни предлагали давать торпарю землю в аренду на определенный и притом продолжительный срок и к тому же еще расширить его права на пользование лесными и другими угодьями арендодателя и таким путем побудить его лучше работать и в хозяйстве землевладельца. Другие, напротив, считали, что торпаря следует ставить в максимально неустойчивое положение, ибо лишь постоянная угроза выселения заставляет его во всем слушаться хозяина и работать с наибольшей отдачей своих сил. Третьи видели главный недостаток торпарской системы в большой удаленности торп от господского хозяйства, что отнимало у торпаря и его лошади при выполнении отработок много сил и времени на дорогу и снижало производительность их труда.

По мнению четвертых, которые были ближе всего к истине, землевладельцы сами были виноваты в малоэффективности труда торпарей, так как устанавливали чрезвычайно высокую арендную плату за торпу и к тому же еще требовали от арендатора выполнения многочисленных сверхурочных отработок, в особенности летом. Все это подрывало хозяйство торпы, ставило торпаря и его семью в тяжелое материальное положение и в конечном счете лишало возможности и желания выполнять свои обязанности по отношению к землевладельцу.

Вопрос о предпочтительности использования той или иной категории работников возник у землевладельцев прежде всего по причинам экономического характера. Однако уже в 40-е гг. XIX в. встал вопрос и о том, какая категория сельскохозяйственных работников, в частности торпари или батраки, была более жела-

тельна и менее опасна для имущих классов как общественно-политическая сила.

Так, например, газета «Або Ундерряттелсер» в номере от 20 апреля 1844 г. писала, что торпары, привязанные к земле долгосрочными контрактами об аренде, были с точки зрения общественной безопасности более надежными, чем батраки, которые находились на положении неприкрепленных к земле и своим хозяйствам промышленных рабочих. Далее газета предупреждала владельцев имений о том, что в крупном хозяйстве с большим количеством батраков им так же легко было объединиться для совместного выступления, как и рабочим промышленных предприятий.⁶⁹

Хотя газетная полемика вскоре прекратилась, вопрос о рабочей силе для крупных хозяйств и в особенности о причинах низкой производительности труда торпарей не только не сошел с повестки дня, а, напротив, становился все более актуальным, так как землевладельцы стремились повысить товарность сельскохозяйственного производства. Об этом говорит, например, тот факт, что данный вопрос был включен в повестку дня пятого по счету общего собрания землевладельцев Финляндии, состоявшегося в 1860 г. По мнению одного из участников собрания, барона А. Вреде, эффективность труда торпарей можно было повысить лишь в том случае, если арендные соглашения будут иметь продолжительный срок действия и четко определять обязанности торпаря.⁷⁰

Главную причину нежелания торпарей работать в полную силу многие видели в неопределенности их положения. «Без уверенности собрать урожай никто не сеет... Никто не осмелится вложить сбереженные средства на улучшение жилья или других построек, а также на освоение новых угодий, если ему приходится опасаться, что его средства и труды пропадут», — писала газета «Суомен Юлкиса Саномиа» в номере от 5 марта 1857 г.⁷¹

Лучшим способом разрешения проблемы считали долгосрочный и письменно оформленный контракт об аренде, в котором, как уже отмечал автор «Размышлений старого управляющего», были бы точно определены размер аренды, количество и время выполнения отработок.⁷²

В 1860 г. в обсуждение торпарского вопроса включился также видный историк И. Коскинен. Он обращал внимание читателей на бесправное положение торпарей.⁷³

Участниками дискуссии являлись представители высших слоев общества. Некоторые из них сочувствовали находившимся в бесправном и тяжелом материальном положении торпарям и пытались облегчить условия аренды земли, призывая землевладельцев относиться к торпарям более доброжелательно и гуманно.

Дискуссия по торпарскому вопросу прекратилась в печати на некоторое время после опубликования в 1864 г. постановления о скаттовых землях, в состав которого был включен пункт и об аренде торпы. Данный пункт, предписывавший при заключении арендного соглашения с торпарем обязательно устанавливать точ-

ный размер арендной платы за год, видимо, удовлетворил сторонников упрочения правового положения торпарей.

В 1860-е гг. вопрос о торпарях и вообще о безземельных превратился в одну из наиболее острых социально-экономических проблем в Финляндии. Проблема эта возникла по целому ряду причин. Среди них необходимо назвать прежде всего такие, как усиление недовольства среди мелких арендаторов и обострение их отношений с землевладельцами, что являлось следствием повышения арендной платы и усиления эксплуатации торпарей, приведших к ухудшению их положения.

Ограничение прав торпарей на пользование лесом также обостряло отношения между землевладельцами и арендаторами. Кроме того, права торпарей на охоту, рыболовство, пастьбу скота, сбор ягод в угодьях арендодателя также были в прежние времена относительно широкими. Но по мере роста значимости перечисленных выше занятий, угодий и продуктов землевладельцы постепенно ограничивали права арендаторов и в этом отношении.⁷⁴

Непримиримые классовые противоречия между землевладельцами и торпарями существовали всегда, с самого момента появления системы мелкой аренды земли за отработку. Но в период низкого общего уровня экономического развития Финляндии, господства натурального хозяйства и патриархальных отношений, когда по образу жизни, всему жизненному укладу торпари и их хозяева, в особенности крестьяне, мало чем отличались друг от друга, эти противоречия не столь четко и резко проявлялись. Развитие товарного хозяйства и торговли привело к большим изменениям в образе жизни землевладельцев, прежде всего крупных. Расширение рыночных связей увеличивало потребность в деньгах, побуждало хозяев требовать с торпарей все новые платежи и повинности, что обостряло противоречия между ними, антагонизм в их отношениях.

С усилением эксплуатации росло не только недовольство торпарей, но и их сопротивление произволу хозяев. Активизации действий торпарей против своих эксплуататоров способствовало также увеличение их численности. Рост рядов мелких арендаторов, их концентрация в отдельных районах и в особенности в наиболее крупных имениях облегчали им совместные действия, в ходе которых возникало и крепло чувство общности интересов. В 60-е гг. имели место уже коллективные действия торпарей в свою защиту, выразившиеся в отказах выполнять непрерывно растущие повинности. Пытаясь защитить свои интересы, торпари обращались с жалобами на произвол хозяев к властям, вплоть до Петербурга.⁷⁵

Активизация действий торпарей, причем коллективных, свидетельствовала об обострении классовых противоречий в финляндской деревне и, в частности, противоречий между безземельными арендаторами и собственниками земли, т. е. между угнетенными и угнетателями.

Совместные действия торпарей в защиту своих прав начались раньше всего в тех местностях, где их положение было наиболее тяжелым, а численность и концентрация наиболее высокими. Это ускорило и облегчило начало совместной борьбы мелких арендаторов. Удельный вес торпарей на юго-западе провинции Тавастландия в приходе Таммела был выше, чем в какой-либо другой части страны. Здесь раньше, чем где-либо, достигли большого обострения отношения между торпарями и хозяевами и началось движение арендаторов против усиления гнета со стороны землевладельцев.⁷⁶

Увеличение числа безземельных и рост недовольства арендаторов вызывали среди имущих слоев растущее опасение, что могут возникнуть открытые социальные конфликты, аналогичные тем, которые уже имели место в других странах. Поэтому либерально настроенные представители высших сословий уже в 40-е гг. XIX в. высказывались за предоставление крестьянам большей свободы при разделе наделов, что дало бы возможность детям крестьян получить землю в собственность и, следовательно, замедлило бы темпы пролетаризации сельского населения. В 60-е гг. начали выдвигаться предложения о превращении торпарей в самостоятельных землевладельцев путем передачи им арендованных участков в собственность. Предлагая властям пойти на реформы, либералы хотели сократить численность безземельных и таким путем смягчить остроту социальных противоречий в финляндской деревне.

Против каких-либо изменений в аграрной политике были консервативно настроенные привилегированные представители высших сословий и прежде всего крупные землевладельцы-дворяне.

Наиболее четко и полно позиция сторонников изменения действовавшего аграрного законодательства в направлении ликвидации феодального правопорядка была изложена в статье, опубликованной в газете «Суометар» за 10 июля 1865 г.⁷⁷ Статья была написана в форме диалога между двумя землевладельцами, Томми и Микко. Первый придерживался либеральных взглядов, доказывая необходимость учета интересов торпарей, а второй являлся представителем консерваторов, не желавших даже и слышать о либерализации аграрной политики, о каком-либо расширении поземельных прав торпарей на арендованные ими участки и считавших это посягательством на право собственности землевладельцев.

Диалог являлся одновременно обращением к консерваторам с призывом пойти на некоторые уступки безземельным, и в то же время в нем содержалось предостережение землевладельцам, что в случае их отказа сделать это добровольно они позднее могут лишиться большего в принудительном порядке.

Свою точку зрения Томми обосновывал не только экономической целесообразностью и соображениями гуманности. Ссылаясь на такие события в России и Америке, как падение крепостного права и отмена рабства, Томми напоминал, что

законы, права и привилегии не вечны, а зависят от соотношения сил в обществе и поэтому могут быть изменены даже против желания тех, кому они выгодны. Далее внимание Микко обращалось на то, что по мере повышения арендной платы на землю и ухудшения положения торпарей среди них быстро растет недовольство, они все чаще начинают объединяться для совместных действий против землевладельцев и выдвигать свои требования сообща. Кроме того, неуступчивость консерваторов ведет к непрерывному росту численности безземельных и обострению социальных противоречий. Из сказанного делался вывод о назревании и неизбежности в Финляндии острой классовой борьбы, если землевладельцы и власти не пойдут на уступки торпарям.

Рассмотренная статья — это проявление растущего страха у части господствующего класса перед неумирующим населением и перед угрозой классовой борьбы. Предложения учитывать положение торпарей, пойти им на уступки являлись также следствием активизации сопротивления мелких арендаторов землевладельцам, которые повышали арендную плату, вводили все новые платежи и повинности.

Таким образом, усиление эксплуатации арендаторов привело к росту недовольства среди торпарей, обострению их отношений с землевладельцами и возникновению в Финляндии так называемого торпарского вопроса. Несмотря на замедление, а затем и прекращение роста системы мелкой аренды земли за отработки, торпарский вопрос не сходил с повестки дня. Напротив, не теряя остроты, проблема арендных отношений принимала с годами все более широкий размах, так как начался рост новой категории арендаторов — хибарочников. Это была система, основанная на аренде мельчайших, крохотных участков земли под жилье и огород.

Арендные отношения в землепользовании затрагивали, таким образом, интересы все большей части населения страны в лице различных категорий арендаторов (ландбауеров, торпарей, хибарочников), с одной стороны, и арендодателей — с другой. Поэтому торпарский вопрос являлся составной частью более широкой социально-экономической проблемы, порожденной непрерывным и быстрым ростом в стране безземельного населения, вынужденного в поисках средств существования прибегать к различным формам аренды земли.

¹ *Liakka N.* Maatalous // Suomen kulttuurihistoria. Jyväskylä, 1936. Osa 4. S. 45.

² *Jutikkala E.* Varallisuussuhteet Suomessa Ruotsin-ajan päättyessä // Hist. aikak. 1949. N 3. S. 191.

³ Suomen väestön säätö- ja ammattiryhmitys vuosina 1751—1805 / Toim. G. Fougstedt, A. Raivio. Helsinki, 1953. S. 40—41; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen kehityksen pääpiirteet Ruotsinvallan aikana. Helsinki, 1909. S. 246—247, Liitteitä. S. 76, 78; *Jutikkala E.* 1) Varallisuussuhteet Suomessa... S. 191; 2) Suomen talonpojan historia. Helsinki, 1958. S. 258—259; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys vuoteen 1909. Helsinki, 1961. S. 21—22; *Alanen A. J.* Suomen historia kustavilaisella ajalla. Helsinki, 1964. S. 166, 564.

⁴ Общее уложение Финляндии 1734 года и дополнительные к нему узаконения с приложениями и указателями: В 3-х т. Т. 1: Общее уложение / Сост. Н. Н. Корево. СПб., 1912. С. 115, 119; *Хультин Т.* Сельское население // Финляндия / Под ред. Д. Протопопова. СПб., 1898. С. 213; *Utdrag utur alla ifrån år 1787 utkomme Publique Handlingar... Fjortonde delen til 1790 års slut.* Stockholm, 1804. S. 289—290, 319.

⁵ *Jutikkala E.* 1) *Varallisuussuhteet Suomessa...* S. 185—186, 189; 2) *Suomen talonpojan historia.* S. 259, 298; *Alanen A. J.* *Suomen historia kustavilaisella ajalla.* S. 564; *Juva M.* *Kansallinen herääminen: Suomen kansan historia.* Helsinki, 1966. Osa 4. S. 151—152; *Pohjolan-Pirhonen H.* *Kansakunta etsii itseään, 1772—1808: Kansakunnan historia.* Porvoo, 1970. Osa 2. S. 565—570.

⁶ Сельское хозяйство Финляндии: Его развитие и современное состояние. Гельсингфорс, 1896. С. 56; *Jutikkala E.* *Suomen talonpojan historia.* S. 301.

⁷ *Kilpi O. K.* *Suomen ammatissatoimiva väestö ja sen yhteiskunnalliset luokat vuosina 1815—75: Maaseutu.* Helsinki, 1913. Osa 1. S. 146, 236, 237, 243—245; *Jutikkala E.* *Torpparikysymys // Oma maa: Tietokirja Suomen kodeille / Toim. E. Linkomies.* Porvoo; Helsinki, 1961. Osa 10. S. 224; *Haatanen P.* *Suomen maalais köyhälistö tutkimusten ja kaunokirjallisuuden valossa.* Porvoo, 1968. S. 27, 33, 64, 65, 108; *Pohjolan-Pirhonen H.* *Kansakunta löytää itsensä, 1808—1855: Kansakunnan historia.* Porvoo, 1973. Osa 3. S. 638.

⁸ *Kilpi O. K.* *Suomen ammatissatoimiva väestö...* S. 145, 146.

⁹ *Juva M.* *Kansallinen herääminen.* S. 152—154.

¹⁰ *Pohjolan-Pirhonen H.* *Kansakunta löytää itsensä...* S. 638; *Juva M.* *Kansallinen herääminen.* S. 151—152.

¹¹ *Gebhard H.* *Maanviljelysväestö: Sen suhde muihin elinkeinoryhmiin ja sen yhteiskunnallinen kokoonpano Suomen maalaiskunnissa v. 1901.* Helsinki, 1913. S. 96; *Voionmaa V.* *Suomen maatalouden kehityskaudet // Suomen maatalous.* Porvoo, 1922. Osa 1. S. 204; *Jutikkala E.* *Suomen talonpojan historia.* S. 340—341; *Soininen A. M.* *Vanha maataloutemme: Maatalous ja maatalousväestö Suomessa perinnäisen maatalouden loppukaudella 1720-luvulta 1870-luvulle.* Helsinki, 1974. S. 42, 48; *Aalto T.* *Kansakunta kerää voimia, 1855—1890: Kansakunnan historia.* Porvoo, 1976. Osa 4. S. 186.

¹² *Utdrag utur alla ifrån år 1783 utkomme Publique Handlingar... Trettonde delen til 1786 års slut.* Stockholm, 1803. S. 71—73; *Nohrström W.* *Isojaot Suomessa Venäjänvallan aikana // Suomen maanmittauksen historia: Venäjänvallan ja itsenäisyyden aika.* Porvoo, 1933. Osa 2. S. 34—35, 105—106; *Jutikkala E.* *Suomen talonpojan historia.* S. 249, 255—256, 308—309; *Juva E. W., Juva M.* *Suomen kansan historia: Ruotsin ajan loppukausi.* Helsinki, 1965. Osa 3. S. 283—284.

¹³ *Собрание постановлений финляндских.* СПб., 1903. Т. 2. С. 239; *Игельстром А. В.* *Поземельные отношения в Финляндии // Вестн. Европы.* 1900. № 12. С. 691; *Шиловский П.* *Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии.* СПб., 1903. С. 52; *Jutikkala E.* *Suomen talonpojan historia.* S. 344. Фрельзовая земля потеряла свой привилегированный характер, после того как в 1924 г. был отменен поземельный налог (см.: *Haataja K.* *Maaoikeus.* Helsinki, 1936. Osa 1. S. 314).

¹⁴ ЦГА СССР. Ф. 1361, оп. 2, д. 34, л. 1, 1 об., 31 об., 32; д. 35, л. 51, 69 об., 70; д. 37, л. 2 об.; д. 42, л. 38 об., 69; *Jutikkala E.* *Suomen talonpojan historia.* S. 191; *Alanen A. J.* *Suomen historia kustavilaisella ajalla.* S. 161.

¹⁵ Общее уложение Финляндии 1734 года... Т. 1. С. 171; *Хультин Т.* *Сельское население.* С. 212.

¹⁶ *Собрание постановлений финляндских.* СПб., 1904. Т. 3. С. 76; Общее уложение Финляндии 1734 года... Т. 1. С. 72, 77, 83, 85, 95, 119, 167, 171; *Harvio J.* *Maatilan osittamiset vuoden 1809 jälkeen // Suomen maanmittauksen historia: Venäjänvallan ja itsenäisyyden aika.* Porvoo, 1933. Osa 2. S. 6, 17; *Haataja K.* *Maaoikeus.* S. 37, 186—187, 198.

¹⁷ Общее уложение Финляндии 1734 года... Т. 1. С. 112, 173; *Шиловский П.* *Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии.* С. 68; *Jutikkala E.* 1) *Varallisuussuhteet Suomessa...* S. 185; 2) *Suomen talonpojan historia.* S. 231—232.

¹⁸ *Собрание постановлений финляндских.* СПб., 1902. Т. 1. С. 140—141; *Бородкин М.* *История Финляндии: Время императора Александра II.* СПб., 1908.

C. 226, 296; *Бобович И. М.* Состояние сельского хозяйства «старой Финляндии» в конце XVIII—начале XIX в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1977. Вып. 22. С. 31—43; *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 217; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 358, 361, 367; *Pohjolan-Pirhonen H.* Kansakunta löytää itsensä... S. 268, 271.

¹⁹ *Kilpi O. K.* Suomen ammatissatiomiva väestö... Osa 1. S. 244; *Pohjolan-Pirhonen H.* Kansakunta löytää itsensä... S. 641.

²⁰ *Kilpi O. K.* Suomen ammatissatiomiva väestö... Osa 1. S. 245—246; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 42.

²¹ *Kilpi O. K.* Suomen ammatissatiomiva väestö ja sen yhteiskunnalliset luokat vuosina 1815—75. Osa 2 : Kaupungit; Osa 3 : Koko maa. Helsinki, 1915. S. 52.

²² Общее уложение Финляндии 1734 года... Т. 1. С. 109—111; *Геггард Г.* Финляндские торпари / Пер. с финского. СПб., 1914. С. 3—5; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 375; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 36—40.

²³ Общее уложение Финляндии 1734 года... Т. 1. С. 111—112.

²⁴ Там же. С. 112—113; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 41—42.

²⁵ Общее уложение Финляндии 1734 года... Т. 1. С. 114.

²⁶ Utdrag utur alla ifrån den 19 augusti 1772 utkomme Publique Handlingar... Tionde delen til 1776 års slut. Stockholm, 1801. S. 464; *Waren A.* Torpparioloista Suomessa. Helsinki, 1898. S. 113—114; *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 203; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 42; *Alanen A. J.* Suomen historia kustavilaisella ajalla. S. 166.

²⁷ См.: Общее уложение Финляндии 1734 года... Т. 1. С. 109, 110, 114; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden historialliseen kehitykseen ruotsalais-suomalaisessa lainsäädännössä. Helsinki, 1912. S. 56—59; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 42—43; *Alanen A. J.* Suomen historia kustavilaisella ajalla. S. 167.

²⁸ *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 43.

²⁹ Ibid. S. 55.

³⁰ *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 60.

³¹ Ibid.

³² Сборник постановлений Великого княжества Финляндского за 1864 г. Гельсингфорс, 1865. № 29; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 60—61; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 43.

³³ Общее уложение Финляндии 1734 года... Т. 1. С. 109; Т. 2. Приложения. С. 457. *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 373.

³⁴ *Waren A.* Torpparioloista Suomessa. S. 130.

³⁵ Ibid. S. 179.

³⁶ *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 59—60.

³⁷ Текст письма см.: *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 75—76.

³⁸ Ibid. S. 76.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ *Koskinen Y.* Kansallisia ja yhteiskunnallisia kirjoituksia : Ensimmäinen osa. 1851—1862. Helsinki, 1904—1905. S. 287—288.

⁴¹ *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 55.

⁴² *Jutikkala E.* Läntisen Suomen kartanolaitos Ruotsin vallan viimeisenä aikana. Helsinki, 1932. Osa 2. S. 199, 208.

⁴³ *Gylling E.* Suomen torpparilaitoksen... S. 184; *Gadolin A. W.* Katsaus maanvuokraoikeuden... S. 55; *Kallio T.* Palvelijapolitiikasta Suomessa 18. vuosisadalla. Helsinki, 1913. S. 75.

⁴⁴ *Waren A.* Torpparioloista Suomessa. S. 385.

⁴⁵ *Lilius A.* Tilattoman väen oloista Kuopion läänissä. Helsinki, 1888. S. 7; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 370—373; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 36—40.

⁴⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 72—73.

⁴⁷ *Liakka N.* Orisbergin ruukki ja maatila. Porvoo, 1920. S. 121—126; *Waren A.* Torpparioloista Suomessa. S. 115, 130; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 55—56.

⁴⁸ *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 56.

⁴⁹ *Helander A. B.* Suomen metsätalouden historia. Helsinki, 1949. S. 286—287; *Kaukovaal K. V.* Hämeen läänin historia. Hämeenlinna, 1931. Osa 2. S. 953—954.

- ⁵⁰ *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 56—57.
- ⁵¹ См.: *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 39.
- ⁵² *Waren A.* Torpparioloista Suomessa. S. 278—283.
- ⁵³ *Kilpi O. K.* Suomen ammatissatoimiva väestö... Osa I. S. 146, 235, 237; Suomen väestön... S. 19, 40—41; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 21—22.
- ⁵⁴ *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 40.
- ⁵⁵ *Voionmaa V.* Suomen maatalouden kehityskaudet. S. 216; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 21—22.
- ⁵⁶ *Aalto T.* Kansakunta kerää voimia... S. 186; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 339—341.
- ⁵⁷ *Jutikkala E.* Läntisen Suomen kartanolaitos Ruotsin... S. 229—258.
- ⁵⁸ *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 71.
- ⁵⁹ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 340, 351, 354; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 23.
- ⁶⁰ В Нюландии еще в 1900 г. дворяне продолжали владеть 13,5 % всей земли, в то время как в целом по стране в их владении находилось лишь 0,99 % (см.: *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 23).
- ⁶¹ ЦГИА СССР. Ф. 1361, оп. 2, д. 35, л. 51, 69 об., 70; д. 39, л. 3; д. 42, л. 38 об., 69; д. 75, л. 31; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 341; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 23—24, 26; *Pohjolan-Pirhonen H.* Kansakunta löytää itsensä... S. 638.
- ⁶² *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 26.
- ⁶³ *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 341; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 26; *Pohjolan-Pirhonen H.* Kansakunta löytää itsensä... S. 638.
- ⁶⁴ ЦГИА СССР. Ф. 1361, оп. 2, д. 36, л. 51, 69 об.; д. 42, л. 38 об., 69; д. 75, л. 31 об., 32; *Kilpi O. K.* Maanviljelysväestön ammatijako Vaasan läänissä vuosina 1815—1890 papiston väestötaulukujen mukaan. Helsinki, 1907. S. 24, 34; *Gebhard H.* Maanviljelysväestö. S. 96; *Juva M.* Kansallinen herääminen. S. 150.
- ⁶⁵ *Juusela V.* Maanviljelysväestön ammattijako Hämeen ja Mikkelin lääneissä vuosina 1815—1890 papiston väestötaulukujen mukaan. Helsinki, 1907. S. 23, 35; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 340, 350—351, 354; *Juva M.* Kansallinen herääminen. S. 150; *Pohjolan-Pirhonen H.* Kansakunta löytää itsensä... S. 637—638.
- ⁶⁶ *Бобович И. М.* Состояние сельского хозяйства «старой Финляндии» в конце XVIII—начале XIX в. С. 31—43; *Soininen A. M.* Vanha maataloutemme. S. 48—49; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 26; *Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. S. 369—370.
- ⁶⁷ *Helander A. B.* Suomen metsätalouden historia. S. 286—287.
- ⁶⁸ О дискуссии см.: *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 72—73.
- ⁶⁹ *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 75.
- ⁷⁰ Ibid. S. 73.
- ⁷¹ Ibid. S. 78.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ *Koskinen Y.* Kansallisia ja yhteiskunnallisia kirjoituksia. S. 287—288.
- ⁷⁴ *Kaukovalta K. V.* Hämeen läänin historia. S. 953—954; *Helander A. B.* Suomen metsätalouden historia. S. 286—287.
- ⁷⁵ *Гебгард Г.* Финляндские торпари. С. 5; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 83.
- ⁷⁶ *Kaukovalta K. V.* Hämeen läänin historia. S. 954—955; *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 84—86.
- ⁷⁷ Текст статьи см.: *Rasila V.* Suomen torpparikysymys... S. 81—82.

Заключение

Анализ конкретного исторического материала по затронутому в работе вопросам позволяет сделать следующие краткие выводы.

Мелкие арендаторы-торпари на частновладельческой земле начали появляться в Финляндии во второй половине XVI в. Главными причинами возникновения торпарской системы аренды являлись рост численности безземельного населения, а также стремление землевладельцев увеличить доходы от принадлежавших им угодий и обеспечить свои хозяйства рабочей силой. Нужда заставляла бедноту в поисках средств существования арендовать землю на кабальных условиях, преимущественно за отработки.

Торпарские хозяйства (торпы) создавались первоначально как на дворянской фрельсовой, так и на крестьянской скаттовой земле. Однако торпарская система на крестьянской земле была с самого начала своего возникновения лишена возможности дальнейшего развития. Исходя из интересов казны и господствующего класса дворян, правительство Шведского королевства, в состав которого до 1809 г. входила Финляндия, запретило в XVI в. межкрестьянскую аренду земли и лишило крестьян права иметь торпарей без внесения за обработанные ими участки дополнительной подати в казну. Это право сохранялось лишь за дворянами и другими привилегированными землевладельцами. Поэтому на скаттовой земле, находившейся в распоряжении крестьян, торпарская система не развивалась вплоть до середины XVIII в., когда был отменен запрет на создание крестьянских торп, свободных от налогообложения в казну.

Увеличение числа и размеров дворянских имений в XVII в., расширение в них товарного производства повышали спрос на рабочую силу. В условиях слабого развития товарно-денежных отношений и наличия больших пустошей предпочтение отдавалось торпарям-отработчикам, что в свою очередь стимулировало создание все новых торп и развитие торпарской системы аренды земли как источника рабочей силы.

Следует все же отметить, что хотя в конце XVII в. торпари играли важную роль в обеспечении господских хозяйств работниками, развитие торпарской системы в Финляндии в указанное

столетие шло весьма медленно и почти исключительно за счет роста числа торп на фрельзовой земле дворян. К началу XVIII в. торпарская аренда частновладельческой земли достигла в Финляндии пока еще невысокого уровня развития.

До начала 1740-х гг. официальная политика в торпарском вопросе не претерпела принципиальных изменений. Поэтому система торпарской аренды продолжала в первой половине XVIII в. развиваться в Финляндии преимущественно на земле фрельзовых и сетерейных имений, а также бустелей и рустхоллов, владельцы которых, как и фрельземаны, имели привилегии в отношении создания торп и использования труда торпарей. Наряду с батраками и ландбауерами торпари составляли в это время одну из основных категорий работников дворянских имений и хозяйств других привилегированных землевладельцев. Развитие торпарской системы в первой половине XVIII в. по сравнению с XVII в. шло в Финляндии довольно быстрыми темпами.

Важной вехой в истории развития торпарства в Финляндии являются 40—50-е гг. XVIII в., когда в Шведском государстве был отменен запрет на межкрестьянскую аренду земли и всем категориям крестьянства было предоставлено право иметь арендаторов. Постановления 1743 и 1757 гг. о торпарях ликвидировали все юридические преграды, стоявшие на пути развития торпарской системы аренды на крестьянской земле. Правительственные круги вынуждены были пойти на значительное расширение владельческих прав крестьян под давлением требований крестьянской верхушки и в особенности либерально настроенных представителей высших сословий.

Свою роль в изменении официальной политики в торпарском вопросе сыграли не только политические соображения и давление либеральных сил, но и то обстоятельство, что в условиях Шведского государства середины XVIII в. система мелкой аренды отвечала одновременно целям как отдельных землевладельцев, так и государственной власти. Первые видели в торпарях прежде всего надежную и дешевую рабочую силу для своих хозяйств. Правительство же со своей стороны рассчитывало с помощью торпарской системы повысить темпы прироста населения и ускорить освоение новых земель.

Пересмотр правительственной политики в торпарском вопросе, выразившийся в отмене ограничений, а затем и в поощрении создания крестьянских торп, ускорил рост числа торпарей во второй половине XVIII в.

Дальнейшему развитию торпарской системы способствовали также изменения аграрного законодательства в целом, начатые в середине XVIII в., переход к разделу общинных лесов и ликвидации чересполосицы. Правда, отчуждение «лишних» участков у крестьян в ходе аграрной реформы несколько ограничило возможности для расширения торпарской системы на податной земле. Но и после «большого передела» в распоряжении финляндских крестьян остались значительные площади неосвоенных земель,

которые они могли отдавать в аренду торпарям. Поэтому аграрная реформа не только не замедлила, но даже стимулировала развитие торпарской системы, так как расширила владельческие права крестьян и возможности для проявления частной инициативы землевладельцев.

Наличие неосвоенных угодий, экономическая выгода и острая нехватка рабочих рук побуждали помещиков-дворян и других земельных собственников, включая и крестьян, расширять торпарскую систему аренды. Торпарская система развивалась в Финляндии и во второй половине XVIII в. прежде всего как источник рабочей силы для крупных хозяйств, включая теперь и крестьянские.

Быстрое развитие системы мелкой аренды земли во второй половине XVIII в. и тот факт, что в арендной плате торпарей значительную, а нередко и основную часть составляли отработки, свидетельствовали о возрастающей роли торпарей в освоении новых площадей и в обеспечении хозяйств землевладельцев работниками.

Отличительная особенность развития торпарской системы во второй половине XVIII в. по сравнению с предыдущим периодом заключалась в том, что если до середины XVIII в. система торпарской аренды развивалась прежде всего как источник рабочей силы для привилегированных господских хозяйств, то во второй половине столетия торпари осваивали в основном пустоши, принадлежавшие крестьянам, и подавляющую часть торпарей в конце века составляли арендаторы не помещичьей, а крестьянской земли. К началу XIX в. центр тяжести торпарской системы переместился на крестьянские земли.

В первой половине XIX в. система мелкой аренды земли в Финляндии продолжала в целом расширяться, достигнув в своем развитии наивысшего уровня к концу 60-х гг. Однако в условиях дальнейшего обострения кризиса феодализма в рассматриваемый период появляются первые признаки начала кризиса и торпарской системы как одной из форм феодальных отношений в землепользовании.

Постепенное сокращение неосвоенных площадей, повышение стоимости земли и в особенности леса по мере расширения товарного хозяйства и производства пиломатериалов привели к замедлению темпов развития системы торпарской аренды в целом по стране, прекращению роста и даже уменьшению количества торп в отдельных провинциях к 60-м гг. XIX в.

До конца рассматриваемого периода основу торпарской системы в Финляндии составляли отработки и издольщина, которые ставили торпаря в кабальную зависимость от землевладельца и позволяли подвергать его полукрепостнической эксплуатации.

Удорожание земли и стремление землевладельцев увеличить выпуск товарной продукции вели к повышению арендной платы, общему сокращению сроков арендных соглашений, ограничению прав торпарей в использовании леса. Усиление эксплуатации при-

вело в свою очередь к росту недовольства среди торпарей и побудило их начать движение за улучшение своего положения. Возник так называемый торпарский вопрос. Являясь составной частью более широкой проблемы, порожденной непрерывным и быстрым ростом в стране безземельного населения, торпарский вопрос постепенно занял центральное место во всей социально-экономической жизни Финляндии.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Становление торпарской системы аренды земли в Финляндии	9
Причины возникновения торпарской аренды	9
Рост численности торпарей в XVII в.	16
Развитие системы мелкой аренды частновладельческой земли в Финляндии в XVIII в.	29
Влияние аграрной политики шведского правительства на развитие торпарской системы в Финляндии в 20—30-е гг. XVIII в.	29
Аграрные реформы и изменение правительственной политики в тор- парском вопросе в 40—50-е гг. XVIII в.	40
Расширение торпарства во второй половине XVIII в.	53
Торпарская система землепользования в Финляндии в первой половине XIX в.	73
Аграрные отношения в Финляндии в первой половине XIX в.	73
Правовое и материальное положение финляндских торпарей в первой половине XIX в.	79
Изменения численности торпарей в первой половине XIX в. и возникновение торпарского вопроса	88
Заключение	100

Арви Павлович Л а й д и н е н

ТОРПАРСКАЯ СИСТЕМА АРЕНДЫ ЗЕМЛИ В ФИНЛЯНДИИ XVII—первая половина XIX в.

*Утверждено к печати Институтом языка, литературы и истории
Карельского филиала Академии наук СССР*

Редактор издательства *А. И. Строева*. Художник *И. П. Кремлев*
Технический редактор *О. В. Любимова*
Корректоры *Т. М. Гейдур* и *Т. И. Зайцева*

ИБ № 33119

Сдано в набор 23.04.87. Подписано к печати 16.11.87. М-33168. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Фотонабор. Усл. печ. л. 6.5.
Усл. кр.-отт. 6.74. Уч.-изд. л. 7.98. Тираж 600. Тип. зак. № 1524. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение.
19034, Ленинград, В-34, Менделеевская линия, 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
19034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.